

Роман Бадалов

Нана
БиХОДИТ
ЗотУЖ

Юмористические
рассказы

Роман Бадалов

Папа ВЫХОДИТ замуж

Юмористические рассказы

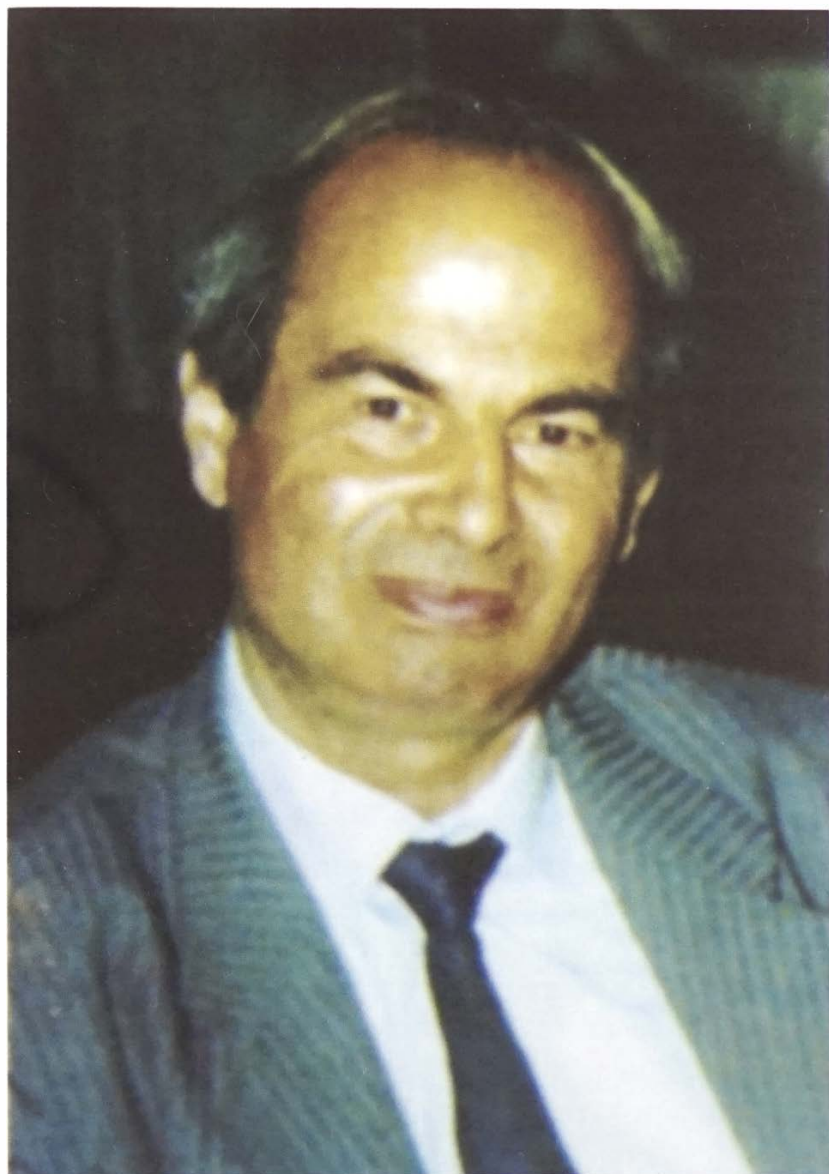
Тель-Авив
2006

Папа выходит замуж!

© Роман Бадалов

Телефон для справок: 050-7556059
03-7300734

ISBN 965-90992-0-7

© Все права принадлежат автору. Перепечатка, переиздание целиком или по частям, переводы на другие языки не разрешаются без письменного согласия автора

РОМАН БАДАЛОВ:

Роман Бадалов, или, как его еще называют, доктор Бадалов, - известный поэт, прозаик и журналист. Его творчество давно известно и российскому, и израильскому читателю. Он - автор ряда интересных книг прозы и поэзии, среди которых наиболее известны: «Иду на огонь», «Живу на войне», «Кавказские тосты», «Похищение Семендера», «Анджи-наме». В свое время две книги писателя были представлены на соискание государственных премий. Здесь, в Израиле, это «Живу на войне», а на родине исхода, это «Иду на огонь». На литературном поприще Роман Бадалов дебютировал, как поэт. Он был самым юным делегатом на Первом съезде молодых писателей Дагестана.

До приезда в Израиль, Роман Бадалов работал собственным корреспондентом ряда центральных газет по региону Северного Кавказа, параллельно активно сотрудничая с центральными художественными и общественно - политическими журналами: «Москва», «Нева» «Знамя», «Звезда», «Молодая гвардия» и «Звезда Востока», в которых печатались такие поэты, как Назым Хикмет и Зульфия. Печатался Роман Бадалов и в международном журнале «Форум». Кроме того, как публицист, печатался в «Лите-

ратурной газете», «Известиях», «Сельской жизни», «Комсомольской правде». С 1995 года живет в Израиле, активно работая и, как писатель, и, как журналист. Регулярно печатается на страницах «Новости недели», «Вести», «Секрет», «Менора» Роман Бадалов — интернационалист по духу и своему мировоззрению. Но кавказская тема, остается для него главной. И вот новые книги писателя - «Аи лазат!» и «Папа выходит замуж». Роман Бадалов предстает в них в новом амплуа - в жанре юмористических рассказов, лишний раз подтверждая аксиому о том, что над собой могут смеяться только сильные и очень серьезные люди.

Его имя занесено в Краткую Еврейскую Энциклопедию.

От автора

Это правда, трудная олимовская жизнь, в той, или иной степени, напоминает фронт, войну. Но даже в этих, порой невыносимых условиях, надо оставаться самим собой, не теряя человеческого достоинства и чести. Одним словом, надо уметь, как говорят боксеры, держать удар. В данном случае, удар судьбы.

Правда, не у всех это получается: некоторые сдаются, ломаются, подсказывает артериальное давление. Конечный результат однозначен: это хождение за таблетками. Но самое хорошее лекарство, как утверждали еще древние, - это смех, который лечит от всех болезней, а от тоски и уныния, в первую очередь. Смеяться, право, не грешно, смотря над кем, - заметит некий брюзга. Над чужими можно, а зачем же смеяться над собой? В этом как раз, и вся мудрость человека, который понимает тонкий юмор и может видеть лучи солнца даже тогда, когда оно закрыто черными тучами, но, как автор предлагаемых рассказов, который не по наслышке знает о горячности своих земляков кавказцев, хочу с полной ответственностью и вполне конфедициально заявить о том, что все имена в книге вымышлены, хотя сюжеты и взяты из нашей повседневной жизни. Это сообщение к тому, чтобы, не дай бог, люди, носящие похожие имена, не подумали, что речь идет о них и не приняли бы это за личную обиду.

Итак, поехали. Адрес: Страна Смеха.
С глубоким уважением,
автор и заслуженный смехотворец
Роман Бадалов

ПАПА ВЫХОДИТ ЗАМУЖ

Никогда еще в своей жизни Мазаль – жена известного на всем хасавюртовском базаре мясника Хизгила, не получала подобной телеграммы. Справедливости ради надо сказать, что прожив на белом свете 45 лет, она была одной из самых активнейших клиенток городского почтамта. Она получала уйму писем от близких и далеких родственников, как теперь говорят – из дальнего и ближнего зарубежья, и столько же различных посылок и бандеролей. И, разумеется, не только получала, но и сама тоже отправляла. Только телеграмму подобного содержания она получала впервые.

– Поздравляем всех вас. Пятого мая папа выходит замуж. Целуем. Ждем, Адрес: Израиль, Тель-Авив, Хагана, 000. Маргарита.

Маргарита приходилась родной сестрой Мазаль. Она была замужем за бывшим ветеринаром, которого тоже звали громким именем Израиль, и который теперь работал по новой-старой профессии на маленьком, но, правду сказать, веселом рынке в Шхунат Тиква. Краснощекая и аппетитная, как жаркое в томатном соусе, Мазаль сжимала в руках телеграмму, как праздничный флажок на первомайском параде эпохи Брежнева, мучительно пытаюсь расшиф-

ровать его содержание, но не сумев сделать это, обратилась к своему суженному:

– Израиль, Израиль, – ты только послушай, не переставая размахивать телеграммой, как некогда красным флажком на первомайском параде, – кричала сгорающая от любопытства Мазаль, почти влетев на кухню, где муженек, зажав глаза, с наслаждением посасывал из

большого хрустального бокала красное шабатное вино. Услышав возгласы жены, медленно, как бы нехотя, он открыл круглые, как у породистого бычка глаза, и без особого интереса спросил:

– Что случилось? Чего ты так раскричалась?

– А, что я должна делать? – еще громче прежнего воскликнула Мазаль.

На читай! Папа выходит замуж!

— А чему, дорогая женушка, удивляться. Твой отец и мой тесть — человек особый, цивилизованный, любит идти в ногу со временем. Прогресс, милая, прогресс. Может даже транссексуалом стал? Сейчас это модно. Есть же там в Израиле знаменитая особа... певица популярная... Дана.. Фамилию запомнил. Ага, вспомнил. Интернейшнл. А ведь она раньше тоже была мужчиной.

— Ави Козном, по-моему, звали. А теперь вот Дана.

— Да, что ты чепуху мелишь, — взбунтовалась аппетитная жена работника рынка. Отец уже не в том возрасте, когда такие номера выкидывают Любви все возрасты покорны, — умиленно произнес супруг Израиль, демонстрируя знакомство с высокой поэзией. Может он на старости лет решил попробовать?

Аппетитная супруга не дала договорить развеселившемуся мужу: Это трагедия. А ты ловишь ха-ха...

Нет, что ты, милая! Не думай обо мне так плохо. Но, пойми сама, сейчас время такое. Все перевернулось. А тем более там, на Западе: на уме только секс и политика. Вот бедного Шарона и то уложили. Вот уже три месяца, как лежит. Правда, не говорят с кем. Иногда лишь

слышишь намеки: «Надо его рядом с Леей положить!»

Пофилософствовав еще с минуту, муж с громким именем Израиль, вдруг схватился обеими руками за голову, а потом таинственно произнес: «А ты позвони. И все сомнения рассеются, как хамсин на еврейский Пейсах.

Опять ерунду порешь, – возмутилась Мазаль. Куда звонить? На хасавюртовский рынок? Ты же знаешь, что у них нет телефона; на главпочту ходят. Это во-первых. А во-вторых, где ты видел, чтоб в апреле прохладно было? Я не имею в виду весь апрель, – стал успокаивать жену нынешний гражданин еврейского государства. Я говорю только за неделю, когда Пейсах. Обязательно будет и дождь, и холодно, и даже снег невзначай может выпасть. Это уже проверено годами.

– Ладно, ладно, твоя взяла, – сказала примирительно Мазаль. У нас всего три дня в запасе. Надо взять билеты на самолет. Летим через Москву.

Вот это уже деловой разговор. Сейчас узнаю свою женушку. Пятого мая утренним рейсом жители маленького, но очень известного Хасавюрта, где сам боевой генерал с романтической фамилией Лебедь подписал какие-то важные договора, а поэтому, ставшим историческим,

так вот его граждане – дочь и зять мясника Хизгила Мискинджи благополучно прибыли в Тель-Авив. Их встречала многочисленная родня. Было много смеха и не меньше слез, как от радости, так и от волнения. А больше всех радовалась новоиспеченная невеста и самая младшая сестричка Мазаль – Капа. Это именно она выходила замуж. Среди встречающих был и отец. Прочтя телеграмму, он залился хохотом, да так, что глядя на него этим хохотом заразилась и вся родня. Людей в аэропорту Бен Гурион, как всегда было много. Но никто не мог понять толком, что происходит. Один из любопытных, как это и принято на благославенной земле, бесцеремонно подошел к Израилю и спросил: Райкин? На что бывалый тесть не полез за словом в карман, а почти выстрелил в упор: «Не, Хазанов» Смех не прекращался и дома. Телеграмма со словами «папа выходит замуж» переходила из рук в руки. Говорят, что она стала семейной реликвией.

ВАЛЮТНЫЙ РОМАН

Не исповедимы пути господни. Мишель Адиняев – коренной махачкалинец и, как любил говорить сам, гражданин Порт – Петровска. До репатриации он имел отношение к науке. Был «ученым мужем». Конечно, не таким известным, как Альберт Энштейн или Сигизмунд Фрейд, или, хотя бы, как Лев Ландау. Но, как не крути, ученый. И тоже занимался физикой. А через ночь на товарной бирже разгружал вагоны. Не от хорошей жизни, разумеется, и не ради спортивных тренировок. Он и его супруга Рохель, хотя и жили среди людей сорока пяти национальностей, оставались теми, кем их породил господь: евреями. И поэтому оставались верны Его призыву: «Плодитесь и размножайтесь!». И они наплодили аж двенадцать мальчиков и девочек, ровно по количеству еврейских колен. На зарплату самого Мишеля можно было содержать ровно двенадцать цыплят до их совершеннолетия и пару домашних голубей впридачу, но уж никак не целую футбольную команду. И поэтому, когда началась алия – сначала маленькая, а потом и большая – Мишель не задумываясь отважился на репатриацию. Его жена, как послушная еврейская женщина, не сопротивлялась. Коллега Энштейна по физиче-

ской науке, обосновался не где-нибудь в захолустном киббуце, а сразу приземлился в Тель-Авиве. Его расчет был прост и понятен: в большом городе всегда что-нибудь найдется. И не только для мясников, но и для физиков и даже для неизлечимых лириков. Мишель первым делом позаботился о крыше над головой. Да что там и говорить, где он еще так дешево мог взять квартиру на съем, если не на Шхунат а-Тиква? Веселое место. Веселее разве что в цирке, на Цветном бульваре. Но это Москва. Там по статусу положено быть смешнее. Мишель, как настоящий ученый муж, и как настоящий глава большого семейства, понимал, что надо думать не только о себе, но и о детях, которым до самостоятельности еще было очень далеко. Их надо было накормить, одеть, обуть. У него не было хорошего иврита. А без языка, как воздушный лайнер без двигателей. И пошел физик убирать улицы. Его снабдили тележкой, метлой и лопатой. Мусора на улицах хватало, а денег катастрофически нет. Мишель жил рядом с базаром, где всегда было шумно, и где торгаши завывали на все голоса, как бездомные собаки в лютую стужу. Таким способом они приглашали покупателей. До очередной уплаты за съем квартиры оставалось три – четыре дня. Бесконечные приглашения на всевозможные семейные торжества, изрядно опустошили его карма-

ны. И он впервые со дня приезда осознал катастрофичность своего положения: денег для выплаты балабайту не было. Как честный человек он сказал об этом хозяину квартиры. Хозяин на то и хозяин.

– «Эн кесеф? Лех бахуц! Ма лаасот, мотек?»
– Нет денег? Иди на улицу! Что делать?

И Мишель стал вместе со своей Рохель собирать свои пожитки, даже не зная пока куда уходить. Нет, не зря говорят, что нет худа без добра. Собирая свои вещи, Мишель тщательно проверял каждый уголок, дабы не забыть что-нибудь второпях. Он не поверил своим глазам: в одном из ящиков в кладовке бедный ученый муж вдруг наткнулся на тайник, а точнее, на пухлый сверток. Раскрыв его, он, к своей неопишуемой радости, увидел множество сто долларовых купюр. Теперь Мишель спасен. Теперь он может сполна расплатиться с хозяином. На радостях он даже решил себе сотворить маленький праздник. Хотя до нового года и было далеко, он решил откупорить бутылочку шампанского. _ Нет, все-таки, бог есть, – произнес вслух бывший атеист и бывший физик. Не зря эту землю называют святой. Мишель пришел в один из магазинчиков, что был рядом с домом, где он жил, а придя, взял шампанское и торжественно протянул владельцу ларька зелененькую стодолларовую бумажку. Тот хорошо знал

Мишеля, как уборщика улиц. Зелененькая вызвала в нем какое-то подозрение. – Ты, случайно, не на своей мусоровозке печатаешь эти деньги?, – открыто и безо всякого стеснения спросил торгаш. – Нет, с обидой ответил бывший физик и несостоявшийся Энштейн. Я на ней вожу мусор.

Незаметно для нашедшего клад покупателя, владелец ларька позвонил в полицию. Уже в следующую минуту к ларьку подъехала полицейская машина. Но к большому удивлению продавца, полицейские не стали выкручивать руки потенциальному фальшивомонетчику, стараясь одеть на него наручники. Один из полицейских был сыном хозяина квартиры. Он сразу же узнал Мишеля и тепло поздоровался с ним.

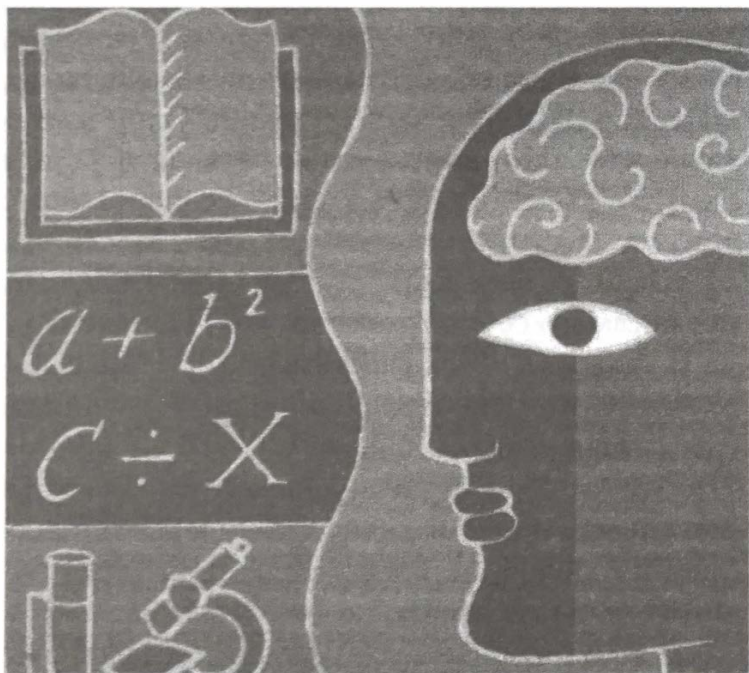
– За этого человека, – сказал он, – я отвечаю, как за самого себя.. Это же святой, Мошиах..

И святой человек рассказал всю историю того, что с ним приключилось всего час назад. Рассказал о кладе.

– Что ж, тебе по закону полагается четвертая часть найденного. Я лично пойду в свидетели, – сказал молодой полицейский, который был сыном хозяина квартиры.

- Как говорится, все хорошо, когда хорошо кончается. Сыну хозяина еще горячо беседовал с Мишелем, когда ему позвонили на пелефон.

Звонили из министерства строительства. Земишпаху Мишель Адиняев? – Кен?... Беседер... Говоривший сразу же переключился на русский, как некогда армянское радио мгновенно переключалось с репортажа со свинофермы на анекдоты про Никиту Сергеевича. – Вам выделена трехкомнатная квартира, господин Адиняев. Вселение немедленное. Шалом.

АЙ ЛАЗАТ!

– Вах! Вах – Вах! Кого я вижу! Сколько лет, сколько зим, – не то с восхищением, не то с удивлением, восклицал входя в купе спального вагона фирменного поезда «Махачкала – Москва» высокорослый, с румянцем во всю щеку, не уступающему, между прочим, румянцу наманганских яблок, богатырского телосложения и с пышными усами, которыми сегодня владеет разве что Амир Перец, он же председатель колхоза «Вперед» (Ни в коем случае, не путать с «Кадима»), Гершель Рабихаимов, увидя уютно расположившегося там, своего давнего знакомого и коллегу Исаака Данова – (не путать с Исааком Ньютоном), председателя крупного кооператива «Дары моря».

– Воистину пути господни неисповедимы, дорогой Исаак, – железным баритоном пропел Гершель, которого близкие звали просто Гюршом, захватывая того в свои «мертвые клещи» – объятья.

– Эй, дай я погляжу на тебя еще раз... Радость-то какая! Значит едем в нашу родную столицу, нашу дорогую Москву. Спасибо, что Всевышний свел нас на этом хорошем пути, – радостно сказал Гершель, медленно и нехотя

и прочее, не считая красных кабардинских яблок и гимринских груш.

Перехватив несколько удивленный взгляд близкого товарища и соседа по совместному купе, Гершель заметил мимоходом: — Это все причуды моей драгоценной жены Манечки. Боятся бестия, что я похудею, черт бы ее побрал. Хотя, откровенно скажу, какой прок от худой овцы и тощего мужчины? — И он разразился почти гомерическим смехом: ха — ха— ха— ха — ха — ха..

— Э, заговорились мы с тобой. Давай оставим все эти пустые разговоры для любителя сказок Шенде — Мендс. Как говорят наши друзья кумыки — хабар да хинкал яхши — чем разговоры, хинкал лучше.

— Подожди, подожди, — перебил председателя колхоза Исаак, увидя во что тот собирается разливать коньяк. — Ты что собираешься пить из этих наперстков! У меня есть калибром побольше,— сказал он, доставая из своего «хурджина» два граненых стакана. — Как говорил мой дедушка Шай, — продолжил монолог Исаак, — пить из таких рюмочек пустая трата времени: до языка доходит, а до головы нет.

— А с такой закуской, дорогой Гершель,— можно и весь Каспий вылакать, не то что бутылку «Лезгинки». Воистину, твоя правда,—

поддержал своего уважаемого соседа по купе Гершель. Пища богов!

Время за разговором и вкусной пищей богов, проходило для закадычных друзей совсем незаметно. Было уже далеко за полночь, а поздний ужин и беседа продолжались. За окнами вагона была темная осенняя ночь. Тук-тук...Тук-тук- тук. Этот монотонный стук колес отдавался в ушах изрядно выпивших к тому времени приятелей, какой-то сладостной музыкой. Спать не хотелось. Хотелось говорить, говорить, а еще больше – пить и есть. Гершель небрежно откинулся на спинку сидения, и вдруг его взгляд машинально остановился на цветном журнале, на котором была изображена совершенно голая женщина. От необычного видения Гершель даже зажмурился.

«О, бог милосердный, смилуйся над нами грешными» – взмолился он мысленно. Через минуту – другую он медленно открыл сначала левый, а потом уже и правый глаз. Голая женщина лежала рядом, совсем вплотную с его собеседником.

– Эй, Исаак, – произнес председатель колхоза, стараясь не терять бодрости духа. Что эта за голая женщина лежит рядом с тобой? Дай взгляну на эту кралю поближе...

– Тоже нашел на что смотреть,– нехотя сказал хозяин всех даров моря. – Ты что, Гершель, голых женщин не видел? Ничего там хорошего нет. Стриптиз по современному называется. Неприлично это. Клянусь Всевышним, неприлично. Смотреть противно.

– Ты слишком, наверно, долго смотрел, поэтому тебе и противно, – съязвил колхозный предводитель.

– Да не о том ты говоришь совсем, заблуждаешься, – как мог защищался от нападков Исаак. – И продолжал: – Это только цветочки. Ягодки впереди. Знаешь, Гершель, я, буквально, вчера держал в руках, как синицу, первый номер новой газеты местных демократов. «Рассвет» называется. Так вот, меня ошеломила одна информация.

– О взятках? – Сразу взбодрился Гершель.

– Какие там взятки?! Бордели опять открываются. Понял?

– Тоже нашел чем напугать. В Израиле, как мне пишут друзья, таких борделей через каждые полметра... И девицы, уже готовые к любви, прямо у входа стоят в чем мама их родила. А ты говоришь...

– В Израиле горячее солнце, поэтому девицам жарко. Вот они и стоят голые, – вновь посвоему сморозил Гершель, который уже почти

клевал носом и только наостроенным ухом улавливал все же темпераментное выступление купейного соседа. А Исаак продолжал говорить и говорить, как заведенный патефон. Гершель слушал, прижмутив глаза и широко открыв рот, словно хотел, как на дискете, сохранить все слова у себя во рту. И хотя он числился в «верхах» и любая свежая информация, что называется – из первых рук, попадала к нему, но слушая все это до того, как уснул окончательно, он понял, что безнадежно отстал от самых последних событий

Аи–аи–аи... Да ты же спишь, Гершель? – почти возмутился Исаак.

– Никак нет, дорогой друг. Я немножечко прикрыл глаза, но все твои слова прекрасно слышал. Так что, все в порядке. Как можно уснуть, услышав такое! – И прежде чем отойти ко второму сну, дал даже новый комментарий:

– Никогда не думал, что демократы тоже интересуются борделями. Это, вроде бы, не их компетенция.

– А, что демократы, разве не живые люди? – перебил Исаак. – Они тоже любят женщин. Тем более, голых. И давно, между прочим. Марата кто убил? Разве не женщина? И где, спросите вы? Отвечу: в ванной.

– Опять мы с тобой не в ту степь поехали. Давай, наливай, а не то уже стаканы примерзли.

На купейном столике рядом с двумя уже порожними бутылками появилась третья.

– На-ли-вай! – в голосе Гершеля после обильно принятой дозы дубильных веществ стало заметно больше металла, хотя речь его и приобрела менее внятный и не такой скоростной характер.

– А ты хорош... Хорош, Исаак, журнальчики с раздетыми женщинами разглядываешь. Не думай, что я пьян. Это так, по-дружески. Кстати, о женщинах. Не помню, кто из философов – Цицерон или Спиноза – сказал, что женщину раздеть легче, чем одеть. Ты меня слышишь. Ха-ха. Хе-хе. Но ни одну задаром не разденешь. Это факт. Времена другие. Придешь к какой-нибудь замухрышке... От нее, извини, мочой прет, а она туда же: «Ты мне французские духи принес?» Словом, все одно, что одеть, что раздеть.

– Уважаемый Гершель, мы тоже не темный народ. Прессу читаем. Скажу откровенно: я, Исаак тоже интересуюсь ими, женщинами. И одеть ее сегодня очень трудно. Одни сапожки 100, а то и 200 баксов стоят. Одно платье примерно столько же. А ведь ей надо не только верх прикрыть. Что-то и на нижнюю часть на-

цепить надо. Одни бикини – это узенькая тоненькая веревочка двадцать зеленых стоит. За веревочку, что так без дела между ног болтается.

– Э, позволь, с тобой не согласиться, – опрокинув очередную порцию «Лезгинки», протестовал руководитель хозяйственного звена. Вот ты говоришь бикини... Кусочек веревки и столько денег. Так это же на дураков рассчитано. Зачем, спрашивается, на хорошую вещь футляр цеплять? Натуральное всегда смотрится красивее.

Но Гершель уже не слышал его. Он отъехал во второй сон. Он безмятежно спал. И по его умиленному лицу было видно, что ему снится что-то приятное. Время от времени он восклицал сладкое, как мед и понятное безо всякого перевода очень короткое словосочетание: Пах... Пах.. Аи лазат! Пах... Пах... Аи лазат! Видимо, он находился в борделе, или, как принято теперь это правильно называть, в массажном кабинете, и обозревал все живьем, в натуральную величину, а не на плоских картинках самодеятельных художников– рвачей, ради денег которые готовы оголить кого хочешь, даже свою родную тещу. Ему, наверно снились видения, достойные самого Микельанджело, или уже почти нашего современника и тоже великого –

Сальвадора Дали. Исак выключил свет и, не раздеваясь, прилег. Его глаза тоже слипались в сладкой дреме, а до ушей продолжала доноситься знакомая колесная песня: тук – тук, тук – тук. А совсем рядом он продолжал слышать сладостное восклицание: Пах –пах. Аи лазат! Пах – пах. Аи лазат! Это номенклатурный предводитель коллективного хозяйства товарищ Гершель продолжал досматривать свой эротический сон.

ЗАЛИМХАН

– Чтоб ты на одной зарплате жил, – частенько, иногда в шутку, а порою и всерьез, проклинали друг друга друзья и непримиримые враги, живущие не где-нибудь на далеком Марсе, а здесь, в нашей солнечной системе, на планете людей, а еще точнее – в древнем и хлебосольном Дербенте, между прочим, тоже отдельной и малоизученной планете.

У Нахшуна Бирарова врагов, как таковых, не было. И он был очень скромным и отзывчивым человеком.. А еще учителем филологии. Знал почти наизусть всего Пушкина, Блока, Есенина, даже Омар Хаяма и Саади. Был гол, как сокол, потому что жил на одной учительской зарплате, на которой особо не разживешься. У него не было ни дачи, ни машины, как у других его сверстников и многих друзей детства. А поэтому он всегда ходил пешком, как грустный Чехов, который писал смешные рассказы. Нахшун женился по любви на своей кузине Берте, которая ответила ему взаимностью. Но, как говорят злые языки, любовь приходит и уходит, а кушать хочется каждый день. Видя, что муж мало приспособлен к реальной жизни, ее любовь к суженному стала заметно угасать, как большой

костер в который перестали бросать дровишки. Нахшун чувствовал это, но ничего не мог сделать со своей непрактичностью. И поэтому нередко открыто признавался в этом:

– Ну не наделил меня Всевышний этой жилкой дельца, понимаешь? Ну забыл обо мне. Что теперь вешаться? Ну не буду работать и в школе тоже. Буду сидеть дома, если тебе от этого станет легче, – с упреком докладывал своей супруге учитель с маленькой зарплатой.

– А на следующий день Нахшон, тем не менее, на работу вышел. И так получилось, что в этот же день к нему в школу своей собственной персоной явился друг детства Бебейхуна – ныне товаровед и уважаемый человек, у которого все есть – и белый верх, и черный низ, а еще куча денег: сам черт свихнется пока их пересчитает.

– Я лично приглашаю тебя, как своего школьного друга на наше семейное торжество – свадьбу сына – первенца. Нахшон, дорогой, на тебя вся надежда. Ты – человек-энциклопедия, начитан до зубов. Будешь у меня главным человеком. Понял? Приходи обязательно.

– А на следующий день в школе, где работал Нахшон, выдавали зарплату.

– Вот везение, – сказал бедный учитель самому себе. Как бы я пошел на свадьбу без денег. Такого позора я бы не пережил

- Нахшон получил деньги, аккуратно сложил их в небольшой конверт, который и положил в правый карман брюк. А в левый – сунул немного из мелких купюр, предусмотрительно приготовив их для раздачи женщинам - партнершам во время танцев. Таков древний кавказский обычай. Ритуал мужского уважения.

- На свадьбу Нахшон пришел один. Когда он подошел к Залу Торжеств, свадьба была в разгаре, и люди гуляли вовсю. А уже войдя в зал, он увидел таких денежных людей, что ему немного стало страшно. Страшно от того, что он вдруг почувствовал себя совсем маленьким человечком, ну, как какой-нибудь лилипутик из цирковой труппы. Ему захотелось спрятаться, стать малозаметным. Столы ломились от различных яств, всевозможных блюд кавказской и европейской кухни. Народ гулял вовсю. Вдруг раздался грохот аплодисментов. Нахшону показалось, что сейчас войдут молодожены, и что эти аплодисменты адресованы именно им. Но он ошибся. В зал, действительно, вошли. Но не молодые. Первым вошел маленький, толстый и рыжий человек, о которых говорят - «метр с шапкой». А за ним следовала целая свита всевозможных подхалимов и пустых особ разного калибра. Нахшон сразу узнал пузатого Илофу – завмага по кличке Залимхан. Музыканты тут же заиграли «туш»

- Салют Залимхану! Салют Залимхану! – дружно скандировал зал. И тут толстый и маленький как лилипут советский завмаг, – прирожденный танцор пустился в пляс, демонстрируя класс виртуозного солиста из знаменитой «Лезгинки». А вскоре одну за другой стал приглашать на танец всех рядом стоящих девушек и женщин, одновременно всовывая им в руки крупные бумажные купюры с изображением Ульянова – Ленина.

- Салют Залимхану! Салют Залимхану! Слава! Слава! Слава! И от этих возгласов, тихо сидящему в укромном уголке зала Нахшону, становилось как-то совсем не по себе – и страшно, и досадно. Страшно от того, что и его сейчас могут заметить и потащить в этот нескончаемый перепляс. И в это самое мгновение он услышал новые возгласы: «Да здравствуют советские учителя!»

- Не успел Нахшон опомниться, как двое рослых парней взяли его за руки и понесли прямо к эпицентру танцев. Тут же его плотным кольцом окружили габаритные дамы. Нахшон не мог ударить лицом в грязь: обычай есть обычай, И он не спрашивает: есть у тебя деньги, или их нет вовсе, богатый ты или бедный. Он не мог соперничать с Залимханом по части денег, тот был в ударе и осыпал своих напарниц, как деревья листвой тротуары в осеннюю пору.

Нахшон осыпать не мог. Он всовывал им в руки зелененькие трехрублевки. Он не был учителем математики, но быстро сосчитал, что еще пять минут таких импровизаций, его карманы точно опустеют, а милая супруга Берта не получит от него никаких денег. — Но что-то нашло и на Нахшона: «Эх, гулять, так гулять,— сказал он громко, с остервенением вытаскивая из брюк последние хрустящие пятерочки, предназначенные казне жены и всовывая их в руки напарниц, танцующих с ним. В какую -то минуту ему удалось вырваться из этой танцевальной карусели. Нахшон отошел в укромный угол, вытащил из кармана конверт: он был пуст. Теперь у него не было даже денег, чтоб отдать положенный свадебный подарок. А до его слуха снова стали доноситься бравые возгласы: «Салют Залимхану! Слава советской торговле!» Но Нахшон уже не хотел ни слышать, ни видеть кого-либо. Он хотел исчезнуть, стать невидимкой. А впереди его ждала бурная ночь: он возвращался без денег, которые должен был вручить жене, как и положено в день получки. Он поклялся самому себе, что больше никогда не будет ходить на свадьбы один, и в такой трудный день, когда выдают зарплату.

ХАЛЯВЩИК

Ханух – сын известной плакальщицы округа Рамат- ха-Шарон тети Гюзель, имел от рождения хобби. Нет, он не пел, не танцевал, а на книги, вообще, не любил смотреть, как на «Мерседес» запрятого кривоногого соседа Фэрэжа.

– Потратил такие бешенные бабки на скоростную «железку»,– скрипя зубами от зависти говорил Ханух – сын плакальщицы. Лучше бы эти деньги дал бы мне. Я бы ему за услугу хотя бы кувалдой ноги выпрямил. И сам смеялся над своей совсем не смешной шуткой. Но кроме этой черно-белой зависти, Ханух, как уже было сказано выше, имел, как и многие другие смертные, по обыкновению, хобби. Оно было у него особое: он любил поест и выпить на халяву. Он был, между тем, и себе на уме: Ханух знал, что даже в плюгавом ресторанчике ему просто так за красивые глаза никто и ничего не даст. Ни выпить, ни закусить, конечно. Да и у соседа, особенно такого жмота, как этот кривоногий Фэрэж, тоже не разживешься. У людей соседи, как соседи. А этот, извините, в унитаза назад оглядывается после утренней процедуры: нельзя ли что-нибудь оттуда выбрать на обед.

Нет, я за это обиды ни на кого не держу. А вот ему бы желал только одного: чтоб на его двенадцатиперстную Всевышний на недельку запор засандалил. По ресторанам шляться, надо хорошенькие денежки иметь,— трезво рассуждал обладатель необыкновенного хобби. А где их взять? Особенно, когда милая женушка (черт бы ее побрал), все карманы очищает получше, чем дядя Гиля, тротуар на соседней улице. Тот хоть одну бумагу собирает, а три оставляет на потом: не все же сразу подметать. Прямо — таки экстремальная ситуация, — продолжал рассуждать Ханух. — Э, нет, брат, из любых ситуаций есть выход, если даже на петле висишь.

Халявщик, на то и халявщик, чтобы мозгами шевелить. А шевеля ими, всегда можно найти бесплатный сыр и не обязательно в мышеловке. Под «бесплатным сыром» Ханух имел в виду место, где можно на халяву выпить, закусить, а еще и на высокие материи поговорить — благо слушатели всегда найдутся, люди, которые с интересом выслушают твою философию.

Но проблема халявщины у Хануха решилась сама по себе, без особого труда и шевеления мозгов. Уже на следующее утро на его мобильник позвонил другой любитель халявы — крючковатый пройдоха по имени Сосун. — Бокер тов! До сих пор спим?

- Какой спим!– буркнул Ханух в мобильник. В горле совсем сухо.

- Пойдем промочим, а заодно и человека в лучший мир проведем. Шевадия из Темирхан – Шуры, то биш из революционного Буйнакса в Нетании умер. Да, да, который мясником в лабазе работал. Хорошие «бабки» там сделал. А здесь, извини, задницу на запасах грел. А что? Чем не работа? Жил себе мужик припеваючи и, как говорят, лимонные корочки на Битуах Леуми положил. Ну умер, что делать? Все мы смертны – и великие, и прихлебатели. Вот Отец народов умер, и мы с тобой сгинем. Отца народов, я надеюсь, ты помнишь... Это еще при нем нас с тобой за карманную кражу в детскую колонию отгрохали. Иосифом Виссарионовичем звали. Это так, на всякий случай, если, не дай бог, запомнят. Бывает.

- Похороны Шевадя прошли на очень-таки высоком уровне: просто ой–ой–ой! Несведующий человек мог подумать, что кто-то играет свадьбу. Столы ломились от еды и напитков. Молодцы сыновья: даже мясные пельмени и красную рыбу поставили. А водка любой марки была. Раввин прочитал молитву за упокой души. А Ханух, пропустив уже третий стакан белой и закусив черной икрой, умиленно благода-

рил Всевышнего, и, конечно, позвонившего ему Сосуна за прекрасную халяву

- Зачем мне эти вонючие рестораны, когда есть такие хлебосольные места, – мысленно про себя произнес он.

- С этого дня Ханух знал, что делает. Он стал бывать на всех без исключения похоронах: знакомых и совсем чужих людей, о существовании которых он до этого скорбного часа не имел даже понятия. Шутка ли сказать: он завел специальную тетрадь, в которую скрупулезно заносил все даты предстоящих «шлошим» и «аскорот», чтобы не дай бог, не забыть, ненароком, посетить семьи «виновников» скорби. Кроме того, туда же он заносил теперь всех тяжело больных и приговоренных докторами. Каждый вечер он аккуратно заносил в свой «талмуд» имена всех потенциальных кандидатов на тот свет. Живые - мертвые должны быть учтены. Ведь, все-таки, есть на свете мудрые люди, которые пишут умные книги, в которых есть умные мысли: « Чужого горя не бывает!»

- Нет, что ни говори, хорошую традицию завели наши предки, – философствовал Ханух на очередных проводах какого-то незнакомца, вновь закусывая жирной осетриной только что пропущенную порцию марочной водочки. И, как платный лектор из канувших времен обще-

ства «Знание», продолжил свою траурно– оптимистическую речь, которая, несмотря на обилие принятого спиртного, отдавала мудростью и даже искренностью:

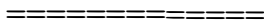
- Вот на таких печальных церемониях и познаешь, что вся наша жизнь – это суэта сует. Остается только одна радость – наслаждение: пить и есть, есть и пить. Это в каком -то вонючем ресторанчике официант сразу бежит со своим счетом. А здесь всегда атмосфера доброты и милосердия. Плакать хочется.

Но в это самое время, когда Ханух хотел плакать и находился в плену эйфорических эмоций, ему кто-то позвонил.

- Кто говоришь умер? Завалун– цеховик. Похороны завтра? Конечно, буду. Что за разговоры! Это же не какой-нибудь задрипанный ресторан... Уважаемый человек умер. Надо достойно провести. Традиция!

АДЕНОМА

– Слушайте, гражданин хороший, это платный туалет, а не какая-нибудь танцплощадка, или зал для репетиций... Случайно, вы не бывший солист «Лезгинки»?

Гражданину Исаю бен Шалуму было не до шуток. И особенно не до ехидных реплик этой коммерческой толстушки, которой, конечно же, не приспичило, как ему, уважаемому аксакалу.

- Эта шутница, небось еще и зарпиляту получает, – зло процедил сквозь свои вставные зубы «оле» из Крайот, продолжая рыскать в большом и пухлом кошельке бог знает каких времен хоть какую-нибудь мелочь, и одновременно, автоматически, уже не по своей прихоти, пританцовывая. Но, как назло, его пальцы толстые, как соски коровы его бывшего соседа Мордехая, ничего железного там не находили. А положение было безнадежно критическое: ему уже не хватало волевых усилий, чтоб как-то ослабить это естественное желание облегчиться по-маленькому. А еще ему казалось, что его мочевой пузырь не то, что лопнет, а вот-вот взорвется. И тогда он, гордый по натуре человек, который даже никогда не уступал машинам и шел на красный свет, взмолился, ибо это был

его последний шанс не намочить основательно недавно купленные штаны, которые были не очень дешевыми.

– Слющай, моя радуст, мой бирлиант... Я пипи... Я хочу...

– Но строгая надзирательница коммерческого туалета не дала ему договорить: «А может еще скажешь, что ты не Пипи, а Пеле? Мне какое дело, кто ты: Пипи, или Пеле. Плати – и делай свое мокрое дело. Много я таких насмотрелась здесь.

- Зачим ты так пилохо говоришь, мой бирлиант? Возмущался Исай, у которого мочевого пузырь мог лопнуть в любую минуту. – Мне мокри дело совсим не надо. Понимаиш, у мене прокляти адином. Ти ни пирдставляеш, что это такуй. Врагю ни жилаю такуй болезнь... У мене все курупни купюр. Мельки мене ни бувайт

- Аденома,– говоришь?– снова пошла в наступление несговорчивая толстуха и хранительница коммерческого туалета. – Ты гражданин танцор, думаешь, что я какая–нибудь деревенщина, или выпускница кулинарного техникума. Я – врач. И в той жизни лечила таких, как ты. Понимаешь? А здесь вышибло память: никак не могу «ришаен» получить, Вот и сижу в этом подвале, товарищ аденома. А, между прочим, я как раз специалист по этому самому делу. Пока народа нет, могу просветить тебя лекцией на эту самую тему, об аденоме твоей. Это

бесплатно. За это я денег не беру Хочешь послушать?

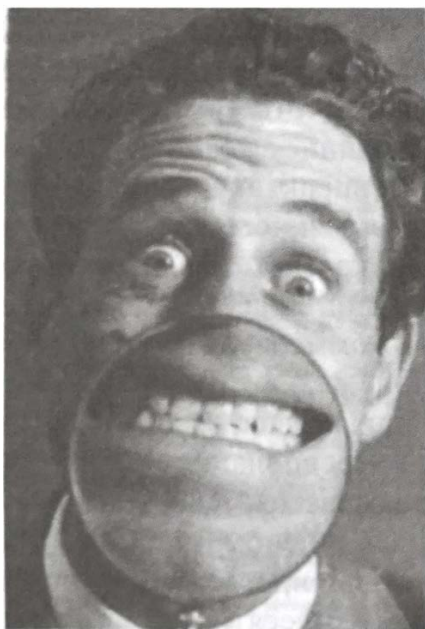
Бывалый кавказец, обремененный странным недугом по имени аденома, воспринял это предложение с неким любопытством и даже оптимизмом. – Почему бы и нет, – подумал он Почти все клиники платные, а здесь настоящий доктор и бесплатная консультация

– Валай! Лексия, так лексия,– произнес Исай,– продолжая пританцовывать Он, конечно, хотел сказать: «Валяй» но вставные зубы и местечковый акцент делали свое дело и не давали ему возможности придерживаться орфографии великого русского языка. Заручившись положительным ответом, танцующего пациента, несостоявшийся врач – уролог и сексопатолог, а ныне практикующая кассир– надзирательница безымянного платного туалета, достала тетрадь в красном переплете и приступила к чтению лекции. Благо других потенциальных клиентов в коммерческом сортире пока не было.

– Причины развития аденомы до конца не выяснены.. Предполагается, что ее появление связано с возрастным нарушением гармонального баланса. Аденома простаты, практически, висит над большинством мужчин, как дамоклов меч. После пятидесяти лет у каждого восьмого мужчины из десяти развивается эта болезнь, именуемая аденомой и вылечить ее с помощью

лекарств пока невозможно. Надежда на защитные силы самого организма и переход на здоровый образ жизни.

- Лекция несостоявшегося доктора была доходчивой и предельно ясной, к тому же, бесплатной, хотя некоторые вредные люди, иронизируя говорят, что бесплатным бывает только протухший сыр в мышеловке. Исаю до жути хотелось слушать и слушать эту научную лекцию как старую и любимую песню молодости «Далалай», но у него уже не было мочи...

Нет, не мочи, а мочи. А первой было много, столько много, что хватило бы на тушение маленького пожара, если она возникла бы, скажем, на даче все того же бывшего соседа Мордехая. Это он понял, когда стрелой вылетел из подземного туалета, и пристроившись к чьему – то «Мерседесу», стал усиленно поливать его заднее правое колесо и испытывая при этом огромное наслаждение, сравнимое разве что с тем мигом, когда он появился на белый свет, и тоже испытывал, примерно, тоже. Можно было бы еще сказать и по другому: Исай испытывал такое же наслаждение, как ярый фанат классической музыки получает от слушания сонат Моцарта, или Вивальди.

- К сожалению, приятная процедура была прервана гневным окриком полицейского. В участок его привели в наручниках, но это было уже простой детской забавой по сравнению с теми муками, которые он испытал еще пару минут назад. Все завершилось благополучно, если не считать легкого испуга и штрафа в пятьсот шекелей. – Мелочи жизни, – сказал нарушитель санитарного порядка. А в кошельке у него водились только крупные.

ЕВРЕЙТОР МЕЛИХ

Мелих Торхуни Пейсахов на войне никогда не был: ни на Первой, ни на Второй. Да и что ему там было делать? Он – человек мирный. Убивать не его ремесло. А что касается по части выпить и закусить, то это за милую душу, всегда пожалуйста.. Он может просидеть за столом и день, и два, а если надо, то и все три. Выпить, закусить, поговорить о приятном. Такого не пьянящего собеседника, днем с огнем не найти. А на войне Мелих не был. Зачем кривить душой: не был и баста. Хотя по возрасту могли и призвать. Но не призвали, и, наверно, правильно сделали.. У него всегда в глазах двоилось. Так что, вряд ли он, Мелих, даже из снайперской винтовки, смог бы уложить хотя бы одного фашиста. Он и сам не мог точно сказать, почему с ним такое происходит: то ли это природный дефект, то ли виной тому солидная доза спиртного, принимаемая им вовнутрь с определенными промежутками. Во всяком случае, от призыва он был освобожден законным образом. И он не какой-нибудь дезертир, который уклонился от воинской повинности. Ведь не зря

говорили еще во времена его молодости: не имей сто рублей, а имей сто друзей. И эти сто друзей у него были. И даже из верхотуры. И, может быть, по этой причине его легко, без каких – либо проблем, зачислили фиктивно бойцом пожарного отряда. Хотя он, Мелих, и не знал абсолютно на какой географической широте и долготе эта огненная служба находится.

Как и все выпивающие люди, он был кампанейским человеком, и, как у многих смертных, за ним тоже числилась одна слабость. Кто-то любил рыбачить, кто-то пропадал целыми днями на охоте за женщинами и дичью, а кто-то в городском парке просиживал до дыр штаны, играя самозабвенно в шахматы. Мелих Торхуни любил коллекционировать. Он скупал по дешевке у таких же любителей выпить, как и сам, различные боевые награды, будь то орден Красной Звезды, или медаль «За взятие Берлина». Собутыльников у Мелиха было много. И среди них значились изрядно потрепанные временем старички-фронтовики, которым уже ничего не оставалось кроме того, как выпить и закусить и, конечно, вспомнить боевую молодость. Это были очень порядочные и приветливые люди, которые когда-то рисковали жизнью, защищали Москву и брали Берлин. Их выцветшие со временем старенькие парадные костю-

мы, с трудом выдерживали эту железную тяжесть славы: столько много на них висело всяких медалей и всяких орденов. Порой эта тяжесть давила и на их душу и сердце. А поэтому старички–фронтовики старались поскорее избавиться от этого тяжелого груза. В этом смысле, у них был свой избавитель.

– Эй, Мелих, ставь бутылочку белого. Дарю тебе орден Славы. Мне она уже ни к чему. Давай помянем павших. И Мелих угощал и ставил бутылочку, две, а иногда и три. У старичков – «разбойников» было свое излюбленное место для этих «банкетов», которые возникали экспромтом, из ниоткуда и не приуроченных ни к какому событию и ни к какой дате.

– Эй, Мелих, ставь бутылочку, – восклицал радостно возбужденный дедуля по фамилии Борзый. – Согреемся, а заодно я подарю тебе медаль «За оборону Кавказа».

И Мелих снова, уже в который раз, накрывал стол, а заодно и пополнял свою боевую коллекцию, которая была предметом его большой гордости.

В один из дней друзья – сотрапезники уговорили Мелиха пойти с ними на очень важную встречу по случаю дня Победы. – Мелих, ты наш спаситель, – сказал один из них по имени Вася. А, что это значит? А это значит, что ты и

спаситель Отечества. Надень свой нарядный костюм и пришпандорь на него всю твою коллекцию. И вместе с нами – в путь! – Но я ведь не фронтовик, – пытался возразить спаситель солдат и их Отечества. – Никаких «но». Я приказываю тебе от имени всех оставшихся в живых... От имени всех солдат Второй мировой...

Мелих Торхуни Пейсахов был не только хорошим собутыльником, но еще и послушным человеком.

– Ветераны просят, – произнес он. Грех не послушаться. Кровь за нас проливали! И он пошел надевать свой нарядный костюм с наградами. Он плохо разбирался в них. Только коллекционировал. А поэтому цеплял все, что попадало под руку, особо не вдаваясь в тонкости и детали порядка, в котором каждая награда должна была бы иметь свое место. На церемонии пришли большие чиновники, как говорили раньше в Дагестане, хакиды. Среди них был даже один боевой генерал и совсем не свадебный, а самый настоящий, который прошел и Вторую мировую, и Афган. Он персонально поздравлял каждого и пожимал руки. Подошел генерал и к Мелиху Торхуни Пейсахову. И долго тряс ему руку, словно хотел из нее что-то выжать, как ревизор в командировке. А потом долго всматривался на его боевую коллекцию.

А насмотревшись, шутливо сказал: «А вы, солдат, еще и мать-героиня» Оказалось, что Мелих в спешке пришпандорил на свой костюм и медаль супруги, полученной ею вполне законно и вполне легально, как женщина, родившая и воспитавшая десять детей. Мелих сразу же сообразил о чем идет речь. И поэтому спокойно и хладнокровно, как и подобает горцу, резанул во всю глотку: — «Ошибочка вышла, товарищ генерал. Это милая женушка дала свою медаль на проветривание. Вот я и нацепил».

Мелих генералу понравился. Он даже изволил сфотографироваться с ним на память. И теперь Торхуни Пейсахов хранит ее, как зеницу ока: у генералов хороший нюх: они с кем попало не снимаются.

НАШЕСТВИЕ

На земле обетованной не принято подолгу оплакивать ближнего, волей судьбы ушедшего в мир иной: дни скорби должны сменить радость и веселье. Долго грустить грех. Так повелевают и раввины. Так повелевают и еврейские обычаи, и даже Тора. Всевышний, как будто в воду глядел, когда советовался с самим Авраамом, ибо он один, наверно, знал, или предвидел, что через энное время на свет явится Барух – сын хромононого Давида, да и сам хромой на левую ногу; детина, которому, как награда за благочестивость, досталась в жены кроткая и малоохочая на слова сирота Эстер, без остатка посвятившая себя строптивому и вечно недовольному собой и людьми мужу. Но как бы то ни было, худо– бедно Барух – сын хромононого Давида, да и сам хромой на левую ногу, прожил с кроткой Эстер двадцать пять долгих лет. Но так получилось, что в награду за смирение, тихий нрав и доброе сердце, Всевышний – то ли по большой занятости, то ли по другой весомой причине, забыл оказать скромной женщине свою богову услугу, а точнее, преподнести ей в дар детей. Только Эстер не сетовала. Но вместо дара Божьего, как это нередко бывает в нашей

жизни, на эту скромную и тихую женщину обрушился роковой удар судьбы: она неожиданно заболела. А вскоре и умерла. Барух был крепким мужчиной. А еще был большим спецом по части заготовок. Умел делать деньги, а еще, как классный боксер, умел держать удары, которые в изобилии сыпались на него то от жутковатого обэхээсника, то от хитро-мудрого ревизора потребительского союза. Всевышний не дал ему детей, но с лихвой дал денег. И некоторые недруги порой пускали в его адрес ядовитые реплики, типа того, что он, мол, спит на матрасе, набитом купюрами.

Именно в эти трудные и скорбные дни его одинокой жизни, квартиру Баруха стали осаждать родственники и родственнички, о которых он раньше и понятия не имел и даже никогда в глаза не видел. У каждого из них был свой интерес. Каждому из них по – страшному хотелось подсунуть богатому вдовцу свою кандидатуру в жены. Это были своего рода маклеры по части выгодных знакомств «в серьезных целях»: в лице Баруха они видели всего лишь «жирного» клиента, на котором можно хорошо погреть руки. Это были родственнички - проходимцы, для которых чужое горе – пища для наживы.

- Барух, ты еще не старый мужчина. Ты, как выдавший виды жеребец, на котором можно еще пахать и пахать. Приведем тебе молоденькую, которая нарожает тебе кучу детей. Что скажешь, аксакал? А для кого ты копишь деньги? Никто еще их с собой не забирал... Тебе нужна молодуха – вот и весь сказ.

- Долго ходили и долго атаковали хромого и денежного вдовца мнимые родственники. Барух не сдавался. Он продержался неделю, месяц, два. А на третий, когда к нему привели высоченную и атлетически сложенную кобылку – русоволосую молодую девуцу, сдался. Свадьбу не делали – в знак уважения к памяти бывшей супруги: организовали небольшой «сабантуй», что-то вроде вечеринки. Баруху исполнилось пятьдесят пять. Он мечтал теперь о тихой и спокойной жизни. А в душе жила и тайная надежда: как знать, бог велик. И, может быть, своими щедротами он одарит и его, Баруха – подарит ему долгожданных детей.

- Но мечте о тихой жизни не суждено было сбыться: уже на третий день в гости к молодоженам приехали два брата новоиспеченной жены. А через недельку подскочили ее родные тетушки. Еще через пару недель племянницы и племянники. Так что, в порядке деликатности, Баруху пришлось потесниться. Теперь он спал

на кухне. Без жены, конечно. И уж о детях пока мечтать не приходилось. Родня жены оказалась веселой и жизнерадостной: они ели, пили, приглашали своих знакомых и друзей, которые тоже оказывались людьми, понимающими толк в жизни. Бедному Баруху пришлось потесниться окончательно. Он снял номер в гостинице, так как на кухне спать уже стало невозможно: народ гулял до утра.

Но Барух не унывал. Он был полон оптимизма. – Все проходит и все когда –нибудь кончается, – размышлял он, – кончится и эта гулянка.

Но Барух ошибся. Пьянные оргии продолжались. А с утра пораньше молодая женушка, с которой он еще ни разу не спал, совсем осчастливила Баруха, сообщив муженечку радостную весть о том, что на этой неделе к ним в гости едут двоюродные братья мамы и троюродные – папочки.

– Они едут к нам из далекой Кубы, – с пафосом закончила свое сообщение дородная и девственная супруга. – Из какой еще Кубы? Один из них, случайно, не Фидель Кастро? – зло сморозил Барух.

- Из Кубы, дорогой человек, а не Кубы. Географию надо знать.

- А, что плохого, если Фидель окажется у нас в гостях? – примирительным тоном сказал Барух. Примем всех, пусть только приезжают. Что мы людей что ли не видели? Скажи, дорогая, а в Москве, ненароком, нет твоих родичей?

- Какой ты внимательный и обязательный, муженек, – заметила жена. С твоего позволения, я уже пригласила их тоже. С родней надо

общаться. Познакомлю тебя с ними. Тебе они понравятся.

- Несмотря на поздний час в одном из гостиничных номеров горел свет. Хромоногий Барух хотел получить покой и тишину, а вышло все наоборот: получил одни хлопоты и беспокойство, а вдобавок ко всему, стал еще и скитальцем. Больше того, узником гостиничных номеров. Это ему не подходило и этого он очень не хотел и не желал бы даже своему последнему врагу. И он, трезво оценив обстановку, и поняв, в какую ловушку угодил, сел за стол и стал писать письмо. И не куда – нибудь, а в ООН. Лично Кофи Анану.

Заявление.

Я – Барух, сын Давида, учитывая сложившуюся в мире неблагоприятную обстановку во всех его видимых и невидимых уголках, как гражданин – носитель высоких моральных ценностей, при ясном уме и полном здравии, делаю следующее Заявление о том, что все свое имущество и сбережения завещаю голодающим детям Кавказа.

- Барух вложил письмо в конверт, на котором большими печатными буквами вывел: Америка. ООН. Кофи Анану. А через минуту

уже на вестибюльной площадке подошел к горничной. А подойдя, вручил ей письмо и сто долларовую купюру со словами:

- Сегодня восьмого марта. Я вас поздравляю. Купите себе что –нибудь. А письмо отправьте по адресу.

- Еще через минуту хромоногий Барух – сын Давида, не так давно овдовевший и не так давно неудачно женившийся, достал из дипломата заранее приготовленную бельевую веревку, взобрался на стул и повесился на массивной люстре.

СПАСИБО, ДОКТОР

Бинеми.. А – Бинеми.. Ты опять эта прокляти водка сосешь? Сколько можна? Водка – это не вода, дарагуй: есть места и виrema, когда можна пит, а когда ни нада. Пока ни поздна дарагуй, нада бросат. Целий ден пиешь, а ноч испишь, а я бедний женщина лежу на крават и слюшаю тувой харап. Ты слишишь, дарагуй, мои слова? Я тоже женщина, понимаишь? Хочу ласка, теплий слово, понимаишь? А ти водку сосешь, и мене не цилуишь совсим... А Бинеми, можит у тиби другой женщина есть на сторона?

- Этот навязчивый монолог жены каждый день разрывал ушные перепонки Бинъямина из Хочмаса. В последнее время его мучила какая – то непонятная болезнь. Врачи без конца выпиывали какие-то таблетки, от которых ему легче не становилось, а наоборот, все время хотелось спать, как бывалому морскому волку, списанному на берег, и, страдающему теперь кессонной болезнью. Но он ужасно не хотел говорить о болезни жене, которая чуточку была слаба на язык и по секрету могла сообщить обо всем этом всему свету. Гюльнара была еще сравнительно молода, и была, как говорят, женщина в теле. И, конечно, как и каждому существу про-

тивоположного пола, ей хотелось максимального мужского внимания. А этого внимания не было.. И она страдала из-за этого. Это страдание было красноречиво написано у нее на лице. В один из дней ее терпению пришел конец. И она в полной решимости, наконец, закончить с этой супружеской сла-

бостью, явилась к врачу – сексопатологу на условиях полной анонимности. Доктор Кац был выходцем из бывшего СССР. И хотя он жил в Эрец Исраэль уже приличное количество лет, русский он не забыл. А кроме того, свободно понимал питерское наречие замешанное на кавказском диалекте.

- Дохтур, моя муж стал пустой место на кроват.

- На кровати, – деликатно поправил пациентку доктор Кац, который возможно, приходился родней олимпийскому чемпиону Куцу.

- Да ... Да...На каравати,– по своему перифразировала посетительница. Надо немножко помогать, дохтур...

- Поможем...Поможем...Почему нет,– отчеканил бравый доктор сексопатологии. А для чего мы здесь сидим? Я выпишу вам сильные таблетки. Они могут помочь даже мертвым. Да, кстати, муж еще живой? Еще шевелится, то есть ходит?

- Живой...Живой...Лутше би умир сатана. Зачим нужин такуй? Ни риба, ни мяс...Ничиги ни шевелит...

- Все будет, о кей, дорогая. Вот рецепт Будьте здоровы. Зайдите через недельку. Мне будет интересно узнать результат.

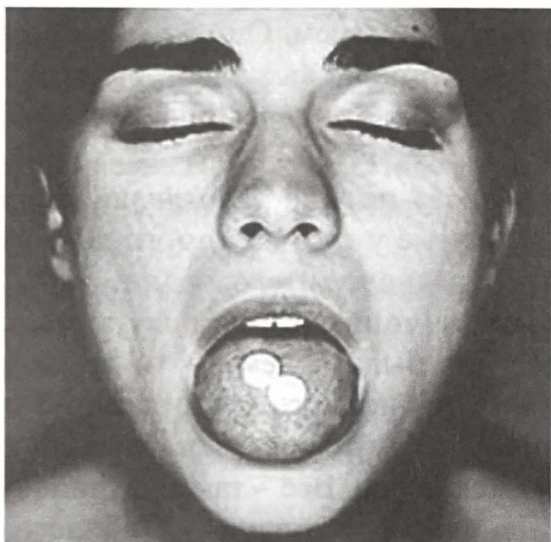
- Гюльнара летела домой, как на крыльях. Ай, испасибо, дохтур. Мой муж типир будит работат, как карабахский самавар. Ой, как харашо! Будит шивилитса да ...

- Вечером за ужином беспокойная жена положила перед супругом красную таблеточку. – Пей! – решительным голосом сказала она. Это против сна. Виагра називаитса. Табилетка бодристи. Я тибе ни враг. Я тибе жина. Хочу, чтобы ти бил издоров. Пей

- И вправду сказать, Гюльнара оказалась заботливой и любящей женой. Бинями перестал сосать водочку. Он вдруг посвежел, а про сон, кажется, забыл совсем. Он уже не поварачивался к жене спиной, как электровоз к вагонам свои задом. Душа и тело Биньямина начинали оживать.

- А через неделю заботливая жена вновь была на приеме у того же самого доктора Каца, который предположительно мог быть родственником олимпийского чемпиона Куца. Но на этот раз она была почему – то вся в черном. Сексопатологу немного стало даже не по себе. Что – нибудь случилось? – озабоченно спросил светило медицины. Все – таки, случилось?

- Да, дохтур, ислучилось. Табилетки, который ти даль, очин помогали. Мой муж Биниа-мин стал веселей и всигда хотел бит со мной. Хотил утром и вечер тоже опят хотель. А потом взяль и умир на мине. Спасибо, дохтур. Это чудесний табилетка. Даже мертвий чиловек можит стат опят живуй, а живуй совсим мертвий. Испасибо, дохтур. Испасиба!

МАМИН СЫНОК

Левушка был единственным сыном у матери. И она души не чаяла в своем ангелочке. Ему уже стукнуло сорок, а он женат всего пятый раз. В последний раз три месяца назад.. Все подбирал невест. Но вот беда: ни одна из них не могла ему заменить маму. Ни в чем: ни вкусно приготовить, ни купить подходящий галстук, рубашечку, или красивые носочки подобрать, не говоря уже о других мелочах жизни.

Новая, пятая по счету супруга – молодая и симпатичная по имени Берта, старалась во всем угодить своему муженьку, так как уже давно была в щекотливом возрасте, когда не так просто создать новую семью. Она понимала эту непростую ситуацию, и, потому, как могла старалась не ломать супружеских уз. Но... Но Левочка был неутомим и неизменяем. – Это разве котлеты? – возражал он в очередной раз, когда аппетитная и пышущая ароматом пахучих трав Берта, ставила перед суженым только что приготовленные котлеты «Аля Дербент», не менее аппетитные и ароматные, чем сама хозяйка.

- А у мамы это получалось лучше, – снова завелся Левочка. А эти какие -то бесцветные. А

у мамы они всегда отливались нежным золотом...Да, всегда. Я же это хорошо помню

- Левушка, я очень старалась,— как бы оправдываясь говорила пятая по счету жена бесподобного сына.

- Старалась...Старалась...Этого мало,— огрызнулся маминкин сынок и муж ароматной супруги. Учиться надо,— продолжал возражать он уже на пределе голосовых связок. Тебе надо взять курс по кулинарии. Это будет только для пользы дела.

- Так больше продолжаться не могло. У Берты уже не хватало нервов. Она чувствовала себя провинившейся девочкой, которую постоянно отчитывали ни за что, ни про что. Берта по натуре была жизнерадостной особой. А еще у нее было много подружек, с которыми она продолжала дружить и поддерживать прочные связи.. И однажды, когда Левочка был в короткой командировке, Берта созвала подружек на женский консилиум. На повестке дня стоял ахти серьезный вопрос: «Что делать?» и «Как заслужить внимание капризного супруга?» И на том же самом консилиуме стоял еще один злободневный вопрос: «Как отучить капризного супруга от вредных привычек маминкина сына?» На этом тайном симпозиуме молодые женщины — заговорщицы, как и полагается порядочным

людям, отведали несколько разновидностей самых разных блюд, приготовленных их подругой собственноручно, и еще раз убедились в неправоте Левушки. Постановление было единогласным: Левочка – особый тип мужчины, к которому любовь приходит не через желудок, как ко многим другим особям мужского пола, а через нечто другое. Назовем это высоким интимом.

- Ты должна быть всегда сексуально привлекательна, – хором сказали подруги. Встречай его из командировки в изысканном нижнем белье, чтоб он возбуждался так, словно принял сразу десять таблеток виагры. – Да он же сразу копыта отбросит, – забеспокоилась Берта.

- Не умрет, а возбудится, – отчеканили подруги. Он должен почувствовать эту романтику. Ему захочется сразу же овладеть тобой. Тем более, после командировки, – съехидни-

чила рыжая, как апельсин, толстозадая подруга по имени Дора.

- Вобрав в себя мудрые советы подруг, Берта решила во всеоружии встретить своего муженька Левушку. Он должен был подъехать к вечеру. Берта надела на себя просвечиваю-

щую черную ночнушку, в котором ее тело пылало красивым базальтом. А тонкие французские духи дурманили голову и создавали вокруг необыкновенную ауру интима. С минуту на минуту она ждала звонка. И звонок раздался. Тихо звучал Моцарт. Когда вошел Левушка, Берта ждала горячих объятий. А вместо этого она вдруг увидела искривленное лицо своего муженька и его душераздирающий окрик:

- Боже мой! Что – nibудь случилось с мамой? Почему ты вся в черном? Желанию Берточки не суждено было сбыться. И пятая жена тоже решила покинуть своего любвеобильного муженька.

- О, салам аллейкум, Соломон! – еще издали, завидя своего старого приятеля, воскликнул горбоносый Ахмед из республиканского музея древностей. – Ва аллейкум, васалам! – не менее торжественно ответил толстый, как спелый августовский арбуз Соломон, не чаявший души в бывшем сокурснике из кулинарного училища, а

ныне работавшем, почему-то, диспетчером троллейбусного парка.

- Зачем проходишь мимо? Обижаешь... Заходи, ты же не чужой человек, – сказал Соломон своему давнему кунаку. А потом прикусил язык: ведь дома ни капли спиртного. А, что за встреча без того, чтобы не промочить горло?

Но было уже поздно, и Ахмед, как черт за сухую грушу, схватился за его предложение зайти и быть гостем. И отступать уже было поздно, да у Соломона такого желания и не было. У него выдался свободный день. И ему самому хотелось промочить горло. Но не зря говорят: бедному жениться – ночь коротка. Он давно не видел своего дружка Ахмеда, а тут, как назло, дома хоть шаром кати: даже бутылочки шмурдяка и того нет. Вчера, как махачкалинские сумашедшие ветра, вдруг нагрянули гости. Выпили все до последней бутылочки. Даже неприкосновенный запас и то оприходовали. Соломону пришлось откупорить даже последнюю из заначки – стратегического запаса, как он любил иногда говорить в шутку. Он незаметным движением рук пошарил то в одном, то в другом кармане брюк, надеясь, что там, быть может, завалылась кое-какая копейка. Но ничего не было: карманы были пусты, как улицы Махачкалы в день показа сериала «Рабыня

Изаура» – Как у тебя со временем?– спросил Соломон у своего приятеля Ахмеда, когда тот на радостях плюхнулся в старое кожаное кресло.

– Сегодня у меня выходной. Отгул. Надо бы промочить горло...

- А у тебя губа не дура,– тут же парировал Соломон. Об этом самом я и думаю тоже. Вся проблема, как это сделать?

- И вдруг его взгляд упал на книжный шкаф, у которого он с удовольствием проводил по несколько часов в день.

– Эврика! – воскликнул Соломон,– как некогда Архимед, подпрыгнув при этом, как ведущий танцор «Лезгинки», или даже, как сам Мариус Петипа...– Что-нибудь случилось? – забеспокоился гость.

- Случилось! Случилось, Ахмед! Здесь лежат мои подписные. Возьмем отсюда пару книг. Любой прохожий хапнет. Еще и руки целовать будет. Я – гений, Ахмед! Промочим горло...

- Друзья приступили к осмотру. Парочку дефицитных книг,– и нам хватит еще и на закуску,– радостно воскликнул Соломон. Книг было много. И все дефицитные. Одно слово, подписные.

– Давай возьмем вот эти... Большая советская энциклопедия... Эренбург... Симонов... Королева Марго, Маршал Жуков... Комиссар Мегре.

Друзья вышли на улицу. Прогноз Соломона оказался верным. Первый же прохожий, не торгуясь взял предложенные книги. И какой же дурак не возьмет дефицит за бесценок? Когда есть в кармане деньги, вопрос «куда идти?» на повестке дня стоять не может. Благо рядом, в двух шагах, находился маленький и уютный ресторан. У его заведующего Симанду Симандуевича всегда можно было найти набор любых восточных и европейских блюд, не говоря уже о богатом арсенале всевозможных выпивок.

– Сегодня угощаю я, – как-то по особенному торжественно и радостно произнес Соломон.

- Баркала! Баркала...Спасибо..Спасибо. Ты настоящий друг, – сказал Ахмед, пропуская очередную рюмочку водки. А чуду тоже отменное,– продолжал горец. Чуду с мясом – моя слабость. Ты – настоящий гурман, Соломон: знаешь толк в блюдах.

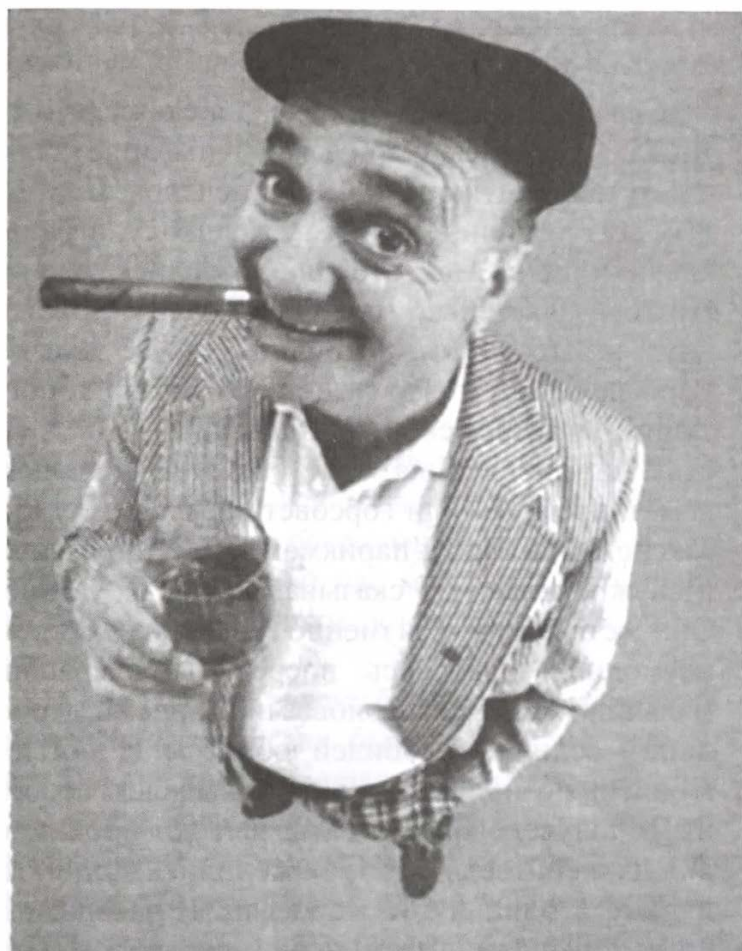
- В это же самое время Соломон тоже поднял рюмочку белой, и, видимо, хотел произнести очередной тост, но почему то не мог этого сделать, словно язык обмакнул в сильный сапужный клей и он прилип к небу. С его лица

вдруг исчезла и радость от этой неожиданной встречи. Он вспомнил, как месяц назад он, Соломон, на всякий пожарный случай спрятал именно в «Королеве Марго» и в «Маршале Жукове» сто золотых облигаций. Это была заначка для покупки «Жигулей» Пить больше не хотелось. И плакать тоже. Ведь он, Соломон, в конце-концов, мужчина, горец. Мужчина должен уметь преодолевать и радость, и беду. И к удивлению закадычного друга Ахмеда, Соломон неожиданно запел красивым баритоном:

Ведь ты моряк, Мишка,

Моряк не плачет..

- Глаза были сухими, но душа Соломона плакала. И потому он продолжал петь.

ЮБИЛЕЙНЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ

Скажи мне, кто твой друг, а я скажу, кто ты. Яша, Гилад и Алу были закадычными друзьями с детства. Нет, конечно, не с пеленок, но с малых лет. Ходили в одну и ту же школу, играли в альчики, не всегда готовили домашнее задание. Поэтому частенько получали очень похожие друг на друга «таханы», то есть - двоечки. Взрослели, а потом, как и положено по конституции, отдавали свой гражданский долг Отечеству: служили. Яша стал большим начальником: в председатели горсовета вышел, Алу стал таксистом, а Гилад парикмахером. Но различие в службе никак не сказывалось на их дружбе. Она оставалась неизменно крепкой. А время неумолимо двигалось вперед. И вчерашние мальчики стали седоголовыми старцами. Но седина – сединой, а юбилей юбилеем. И юбилей-юбилею рознь. У друзей он выдался особенным: полувековой. По пятьдесят лет прошло со дня их женитьбы. Все трое женились в один год и даже в один и тот же месяц. И закадычные друзья решили вместе отпраздновать «золотую» свадьбу.

Сказано – сделано. И слово – не воробей: вылетит – не поймаешь. Свадьба, а тем более, «золотая», требовала публики. И неразлучные

решили отметить это событие не где-нибудь, а в престижном Зале Торжеств с романтическим названием «Салам Аллейкум», смысл которого был ясен и без какого либо перевода. Он был понятен даже любому неграмотному скворцу. А, вообще, это переводилось, как интернациональное: «Шалом Аллейхем» Правду сказать, Яша, Алу и Гилад никогда не сидели в уютных министерских креслах и не значились слугами народа, скажем, депутатами Народного собрания, или хотя бы типа новгородского Вече. Но все равно, они были людьми уважаемыми, или, как говорят теперь, людьми, чьи имена всегда были на слуху. И все знали неразлучных друзей, как веселых и остроумных, которые в любое время и в любой час могли бы дать фору даже самым известным острякам из любой команды КВН.

На «золотую» свадьбу гостей собралось много. Банкетный зал был переполнен. Пили, закусывали, провозглашали тосты. Одним словом, народ гулял и отмечал важное событие. Свадьба шла своим чередом: от души захмелевшие гости пели и плясали, а потом снова садились за праздничные столы, ломившиеся от изысканных кавказских блюд и горячительных напитков. А неразлучные друзья – виновники юбилейного торжества – по случаю, тоже не остались белыми воронами, и тоже хорошо под-

дали. И поэтому, естественно, тоже были в чрезвычайно хорошем расположении духа. Рядом с ними сидели их жены — их спутницы жизни, которым коньячок тоже заметно подкрасил уже поблекшие от времени щеки, придав им вид румяных блинов, только что снятых со сковородки. Атмосфера праздника, как бы сказали психологи, аура свадьбы, была, действительно, «золотой» и очень возбуждающей на предмет воспоминаний.

— А, давайте, друзья, вспомним молодость,— сказал Яша, которому все же посчастливилось в свое время посидеть в чиновничьем кресле. — Освежаю всем рюмочки и прошу внимания. Кому рюмочки не хватает, могу наполнить фужер: мы не жадные. Слава богу, сейчас демократия,— продолжал Яша свой затянувшийся монолог. Все должно быть прозрачно. Это сегодня мы старики, а ведь мы тоже когда-то были молодыми... Скажи, дорогая, — обратился он к своей жене Вере, — вот мы с тобой прожили пятьдесят лет. Вопрос на засыпку: «А сколько раз ты изменяла мне?» На какие-то доли секунды вторая половина юбилея замешкалась, вопрос был слишком прямолинейным и неожиданным, несмотря на предварительное предупреждение. И Яша воспользовался этой паузой: «Мои дорогие, этот же самый вопрос вы должны будете задать и своим милым женушкам».

- Итак, Верочка, публика, хотя и не совсем трезвая, но с большим вниманием слушает тебя. — Что делать: вопрос требует ответа, хотя это все давно устаревшее, дела давно минувших дней, преданье старины глубокой,— вдруг вспомнила Вера слова одного известного классика. Так вот, дорогой, это было... дай бог памяти,— всего три раза. В первый раз это было... Помнишь, когда директор завода, на котором ты тогда работал, отказал нам в квартире? Помнишь. Вот и хорошо. И не забыл, наверно, когда он сам принес тебе ордер прямо в цех.

— А, когда же во второй раз?,— загорелся любопытством Яша.

— Не торопи и не перебивай,— весело сказала Верочка, как на исповеди у раввина. — Помнишь, дорогой, когда ты хотел вступить в партию, а тебе отказали? Помнишь. Память у тебя, дорогой, феноменальная, все помнишь. Секретарь парткома был такой придирчивый и ужасный бабник. Через пару дней он сам в торжественной обстановке тогда вручил тебе красную книжицу. Помнишь? И еще путевочку в Сочи дал. Вот тогда я и согрешила во второй раз. Но бог простит меня: я это делала во имя ближнего, дорогой. Во имя тебя.

– А, когда же в третий? – без особого любопытства, но с волнением спросил, затеявший эту «игру» незадачливый супруг Яша Иванович.

– Был и третий, и последний случай,– продолжила свою исповедь словоохотливая жена. Ты помнишь выборы в горсовет? Ты – кандидат в председатели горисполкома. Должность–то какая! А вот не хватало всего-то самой малости: сорока девяти голосов. И тогда я снова решилась на отчаянный шаг: я нашла недостающие голоса. – И была со всеми сразу ? – Нет, мой родной, сразу сделать это невозможно было. Я побыла потом с каждым в отдельности..Договор – дороже денег.

– Ну с тобой, Вера, все понятно,– сказал юбиляр и муж любящий откровенность, а еще и один из закадычных друзей Яша Иванович. – Демократия, так демократия,– сказал он. Перед законом все равны. Поэтому сейчас слово имеет спутница жизни моего друга Алу... А свадьба, между тем, гудела и плясала...

КАВКАЗСКИЙ ПЛЕННИК

Истахар бен Шломо приехал в Эрец Исраэль ровно тринадцать лет назад. Приехал не мальчиком, а зрелым мужчиной, которому исполнилось (шутка ли сказать) сорок лет.

Приехал он из восточного и самого солнечного города Дагестана, а может, и всего Кавказа, города, который значится на всех географических картах мира, как Дербент. Вообще, Истахар очень гордился тем, что когда-то родился, жил и работал в этом живописном и шумном, как ниагарский водопад городе. Он немного обижается, хотя на самом деле, не знает на кого держать обиду, когда иногда кто-то в какой -то непринужденной

беседе, вдруг ненароком скажет: «О, Ташкент – город хлебный!»

А шут его знает, – может он и был когда -то таким. А вот Дербент был хлебным всегда, даже во времена Надир-шаха, а особенно – во времена Брежнева. И таким его родной город остался и сегодня в эпоху ВВП, то есть, Владимира Владимировича Путина. Все есть: и вино, и хлеб, и мясо. И шашлык, и лазурный берег Каспия, и крепость Нарын – кала, и красивые девушки. Благодатный край: делай, что хочешь, только не мешай другим. Да, были золотые времена: деньги шли, как электрический ток от Чиркейской ГЭС.

Истахар тоже не охранял кукурузу. Тоже делал деньги. Он возил вино на Север, доезжал даже до самого края Света – Якутии. Правда, на Северном Полюсе побывать не пришлось. Не был. Зачем брать грех на душу: чего не было, того не было. Работа была не из очень приятных: Истахар мучился из – за постоянных холодов, а еще больше от дискомфорта, но приходили деньги, которые согревали душу. И вдруг все изменилось. Земляки вспорхнули, как перелетные птицы ...и полетели на землю предков. Когда они, эти предки, успели там побывать, Истахар ни понятия, ни представления не имел. Но каждая птица любит свою стаю. И поэтому

он вспорхнул тоже, взяв курс к берегам Средиземного моря. И вот тринадцать лет прошло с того памятного дня, как Истахар стал числится гражданином маленького, но очень гордого Израиля. И хотя здесь много хороших вин, он теперь далек от этого дела. У него другая, особая работа: он – шомер на центральной автостанции. Проверяет содержимое чемоданов, дамских сумочек и прочих вещей. Проверяет, не приведи господь, чтоб какой-нибудь террорист – самоубийца не причинил зла народу Всевышнего. У него как-будто все есть: и крыша над головой, правда чужая, за которую он каждый месяц отваливает хозяину почти половину тех денег, что зарабатывает. Есть и хлеб, и мясо, и даже вина не хуже дербентских. Но его, Истахара, все эти тринадцать лет мучает ностальгия и он уже завтра собирается лететь в гости в родной город.

Воистину, в крылатое время нам выпало жить. Всего несколько часов полета, и гражданин Израиля Истахар бен Шломо оказался в родных пенатах: вначале в московском Шереметьево, а потом в махачкалинском аэропорту. Никому из друзей он не позвонил, желая преподнести им небольшой сюрприз. Он очень торопился, а ни одного такси, как назло, не было. На стоянке «пришвартовались» несколько ча-

стных машин. Владелец одной из них сам предложил Истахару свои услуги. Наверно, по заморским чемоданам узнал «жирного» клиента, – подумал он, небрежно забрасывая в багажник свои вещи

Истахара охватила эйфория: он стал охотно рассказывать незнакомцу свою биографию и историю своей сладкой жизни в Израиле. – Болтун – находка для шпиона, – сказал бы кто-то из разведчиков. Истахар разошелся. Стал рассказывать басню о том, что у него целые хоромы в центре Тель-Авива, и, что он – деловой человек и приехал на разведку: открыть в родном для него городе какой-нибудь солидный бизнес. Левый «таксист» оказался ушлым пройдохой и членом одной из банд местных потрошителей. – Хорошая наживка, – подумал тот про себя. Наши ребята на этом фраере могут прилично заработать

- Рассказывай... Рассказывай... Это очень любопытно, – повторил еще раз «левак» своему доверчивому клиенту. И продолжил, хитро подмигивая: «А ты, чувак, мне здорово понравился, как-будто сто лет без малого знакомы. Ты – мой гость. Я вначале тебя к нашим ребятам подвезу. Отметим приезд. Отводов не принимаю.

– Да нет, спасибо. Меня ждут...А кроме того, мне надо позвонить в Тель – Авив. Жена будет беспокоиться... – Об этом побеспокоимся мы,– снова хитро подмигнув сказал водитель–левак. Через полчасика въехали в город. Истахар сразу узнал его улицы, старинные дома, хотя прошло много лет. А минут через пять они въехали в ворота большого дома, напоминавшего старинный рыцарский замок. Незадачливый гость оказался в окружение сразу нескольких рослых усачей, которые силой усадили Истахара за большой массивный стол, за которым уже сидели такие же мордатые усачи. – Угощайся, небось проголодался с дороги, елдаш Израил. А ты нам подарочки, случайно, не привез? Нет, или да?! Из такой дали прилетел, а про подарки забыл. Не хорошо. Мы слышали там солнце у вас очен горячий, как пирожки у нашего Магомеда в кафе на Шайтан– базаре. Ти хочиш порадовать исвою жину? Позвони, пожалуста, искажи, что твоя кавказский пленник

- Истахар сразу протрезвел, хотя в рот не брал ни капельки. Наконец, до него дошло, что он попал в лапы неизвестных бандюг, и что с миром они его теперь не отпустят

- Язык мне надо отрезать,— в сердцах отругал себя гражданин новой родины. Зачем я стал говорить, что я имею большой особняк...

- Ми народ совримени, зачим кирчат, пиригат, пилакат...Ми можим договоритса,— сказал двух метровый амбал, которого все звали Мирза — Ага. Давай сначала выпьем, закусим, а потом пагаварим. На голодни живот разговор ни килеитса...Пиридлагаю тост за дуружественни Исраиль. Ай, да машалла! Виспомниль. У вас сийчас вибори идут. Миного кандидатов ест. Ти за кого: за Биби, или Либер Мана. — Я за Питуах Леуми,— зло буркнул Истахар,— в которого неожиданно вселилась бодрость духа. — А это кити? переспросил двух метровый амбал. — Это мой напарник по бизнесу. Богати чиловик? Можит дат викуп? — Почему бы и нет,— отчеканил Истахар. — Питуах Леуми...Питуах Леуми...Он ишто ашкеназ,— опять переспросил двух метровый амбал. Ага, я понимал: это Петро там истал Питуахом. Да питух он больше никити. — Утро вечера мудреней,— вмешался в разговор другой из мордovorотов, но более грамотный. Сейчас отдыхаем: пьем, кушаем, веселимся. А завтра видно будет. В это самое время один из бандюг включил телевизор. —

Давай «ЭРТИВИАЙ»,— крикнул другой амбал с усами Буденного. На экране появился телеведущий Рабинович, который передавал экстренное сообщение:

- Несколько часов назад на территории бывшего СССР, в окрестностях города Дербент пропал без вести гражданин Израиля Истахар бен Шломо. По одной из версии, он похищен криминальной группировкой с целью выкупа...

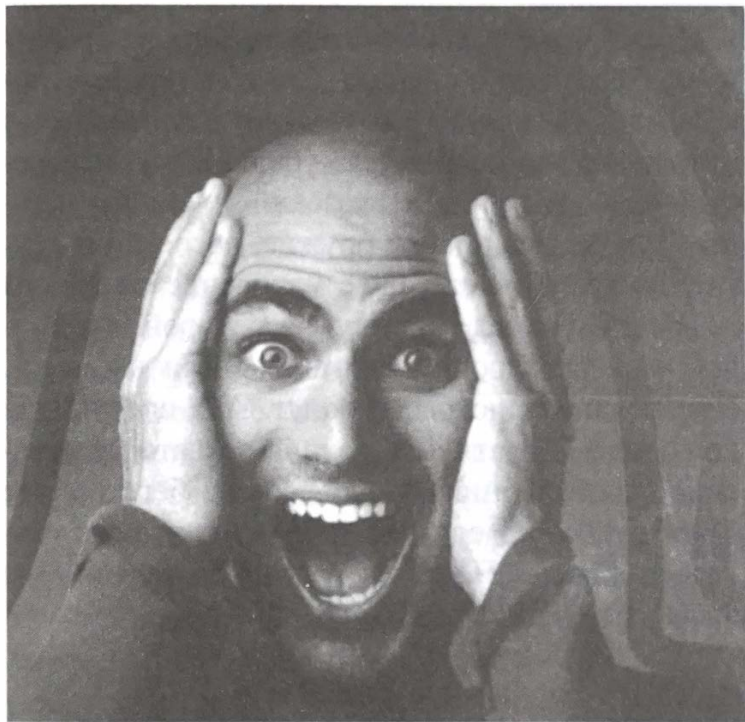
- А ти напиши Биби,— предложил Истахару двух метровый амбал. Нет, лютше позвони...— Делайте, что хотите,— решительно сказал незадачливый турист. У Биби зимой снега не выпросишь. Что он за меня будет платить вам деньги?

- Ти ишто ни евирей что ли?,— снова подключился к разговору неугомонный амбал. Испасший один чировик, испасаит целый мир.

- Биби даст нам деньга, и висе кавказиски евирей будит за него...

- Истахара вдруг осенило. Он вспомнил, что в кармане костюма лежат сильно действующие снотворные таблетки. — Ребята,— сказал он повелительным голосом. Действительно, утро вечера мудреннее. Завтра я обязательно позвоню

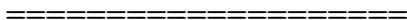
Биби. А сейчас гуляем: пьем, закусываем, веселимся... С вашего разрешения я буду тамадой. Наполняйте рюмки. Я скажу тост...

– Совсем забыл: у меня в кармане есть целебные таблетки, принял всего одну и ты трезв, хоть выпьешь море водки. Предлагаю всем проделать эту приятную процедуру. А можно принять две?– спросил грамотный бандит. –

Две еще лучше,— сказал Истахар. Будешь трезвым, если даже атомную бомбу проглотишь. Сразу с водочкой и запьем. И похитители с удовольствием запивали снотворное водочкой. А Истахар умудрился положить себе в рот мятную. Через десять минут бандюги громко похрапывали, склонив головы на стол. Это был путь к спасению. Еще раз убедившись, что похитители дрыхнут, кавказский пленник вытащил у них из карманов оружие, паспорта и другие бумаги. В следующее мгновение он вышел во двор и увидел машину, на которой его привезли сюда. Ключи зажигания были на месте. Путь к спасению был открыт. А в следующие полчаса оперативная группа захвата не оставила бандитам никаких шансов на бегство: все были взяты без единого выстрела, что называется, живьем. Попыток к сопротивлению не было.

ПРОХИНДЕЙ

Вон из Москвы. Сюда я больше не ездук – кричал Чацкий в «Горе от ума» у Грибоедова. И правильно делал? Не совсем. Молодой был, не понимал многих вещей. Правда, и жил он...Ой, давно это было. А сегодня Москва совсем другая. Любо–дорого посмотреть. Не только на город, но и на людей. Один Жириновский чего стоит! А Ильич, который вечно живой, и который аж с двадцать четвертого года не то в латаргическом, не то в коме находится. А у нас Арик Шарон все три месяца в таком состоянии, а обыватели уже пороги «Хадаса Эн Керен» отбивают, бедного доктора Шломо Мор Юсефа замордовали. Нет, что ни говори, а Чацкий говорил глупости. А он, Мордехай бар Симон – внук знаменитого раввина и сын завязтого игрока подпольных казино, никогда ничего подобного не скажет во веки веков. Напротив, он спит и видит Москву наяву. И он, вездесущий Мордехай, уже даже там. А приехал он в Москву не посланцем Организации Объединенных Наций. Приехал, чтоб увидеть знакомых деловых ребят из вечного, как Рим города Дербента, которые сегодня уже москвичи и деловые люди, а еще делают деньги. Это очень тяжелая работа.

Что там шахтерская? Зашел в забой, взял в руки инструмент. Нет, даже не взял. Это Стаханов брал. А сейчас все просто: нажал на кнопку и сам агрегат режет уголь, как можайское сливочное. И деньги сыпятся, как манна с небес. А здесь совсем другое дело. Деньги ниоткуда не сыпятся. Их надо делать, как делали их в добрые брежневские времена гаишники Махачкалы. Делали их на голом асфальте.

Это был внутренний диалог: Мордехай как бы спорил сам с собой, не создавая лишнего шума и пыли. Он как бы заранее готовил себя к серьезному и важному разговору на деликатную тему с этими самыми преуспевающими «новыми русскими» дербентского происхождения, еще проще сказать, кавказской выделки. Мордехай никогда не был артистом и не то что артистом, даже в художественной самодеятельности никогда не участвовал. А сейчас ему предстояло сыграть не то чтоб рядовую, а очень сложную роль И в последние несколько дней старательно входил в тот крючковатый образ неповторимого прохиндея. Деловые люди всегда заняты. Время — на вес золота. Но гены — есть гены. Они срабатывают даже в двадцать пятом поколении: кавказская ментальность моментально, как чудо-подлодка всплывает откуда-то из неведомых океанских глубин.

Когда Мордехай пришел на встречу с «новыми русскими», вид у него был, как у общипанного петуха, попавшего в горячий хинкальный бульон. Это означало, что он окончательно вошел в роль.

—Что-нибудь случилось, Мордехай? — все-ррез забеспокоились земляки из делового мира.

— Да, немного есть,— с трудом выдавливая из себя слова,— произнес гость с берегов седого Каспия. Не хотел вас и беспокоить,— продолжал он, выглядев совсем осиротевшим и потерянным.

— Мордехай, говори, не стесняйся, — сказал кто-то из кампании денежных «мальчиков». — Чем тебе помочь? Мы к твоим услугам.

— Братья, — вдруг слезно промолвил Мордехай, — у меня большое горе. Я сделал добро, а получил зло: над моей жизнью нависла угроза... И пришелец с берегов Каспия и древнего, как мир Дербента, вдруг зарыдал так громко, как если бы, не дай Бог, он оказался бы один на необитаемом острове, как Робинзон.

— Братья, — сказал он в перерыве меж громкими рыданиями, — я сделал богоугодное дело: обнес все наше кладбище пиленным камнем, навел там порядочек, отремонтировал все ветхие могилы. А это все деньги... Взял в долг, думал мне помогут. Но, увы!

– И вот теперь те люди везде и всюду разыскивают меня. Они очень крутые ребята: за деньги родную маму припрут к стене. Они поставили ультиматум: либо срочно деньги, либо похищают моих детей. Братья, я в таком скверном положении никогда не был...Срочно нужны деньги...

– Скажи, сколько надо? – Для нас это не проблема, – сказали денежные. Скинемся – и весь разговор.

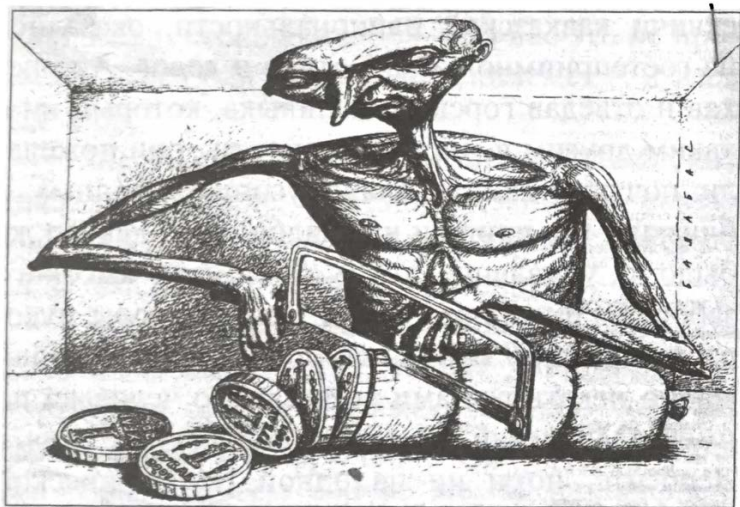
– Мне бы штук двадцать пять американских никак не меньше, – немного заикаясь сказал Мордехай, – не то от большой суммы, которую он назвал, не то от большого волнения.

– Двадцать пять, так двадцать пять...Закрыли,– почти хором ответили «денежные» и они же «новые русские», хотя без особого труда могли бы пройти за «новых евреев». Выкладываем сейчас же. И на большой стол, покрытый белоснежной скатертью, посыпались новенькие сто долларовые. А через минут пятнадцать, как и положено, по кавказскому обычаю, отметили это событие пышным пиршеством. Денежные были очень довольны, что сотворили милосердие и спасли человека, вытащив его из цепких объятий смерти. А ведь не зря мудрецы говорят, что спасший одного человека, ты спасаешь все человечество.

- Но жизнь непредсказуема. И никогда не узнаешь, где найдешь, а где потеряешь, где прослывешь мудрым, а где тебя проведут, как последнего фраера.

- Ровно через год в древнем Дербенте отмечали традиционный день города. И по столь знаменательному случаю, «новые русские» москвичи кавказской национальности, оказались на гостеприимной земле отцов и дедов. А приехав и отведав горского шашлыка, который ни с каким другим в мире не спутаешь, они пожелали почтить память давно усопших родных и близких: все пришли на кладбище. И каково же было их удивление, когда они вместо высокого забора из пиленного камня, увидели горы мусора и заросшие бурьяном могилы. Гости стали жадно искать глазами того самого человека по имени Мордехай, который не только не жил в Дербенте, но и ни на одной географической карте не сумел бы его отыскать. Деловые «мальчики» были людьми, которые могли делать и делали деньги. Но никто из них никогда не смог бы осилить ту науку и то искусство, каким обладал некий Мордехай, который так ловко и с такой артистичностью облапошил своих уважаемых земляков. Ходили слухи, что он не сидит сложа руки, а оттирается уже где-то на географических широтах Букенгема, или Бер-

лина, отыскивая деловых и денежных людей с Кавказа все с той же благородной миссией: получить деньги за возведение белокаменного забора вокруг еврейского кладбища. Ведь фраера водятся везде, как впрочем, и прохиндеи.

ДРЕВНЯЯ ПРОФЕССИЯ

Завхоз Шамрииль и Пейсах были неразлучными друзьями – не разлей вода. Сильно любили посиделки. Но не просто посидеть и выпить до приличной кондиции, а напиться так, чтоб уже не могли отличить Мордехая от Амана. Их посиделки носили культурный характер: имели тематический уклон. Это было всегда приятное с полезным, нечто дискуссионного клуба, где умные споры чередовались с принятием горячительных напитков. Разумеется, с приличной закуской. Вот и сейчас, друзья собрались не в дорогом, и очень престижном ресторане большого Гуш —Дана, а в ухоженном и уютном дворе дома, где жил один из друзей, которого звали Шамрииль. День выдался жаркий, – нечто, вроде, хамсина, но под мохнатым кроном высокого экзотического дерева, у подножия которого и красовался стол, накрытый всевозможными блюдами, было свежо и приятно. И друзья тоже были настроены на приятную волну гуманитарного диалога. За этим столом уже не раз обсуждались всякие темы – от интимно – вульгарного, до Владимира Вольфовича Жириновского, который тоже мог бы стать репатриантом, хотя у него мама русская, а папа юрист.

Но мы-то народ просвещенный, и знаем, как аксиому, не требующую доказательств, раз юрист, то еврей. Проблем у Владимира Вольфовича, в этом смысле, никаких: пройдет гиюр – и баста.

Но, давайте, вернемся к друзьям. На этот раз тема их алкогольно–закусочного заседания была философско – этническая. Если же быть более конкретным, то она касалась вопроса самой древней профессии. Но перед этим сложным диалогом, друзья пропустили по стаканчику «Смирноффа», которые неизвестно почему стали рекламировать почти все телевизионные каналы. А по дельному совету поэта Игоря Губермана, которого не то в Дании, не то в Голландии называют Хуйберманом, в виду отсутствия буквы «г» в их алфавите, следом пропустили еще один. От этого, как и утверждал поэт, друзьям хуже не стало. Напротив, они сразу повеселели, как журавли перед перелетом. – Ты говоришь, что самая древняя профессия – это ночные бабочки? – делегировал свой вопрос завхоз Шамрииль к Пейсаху, который уже целеустремленно работал над ножками жареной курицы. Если ты так думаешь, то глубоко ошибаешься,– продолжал он, в свою очередь, заглатывая аппетитный кусок осетрины, А разде-

лавшись с этим куском, снова пустился философствовать:

– Вот у меня был один хороший знакомый, между прочим, классный торгаш советской потребительской кооперации, которого звали Боаз. Он был эрудированным человеком, которому можно было доверять, как толковому словарю Даля.. И он знал хорошо всех – и обэхээсников, и журналистов. Знал, что называется, из первых рук. Общался человек...

Тонким психологом был. Так вот, он, этот самый Боаз, говорил мне, что самая древняя профессия – это труженик пера. Журналист.

– А какие у него на это были доводы? – спросил Пейсах. Это черный юмор? Шамрииль невозмутимо посмотрел на своего приятеля, опрокинул еще одну порцию водочки и степенно закулив, деловито продолжил свои воспоминания:

– Боаз говорил, что журналист, как одна маленькая вещичка у женщины, которая то сжимается, то разжимается...

– Бикини что ли, – не выдержал Пейсах.

– Да какие там в чертях бикини! Это же не резина, – возмутился рассказчик. – Ага, я догадался, – вступил в разговор Пейсах. Это – женский язык! Когда ты женщину гладишь, говоришь ей комплименты и даришь дорогие по-

дарки, у нее язычок сжимается. Уходит далеко во внутрь от радости. А стоит ее раздражить и этот язык высовывается наружу, как удав из норы,.. Расширяется, значит. – Да нет же,– возразил опять завхоз Шамрииль. Это совсем не язык. И снова повторил: «Сжимается, разжимается»...

А какая связь этой вещички с журналистом?,– решительно спросил уже порядочно захмелевший Пейсах. Ты можешь объяснить?

– Запросто,– чуть ли не с восторгом ответил завхоз. Журналист, как и женщина – хищник: увидит добычу, начинает сжимать...Жмет, жмет пока ему на руку не положат. И только потом начинает расслабляться, то есть расжиматься.

И женщине надо на руку что-то положить?– с любопытством спросил Пейсах.

– А куда же еще? Впрочем,– можно и в сумочку на веселых тонах произнес Шамрииль. Ты помнишь девиз Мулло Насреддина: – Не кричи: «Дай руку! Кричи: «На руку!» И тогда... И потом....

Что тогда, и, что потом? – перебил снова своего приятеля Пейсах.

– Ответ не заставил долго ждать. – И тогда, и потом, можно будет увидеть самое главное: цвет ее бикини. Сжимается...Расжимается То-то и оно.

НЕПОТОПЛЯЕМЫЙ

(Хроника маниакального домушника)

Радио «Монте Карло» передало сенсационное сообщение: израильская полиция застукала, наконец, маниакального серийного домушника Авраама Саадия по кличке «Аврора», который давно портил кровь местным стражам порядка, а попросту, еврейским центурионам.

Саадия хохотал. Так и описаться недолго,— сказал он подельникам, едва не захлебнувшись в собственном смехе.

— Кого хотят кинуть! Полиция об этом мечтает, конечно,— ораторствовал профессионал-домушник. — Хотеть — не вредно, — хвастался он. Я — непотопляемый. У меня алиби есть.

А в следующую ночь ему, Саадия, приснился плохой сон: на него льется проливной дождь с градом. Только вместо маленьких льдинок, на него падают монеты разных достоинств.

— Мелочь это не к хорошему,— потирая лоб, словно пытаясь что-то вспомнить,— произнес завзятый домушник. Как бы это самое «Монте Карло» не накаркало...

Он очень верил в приметы: в сны и гороскопы. Недельный прогноз был не в его пользу. Астрологи, словно сговорившись, не обещали

Стрельцам ничего хорошего. Саадия, как назло, взял и родился в ноябре. Но волков бояться – в лес не ходить. С таким оптимистическим рассуждением, он вплотную подошел к одной из раamat-авивских вилл. Позвонил в дверь. Никто не отозвался. Саадия открыл дипломат, в котором лежал набор нужных инструментов и всевозможных ключей. А ровно через минуту он благополучно вошел в прихожую. Он прекрасно знал с чего надо начинать. Саадия давно выучил наизусть потайные места подобных квартир. Сейф, вмонтированный в большой кухонный холодильник, оказался не пустым. В нем лежало много драгоценностей, а еще больше крупных долларовых ассигнаций. У Саадия была одна слабость: он любил не отходя от кассы пересчитывать всю наличность, словно бывалый бухгалтер расчетного стола. Эта работа хотя и отнимала много времени, но была на редкость захватывающей и полной экстаза. И эта сладкая операция уже приближалась к своему завершению, когда не званный посетитель услышал за своей спиной злобный окрик полицейских:

«Стоять. Ни с места!» Бывалый домушник нехотя и недоуменно поднял голову, а потом лениво спросил:

«Вы, что, ребята, с луны свалились?»

– Руки за спину! – почти хором прокричали блюстители порядка.

- А у меня с головой не все в порядке,– сказал издевательским тоном вор с библейским именем. А, что, собственно, случилось? Я в своей квартире. Работаю. Перебираю разные ключи. Это у меня такое хобби. Я – коллекционер по части ключей. А это бумаги.

– И это ты называешь бумагами?,– закричал один из полицейских, показывая на доллары. – Конечно,– сказал Саадия. А вы, что сомневаетесь? Саадия чиркнул зажигалкой и поднес сто долларовую купюру к огню. Горит? Горит! Значит, я прав. Это бумаги.

- Ты, что не в своем уме?,– закричал второй полицейский.

- Саадия кивнул в знак подтверждения..А уже в следующее мгновение протянул небольшой белый лист Это была медицинская справка, заверенная гербовой печатью о том, что ее владелец невменяем, но не опасен для общества. Белый лист пошел по рукам: полицейские охотно передавали его из рук в руки.

- Ну, извини, дружище,– похлопывая Саадия по плечу,– сказал главный из блюстителей порядка. Ошибочка вышла. Невменяемые не наш профиль. Бывалый домушник вышел сухим из воды. Он спокойно уложил пачки с изображе-

нием американского президента в дипломат, и с таким же олимпийским спокойствием вышел на улицу. Весь шабат вор с библейским именем провел в кругу закадычных друзей и позволил себе немного расслабиться.

Саадия решил временно поменять профиль своей неутомимой деятельности. Вооружившись большим детским пистолетом, и напялив на глаза зеркальные солнцезащитные очки, он вошел в один из тельавивских коммерческих банков. – Идет ограбление! Деньги, – заорал он на главного сотрудника, как час назад на него орала полицейские.

- Деньги! – еще раз повторил Саадия, направляя детский пистолет в сторону обезумевшего от страха манкаля. Команды подавались на родном языке Авраама, который «невменяемый» знал в совершенстве. Операция «Ы» продолжалась. Для лучшего освоения новой смежной профессии, – искусства грабежа при свете дня – Саадия зашел во второй банк. Но получилась небольшая накладка: его уже успели очистить Эти Аялон и ее братец Офер Максимов.

- Когда не везет, так не везет. Как говорят, и на родной сес... Да, что говорить об этом сейчас. Не вовремя, да и незачем, наверно... Все бы это ничего, да вот опять маленькая неувязочка вышла. На последнем «рабочем» месте Саадия

в торопях не заметил шомера, который охранял... воздух. Тот оказался проворным малым, попросил документы и стал даже матюкаться. Свой родной славянин оказался.. А такая сволочь. Нет, чтобы посочувствовать, а он еще и маму начал трогать. Так вот и врезал ему Саадия по первое число. Но тут опять родная полиция совершала обход.

- А потом иди и скажи, что в жизни не бывает чудес. По странному стечению обстоятельств, на помощь уже ограбленному банку, пришли все те же центурионы, уже имевших счастье познакомиться с неутомимым Саадия, у которого есть справка.

- О, какие люди,— восторженно сказал самый главный из полицейских, снова увидя своего старого знакомого. Они оказались добрыми людьми, хотя и были полицейскими. — Давай, мы тебя отправим на повторное лечение,— сказал самый главный из центурионов. — Отдохнешь от всяких забот, а заодно с тобой, отдохнем и мы.

Но отдыхать Саадия в клинике для душевно больных не очень хотелось. И тогда он решил воспользоваться своим уже не раз испытанным приемом: неожиданно разлегся на плиточном полу и стал имитировать крупную дрожь, вра-

щая ногами и сам крутись, как раскошегаренный кубарь.

- Сердца у этих полицейских нет,— громко сказала одна очень представительная дама русскоязычного происхождения с объемистым, как у танка «Меркава» задом. Я этого больного человека знаю давно. Зачем его трогать? А потом она что-то долго объясняла полицейским, и те сдались: Саадия отпустили с миром. Он еще покажет этим из «Монте Карло!»

УЗНИК БАРБАНЕЛЯ

Когда не везет, так не везет. Ничего не делаешь и ничего не придумашь. Изе всегда везло, ну хотя бы, как утопленнику, которого вовремя вытащили из воды. А уже давно не везет. Изя даже знает с какого времени. Не только день, но и час может назвать. Это дуреха Розочка – предмет его вожденной и давно забытой любви – навела на него, Изю, порчу и сглаз. Вот с того самого времени, у него ничего не стало клеится. Мало того, что сглаз навела, так в отместку еще и депрессию прибавила. Теперь Изя по любому поводу воспаляется, как старый керогаз сорок первого года. И только поэтому и случилось то, что случилось. Зашел как – то к нему на Пурим Нисон – сосед по дому – рыжий, как аксайский кирпич. Зашел? Добро пожаловать! А, что еще можно сказать? Что он не кавказец что ли? Или горских обычаев не знает? Выпили, закусили. Видно, водочка подействовала на него. Разошелся и вширь, и вглубь.

– Ты,– говорит,– зачем свою жену в брюки облачил? Ты – горец. Не к лицу жене горца флиртовать в брюках.

– Ты чего, зашел меня уму-разуму учить? - вскипел Изя, как израильский кум – кум американского образца.

– А почему бы и нет, – нараспев сказал прилично захмелевший Нисон. Еврей-ска-я женщина, – не сексу-аль-ный канал «Романтика», – снова распелся пьяный сосед. Она не должна показывать всем свои прелести.

– Это моя жена, – вспыхнул не склонны к войне тихий Изя. Ты что из полиции нравов?

- А поче-му тебе, Изя не отпра-вить свою жену в мас-сажный кабинет?

Это уже было нахальством. Нисон перешел все дозволенные и недозволенные границы. И тогда тихий Изя, не помня себя от нахлынувшей злости, схватил со стола большую недопитую бутылку водки, и с размаха опустил ее на голову своего обидчика. Уже в следующую секунду, когда его обидчик, как мешок с навозом, рухнул на пол, Изя понял, что совершил нечто страшное: гнев сменился неожиданной тревогой. Еще минуту назад, громко ораторствующий Нисон, теперь лежал не подавая признаков жизни. Изя взял себя в руки и собственноручно позвонил в полицию. Незадачливый обидчик, к счастью для Изи, выжил. Правда, долго валялся на больничной койке. А супруга, так рьяно защищавшего имя и честь жены, ждало тяжелое

испытание: в полиции он должен был пройти тест на вменяемость. Таков закон. Какая – то породистая дама в полосатой голубой пижаме, чем-то очень похожая на лошадь Пржевальского, возможно, эксперт из Тель – Кабира, стала, как жонглер крутить мясистыми пальцами перед глазами Изи, впиалась в его зрачки, словно испытывала оргазм. Потом в кабинет вошел маленький бородатый экземпляр мужского пола. Он усадил Изю на стул и неожиданно для него долбанул резиновой палкой ниже колена. Не то от боли, не то от волнения, нога Изи взлетела вверх, достав подбородок маленького экземпляра, который оказался в глубоком нокауте. Вердикт полиции и экспертов был предельно коротким, если не сказать жестоким: Изю признали невменяемым. Ему было определено и место отсидки: печально – известный дом скорби «Барбанель». Изе почему – то стало грустно.

– Ты радуйся, радуйся, Изя, – успокаивал он сам себя. Иначе отсидел бы годочков десять от звонка до звонка. Радуйся, Изя, и благодари Всевышнего...

В первые дни Изя никак не мог привыкнуть к новой, непривычной обстановке. Он и не подозревал раньше, что в такой маленькой стране, как Эрец Исраэль, столько умалишенных. А потом свыкся, привык. Человек привыкает ко

всему. А в «Барбанеле», к тому же, было и не так уж и плохо. Все ходили в полосатых пижамах, пели и кричали, танцевали и хохотали. Здесь были люди всех мастей и всех эпох: Наполеон и генеральный прокурор, эмир бухарский и даже Сосо Сталин с такими же усами и пышной шевелюрой. Почему – то он все время громко кричал:

- «Где Адольф? Я требую его повесить! А, где Никита – тот кечал – кукурузник? Я так хорошо спал в Мавзолее ...А он, сукин сын, взял и выбросил меня, как старую рухлядь. А потом ловко подскочил к перепуганному Изе в очках, и схватив его за ворот пижамы, заорал еще пуще: – Эй, Власов, мать твою...Отдай моего Якова... Руки у мнимого Сосо сжались на шее новоиспеченного узника. Еще минута и бедный Изя распрощался бы с жизнью, но тут вовремя подскочили санитары и облачили генералимуса в смирительную рубашку.

«Барбанель» напоминал Изе старое кино: все время попадались знакомые лица, которых он раньше видел на улицах Тель – Авива, или Баку и Дербента. И он мучился в догадках. Изя задавал себе один и тот же вопрос: «Что делают эти люди здесь?» Вот, например, этот по имени Давид Ошерович – подпольный миллионер еще горбачевских перестроечных времен, перено-

сивший теперь, как праведный Илиягу, все «прелести» олимовской жизни. Говорили, что он убил свою прежнюю любовницу, которая за его спиной переспала с молодым марокканцем: его тоже признали невменяемым. Преступление, вроде, совершил в состоянии сильного аффекта. Один бог знает, наверно, во что ему обошелся этот аффект. У него денег куры не клюют, а зато живой. Живой Давид Ошерович, а чего человеку еще надо?! Он теперь – узник «Барбанеля». Ничего, потратится и совсем скоро станет узником Сиона. А сейчас пока попрыгает, играя в класики с другими, потерявшими голову. Давид Ошерович был не единственным, с кем Изя встретился здесь.. Среди этих лиц был и Абрам. которого он частенько встречал на Дизенгофф – Центре. В той жизни был поваром, а здесь в большие раввины вышел. Главным человеком в округе стал. Но и его черт попутал: изнасиловал мальчиков из ешивы. И теперь с диагнозом «шизофрения» сидит в «Барбанеле» Так проходит день за днем. И хотя не дома, не в кругу близких и родных, но в очень веселой кампании живет Изя. На все воля божья. Он все равно выкарабкается отсюда. А выкарабкавшись, с этой самой справочкой, он еще и амидар отхватит. А, может, даже и «узника Сиона».

КАК РАБИ ДИБИЯ КОСМОНАВТОМ ХОТЕЛ СТАТЬ

Это правда: в доме повешенного о веревке не говорят. Рав Дибия это знает. Он – человек образованный, не то, что какие-то самоучки – недоделки. Учился до самого сорока лет, аж до первой седины. Сейчас ему семьдесят. Почтенный старик, можно сказать. Это правда: в доме повешенного о веревке не говорят. Но, хвала Всевышнему! Он миловал рава от присутствия в таком печальном доме. И, что ему там делать: не исповедовать же уже умершего человека.

Всевышний дал раву Дибия много разных талантов. Он не только рав. Он еще и прославленный кантор. Вот и удостоился чести быть приглашенным в стольный град Москву на пасхальное мероприятие в самую большую еврейскую синагогу. Но до торжественной церемонии оставалось еще много времени. И рав Дибия – любитель всего исторического, решил немного прогуляться. И первым местом, куда он пришел, была Красная площадь и Аллея космонавтов. О, как быстротечно время, – с грустью произнес рав Дибия, устремив взгляд на скульптурный монумент Гагарина. Сорок пять лет назад он тоже был молодым, как и

Юра. Ушла в небытие молодость, а потом предмет его неповторимой любви – любимая жена, которую, как и супругу Биби, тоже звали Сарой. А еще позднее его голову, уже признанного раввина, стали покидать волосы.

Никуда не ушла только память. Она осталась верна раву Дибия, как преданная на всю жизнь женщина. Это место было для него святым. Прошло сорок пять лет, но ничего не забылось. Он зачарованно смотрел на скульптуры, а память – волшебница уносила его далеко – далеко: она уносила его в молодость. Вокруг было множество людей – красивых и уродов, богатых и бедных. Только рав Дибия никого не видел и ничего не замечал. Как бывалый водолаз опускается на самое глубокое место, так и рав Дибия, тоже находился сейчас на самой глубинке своей памяти, прокрутив ее почти на пол– века назад.

– Вы хоть, знаете, молодой человек, куда вы попали? – строго по-военному спросил у начинающего тогда раби Дибия один из дежурных в чине полковника. Это секретное ведомство. Это не богоугодное заведение.

– В богоугодные заведения я вхожу без пропусков, товарищ полковник, – отрапортовал раби, ничуть не смущаясь.

– А вы, случайно, не служитель культа? – осведомился строгий дежурный.

– Вы угадали, я – раввин, – пояснил Дибия.

– А здесь Центр космонавтики, – уважаемый раввин. Вероятно, вы перепутали адрес, – с неким высокомерием сказал полковник.

- Ничего я не перепутал и пришел точно по адресу, – попытался осадить рав Дибия несговорчивого блюстителя безопасности. – Сергею Павловичу за меня звонили... Он в курсе дела. С минуту на минуту меня позвуют...

- – А, может быть, еще и Королеву звонили за вас?

- Вот именно, ему и звонили, господин полковник. Можете не сомневаться, – еще раз с неким безразличием ответил напористый рав. – Не беспокойтесь и наберитесь терпения, ведь вы военный человек, полковник как – никак...

– Хватит меня баснями кормить, – взорвался строгий блюститель безопасности. – Во – первых, я не господин. А во-вторых, что у вас общего с Королевым?

- Говорю человеческим языком уже в десятый раз, у меня с ним назначена встреча. В десятый раз объясняю, что я раввин. Сейчас вам позвонят.

Но полковник не сдавался и был крепким орешком.

– К нему, к Сергей Павловичу, сам Никита Сергеевич Хрущев без звонка не приходит. У вас, наверно, не все в порядке с головой, ребе, – разгорячился и совсем вышел из себя полковник особого Отдела.

Он еще что -то хотел сказать раву Дибия, но в это самое мгновение на столике у полковника резко зазвонил телефон. Он снял трубку. Лицо полковника из красного вдруг стало белым, как стена. Он стоял по стойке «смирно», и, как хорошо надресированный попугай, произносил: «Есть, товарищ Королев!. Будет исполнено. Да, да, раввин здесь. Сейчас будет доставлен»

- Ну, присаживайся, святой отец, просто и по-человечески тепло сказал генеральный конструктор. У меня друзей с Кавказа много. Не раз шашлыки шпарили. Шимон – директор коньячного из Дербента минуту назад звонил. Просил за вас. Я весь внимание. Ваша просьба, ребе? –Вы, Сергей Павлович, набираете молодых летчиков – ассов. Я – не пилот. Я всего лишь раввин. Но желаю полететь тоже. Хочу встретиться со Всевышним.

– Да, – глубокомысленно сказал Сергей Павлович. Вы меня озадачили, ребе. Загнали в тупик, можно сказать. У вас нет летных данных, но это полбеды. Проблема в другом.

- В чем же? – моментально среагировал рав Дибия.

- У меня приказ: брать только членов партии.

- А вы примите меня кандидатом,– не растерявшись произнес находчивый кавказец. А партбилет хочу принять из рук самого Создателя. Да и, вообще, хочу поговорить с ним. Люди что-то совсем развинтились. Хочу получить от Него новые указания.

- Ну, что ж, договорились. Завтра же приступайте к тренировкам. Будем на связи. Считайте, дорогой ребе, что я уже зачислил вас в команду космонавтов. Шимону на коньячный не забудьте позвонить. Пусть не беспокоится...

- На следующий день ребе позвонил в родную синагогу и сообщил, чтоб ему подыскали замену на длительный срок. – Готовлюсь к встрече со Всевышним,– таинственно сказал рав Дибия.

- 12 апреля 1961 года в эфире прозвучал знакомый голос Левитана: Говорит Москва! Работают все радиостанции Советского Союза! Выход первого человека в космос...»

- А за месяц до этого у рава Дибия состоялся конфедициальный телефонный разговор с Королевым:

- Сергей Павлович, 12 апреля это суббота. А по Торе я не могу ездить ни в каком транспорте. Это нарушение святой субботы. Рав Дибия говорил с волнением в голосе. К тому же, ракета летит на огне. – Да, не хорошо получается, – не то всерьез, не то с усмешкой сказал Генеральный. Так утвердило ЦК. Никто этого теперь перенести не может. Ничего, – волноваться не надо. Всевышний – терпелив. Подождет. Тем более, с раввином ему поговорить тоже хочется. Так что субботу нарушать не надо. В другой раз, ребе... В другой раз.

- А ведь не совпади это с субботой, Юрий Левитан сказал бы совсем по- другому: «Говорит и показывает Москва! Работают все радиостанции Советского Союза! Первый человек в космосе: гражданин СССР рав Дибия Абрамов».

Вот такая история приключилась с кавказским раввином. Воистину, пути Господни неисповедимы.

С ПОЛИЧНЫМ

=====

- А, что, Ева, мы с тобой дурней паровоза что ли,— все более раскаляясь говорил новый репатриант Нахум, бывший завмаг из Нагорного Буйнакскa. Мы с тобой не первые, и мы с тобой не последние. Смотри, сколько разведенных в Израиле. А, все равно, спят вместе. Это днем при дневном свете, они разведенные... А ночью грех скулить одному в постели. Мы тоже днем не спим, соблюдаем дистанцию.

- — Глупости ты говоришь Нахум,— с необыкновенной решительностью в голосе перебила мужа его вторая половина. Речь о деньгах. О потребительской корзине. Раз мы спим вместе, то нам по закону, причитается только одна. А мы получаем две ...Выходит, что мы надувательством занимаемся. Родной Битуах наказываем, понял?

- Тебе бы в самый раз в КПСС вступить: Дзюганов бы без рекомендации принял.

- Дзюганов — это там, в Москве. А мы — здесь, — перебила жена — любительница законов. Я не то, чтоб какая-то законница... Просто, так не честно.

- Ты, что с Луны свалилась? — возмутился Нахум. На дворе двадцать первый век. Где ты

видела честных в наше время? Вот смотри, Офер Максимов со своей сестреночкой Эти Аялон целый торговый банк до ниточки обобрал. А ты говоришь о какой-то честности. Выкинь эту блажь из головы!

- Нет, все-таки, я боюсь,— уже более примирительно сказала вторая половина, которая была худой, как каспийская сельдь в межсезонье.

— Ева, перестань, ради всего святого,— вскипел несговорчивый супруг, который втайне завидовал этому проныре Максиму. Подумаешь, никакого светопреставления не будет от одной нашей лишней корзины. Какие-то тысяча шекелей. Даже по-человечески в ресторане не посидишь, не хватит. Успокойся, дорогая. Ты знаешь, сколько они на нас с тобой зарабатывают? То — то. Не знаешь. Это еще то жулье... А ты все про несчастную корзину говоришь. Перестань мучиться.

- Не о корзине речь,— не унималась Ева. Неприятности могут быть. Проверки идут ночью. Проверяют, когда уже все ложатся спать: хотят поймать с поличным...

- Какие могу быть проверки в такой ливень? — стал опять возмущаться тайный завистник Офира Максимова. Им, что охота мокнуть

под таким водопадом? Плохо, дорогая, ты о них думаешь. Этот народ себе цену знает.

- Была уже глубокая ночь. И после приятной трапезы и обильно принятой дозы горячительного, Нахуму вдруг захотелось интимной близости с женой. Он торопливо разделся и лег в чем мать родила. А рядом лежала пусть и тощая, как сельдь в межсезонье жена, как вдруг в дверь настойчиво позвонили.

- Я же тебе говорила,—придушенным голосом сказала Ева.

- Не будем открывать,—решительно произнес муж — завистник. Пусть приходят в рабочее время, а не когда попало. Люди отдыхают, какие там проверки? Может, бандиты какие. Столько вокруг всякой нечисти: наркоманы, домушники, бомжи...Только утром. Будем лежать тихо, как мыши.

- Но звонок снова повторился. Супруги лежали тихо: авось пронесет. Но на этот раз звонок разразился надолго. А, когда он, все таки, перестал, в комнату вошли два полицейских и два человека в штатском. Нахум сразу признал в одном из них того самого вредного сотрудника из Битуах Леуми, который выпил у него немало крови.

—Лайла тов, мар Ноах. Ата гар по? Ата гана
гана мар Ноах. Зе ло беседер... Мамаш, ло бе-
седер.

- Нахум хотел встать, чтоб как следует
доказать этим законникам свою правоту. И уже
скинул было с себя простыню, но вдруг опом-
нился, и стыдливо снова нырнул в нее.

«Что может сделать голый среди стаи вол-
ков,— с грустью подумал он. Тем более, когда
ты лежишь с женщиной, на которую у тебя,
вроде бы и прав уже нет, а вдобавок еще, полу-
чаешь и нелегальную корзину».

МОЛЧАЩИЙ КОШЕЛЕК

Кто -то теряет, кто-то находит. Так пелось некогда в популярном шлягере на той, уже почти забытой родине. Севгиль был человеком математического склада: любил точность и ненавидел длинноты. Больше склонялся к статистике. Он прожил на этом белом свете ровно пятьдесят. И скрупулезно подсчитав все потери и все находки, пришел к одному нерадостному итогу: он, вообще, никогда и ничего не находил, а потерь на его счету было много. Он грезил одной розовой мечтой: найти когда-нибудь один большой, туго набитый деньгами кошелек. И вот, пожалуйста, вместо того, чтобы найти, он, наоборот, теряет свое портмоне. В нем не было миллиона, мелочь какая-то, всего тысяча зеленых, а вот обидно до слез. Деньги – то, черт с ними, а вот документики... А еще там было несколько свежих визиток, в которых черным по белому значился номер его телефона и домашний адрес. Живи Севгиль где –нибудь на другой географической широте, то очень сомневался бы, что найдется фраер, который может вернуть ему портмоне со всем его содержимым. Но Севгиль жил в Израиле, где много евреев, идущих по дороге господа, а потому

очень боящихся греха. Даже бомжа без прописки и без угла и крыши над головой и то не осмелился бы на подобный грех: обязательно вернет, разве, что оставит себе несколько звонких монет. Ну зачем ему сразу тысяча баксов? Другое дело, если бы он платил балабайту за съём квартиры. А у него жилплощадь бесплатная... И полный надежд на возврат потерянного портмоне, Севгиль пришел в одно из рекламных изданий, чтобы дать объявление, в котором сообщалось о приличном вознаграждении. Издание было массовым. А по сему на сердце у Севгиля было спокойно, как на берегу Средиземного моря в квадрате большого Тель – Ави-ва.

– Отзовутся...Обязательно отзовутся,– успокаивал сам себя пострадавший бакинец, как две капли воды похожи на одесита, точно также, как похожи друг на друга Баку и Одесса. Пошла неделя, вторая, но пока никаких сообщений о находке не было. Прошел месяц, а звонков все нет и нет. Севгиль терпеливо ждал. А между тем, зря времени не терял: регулярно просматривал ворох русских и других газет, слушал радио. Именно в эти дни появились сообщения о том, что новый иранский президент с трудно произносимым именем Ахмединеджад рвется к атомной бомбе, как хищник к куску мяса. И то-

гда у Севгиля в голове стала закрадываться крамольная мысль: «А не нашел ли его портмоне с тысячами баксами и документами этот самый господин? Если нет, то тогда откуда у этого Ахмединеджада, появились деньги на создание столь дорогого оружия? Нет, что ни говори, именно он, а не кто-нибудь другой, нашел его, Севгиля, кошелек.

– Что ты с ума сошел, Севгиль? Какой Ахмединеджад ? Да, кто его в Тель-Авив пустит без особой проверки на птичий грипп? В какое-то время Севгиль обратился даже к услугам экстрасенсов, после этого и в институт глобальных прогнозов. Но все было в черном свете и не предвещало ничего хорошего и ничего радостного. Горячо переубеждал Севгиля сосед по лестничной площадке по имени Виссарион. Ну, конечно, не Белинский.

– Вот, смотри, как на новой тахане мерказит шомеры сумки шмонают. Только в одно место не лезут. И на том спасибо. Но увещевания соседа не подействовали. И он, Севгиль, во чтобы то ни стало, решил выйти на ООН, на Кофи Анана, дабы предотвратить возможную акцию теракта со стороны этого Ахмединеджада. Конечно же, он и нашел это портмоне.

Севгиля мучила только одна проблема: в случае вызова в ООН для дачи показаний, на

каком языке он, Севгиль, будет говорить. А потом решил для себя окончательно: конечно, на родном горско-еврейском. И это будет правильно. Кто сегодня в ООН понимает русский, а тем более, английский? Надо успеть. Срочное изъятие его портмоне у Ахмединеджада спасет человечество. А ему, Севгилю, поставят памятник еще при жизни.

ВОЙ БЕ ВОЙ

=====

Маленькая и пузатая, как бухарская пышка женщина по имени Бася Худадатова, в эти дни последнего летнего месяца впала в заметное отчаяние. И было от чего: неожиданно-негаданно на ее мужа Шаптая обрушилась неизвестная тяжелая болезнь. Она и до этого была всегда сварливой и вечно недовольной бабой. Большею частью она была недовольна людьми, которых знала, и, которые знали ее.

— Вой бе вой! — теперь Бася умерла при жизни, — сетовала бухарская пышка многочисленной родне, которые приходила навещать больного Шаптая. — Я типир одна. Шапитай искоро умирает. А ишто будит делит моя? Четири истена квартира охранат?

Шаптай — крепкий мужчина,— успокаивали родственники. Обязательно поднимется. Не паникуй!

Но Бася, как и многие хошмемзильские женщины, была не только склонна к полноте, но и к самоанализу, а еще больше к предприимчивости. Она, как и подобает восточной женщине, продолжала присматривать за больным супругом, но одновременно стала искать тайные ка-

налы связи для поиска подходящей пары – нового мужа.

– Порядочный мужчина на улице, как поломанный стул не валяется, – говорила Басе давняя подруга Ципилина, с которой она делилась самым сокровенным. – Ты – женщина богатая. А мужчинам только деньги и нужны. Они без них, как Шимон Перес без политики.

Сидевшая до сих пор Бася, вдруг оживилась:

– У тебя есть вариант? – неожиданно спросила она.

- Конечно, есть. И много даже. Подсказываю самый верный и самый надежный. Ты с пустыми руками назад не придешь. Советую тебе, дорогая, начать с бейт-аводов. Они есть в каждом городе. Вот и обойди парочку – другую...

- Поняла... поняла – в каком-то экстазе сказала Бася. В этих домах престарелых на самом деле много амбалов отирается. Думаю, что не меньше, чем апельсинов на шхуне Тиква.

Бася была женщиной хваткой: не клади палец в рот – откусит руку. Она отлично понимала большой смысл короткого слова «надо».

Надо! ... И она обходит уже третий дом для престарелых. И надо же – выстраивает здесь, словно по команде «Смирно!» все его мужское население. «Парад» принимала сама Бася. Из

этого значительного числа претендентов, она выбрала одного рослого и самого упитанного. А выбрав, договорилась на вожделенный предмет: через месяц играют свадьбу.

Примерно в это самое время, к Шаптаю пришли трое раввинов в черных больших шляпах. Они стали произносить над его головой таинственные и малопонятные молитвы. Но выздоровление не приходило. Причину объяснить не удавалась: то ли расстояние до Всевышнего было большое, то ли раввины оказались некашерными.

Терять было нечего. Кто -то из родственников привел к больному некоего человека по имени Асаил, который объявил себя Машиахом. А еще сказал, что Он – Восьмой, тот самый, которого люди так долго ждали. Когда его подвели к больному, один глаз «Машиаха» вдруг загорелся и из него заструился мощный луч света, как из корабля инопланетян. Произошло чудо: безнадежно больной Шаптай, совсем неожиданно для всех, пошел на поправку. А через пару дней, был уже крепким и здоровым, как в свои лучшие годы. Ай, да Машиах! Хвала ему и честь.

Но с его супругой Басей, пузатой, как бухарская пышка, произошло обратное: она слегла.

Ее хватил удар. А через три дня она отдала богу душу.

- «Вой бе вой!»... «Вой бе Вой!» – кричал вернувшийся почти с того света ее муж Шаптай, – рыдая над скончавшейся половиной. Все родичи покойной сожалели о том, что в этот скорбный час с ними рядом нет того самого Машиаха и Восьмого, которого счастливые люди, наконец, дождались. Он обязательно сотворил бы еще одно чудо: вернул бы к жизни многотрадальную Басю, похожую на пузатую бухарскую пышку.

МСТИТЕЛЬ ИЗ КИРЪЯТ – БИРЪЯТА

Нисон – сын остробородого раввина Звулуна, который был одновременно и владельцем такого же острого языка, не уступающего даже крепкому хасавюртовскому перцу, очень внимательно читал письмо из Израиля, которое он только что получил. Читал и снова перечитывал, словно проверял самого себя. И до него никак не доходило, почему его бывший сосед, а сегодня законный гражданин земли обетованной Абраша, по кличке Сохте – Сухтум, пишет ему такое:

- «Привози веники, дорогой Нисон. Только веники и больше ничего. Через год ты станешь самым богатым человеком. Письмо начиналось и кончалось именно этим призывом: «Привози веники, дорогой!»

– Абраша мне только добра желает. Не может он мне никак быть врагом, – рассуждал Нисон. И продолжал развивать свою мысль: «Человек живет там, значит, ему видней, что ходовое, а, что нет. Не могу же я здесь сидеть вечно. И мне пора отчаливать...»

Такие философско-бытовые мысли посещали голову потенциального репатрианта Нисона по кличке Сохте– Сухтум.

- «А, что художник, про которого поет Пугачева, разве дурак? Миллионы роз купил человек для своей возлюбленной. А я куплю не цветы, а тысяча веников. И заработаю. А художник был романтиком: лучше бы он эти цветы продавал».

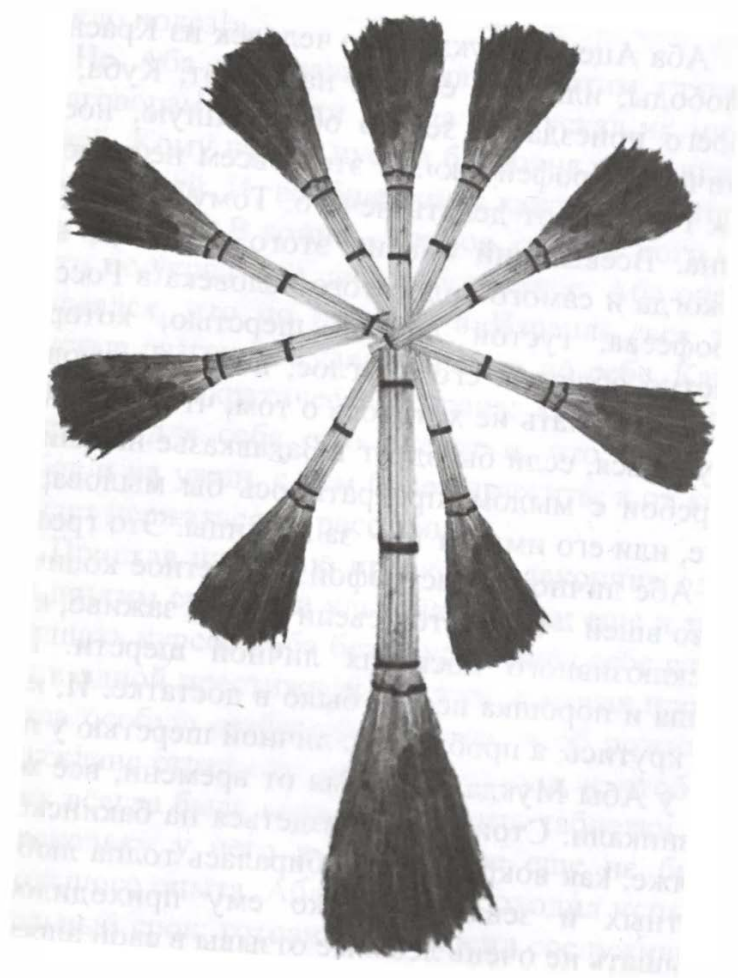
Нисон от рождения был мобильным человеком. Через пару дней веники были закуплены и ждали своего часа для отправки. Долго ждать не пришлось. На пункте отгрузки работал свой человек Ени Купур, которого все, словно сговорившись, звали Ем Кипур. И он по благу оказал Нисону неоценимую услугу: веники ушли досрочно. А ровно через неделю, следом за своими вениками, в Израиль вылетел и сам отправитель. В этот товар Нисон вложил все свои сбережения – Что ни говори, – а Пугачева – певица правдивая, – подумал про себя Нисон, подходя к багажному отделению, когда пришел туда получать свои веники. Мысль о художнике, который продал свой дом и купил миллион алых роз, была навязчивой и не выходила из его головы. А все, наверно, потому что он, Нисон, тоже один в один повторил благородный жест художника. Разницы, в сущности, не было никакой: там – цветы, здесь – веники. Важна суть. Действие. Порыв, наконец. В этом смысле, он тоже романтик. Где еще сегодня найдешь такого наивного человека, почти блаженного, кото-

рый продает особняк и покупает веники? Этого не сотворил бы даже доктор Исанке Илалов из Дагестана, который был прекрасным врачом, но не так силен был в области купли – продажи. А вот я, Нисон, сын раби, тоже сотворил такую ерунду, – сокрушался хозяин импортированных веников.

Все оказалось блефом, профанацией, розыгрышем. Оказалось, что в тот злополучный период, то ли под воздействием очаровательной Аллы Пугачевой, трепетно поющей о художнике, то ли под воздействием колдовского розыгрыша со стороны легкомысленных друзей, все приехавшие с Кавказа, привезли, как и Нисон, эти злополучные веники, тем самым, заполонив рынок столь экзотическим товаром. А по этой причине, они стали дешевле лишнего газа после принятия угольных таблеток. И Нисон – сын раби Абраши по кличке Сохте – Сухтум, обанкротился не отходя от кассы. Обида не заживала. Но нет худа без добра. И к нему пришла гениальная идея: создать партию обиженных и банкротов и возглавить ее. До выборов в Кнессет оставалось ровно три месяца. Времени было достаточно. Но самым интересным оказалось то, что в Израиле таких невезучих и обманутых уйма: аж полтора миллиона душ. Когда настал тот самый заветный и судьбоносный день, пар-

тия Нисона вдруг получила много мандатов и стала одной из ведущих. Нисона пригласили в коалицию. Поговаривали, что ему предложили пост министра без портфеля. А он ему и не был нужен.

– На этот раз пусть будет так, – решил Нисон. Он – не фраер, которого губит жадность. Он, Нисон, еще покажет себя. А пока будет довольствоваться и этим постом министра без портфеля. А портфель ему сейчас и ни к чему: все равно в него положить нечего.

ЛИЧНАЯ ШЕРСТЬ

Аба Ацерет Мукдаши – человек из Красной Слободы, или, как ее еще называют, Куба, до своего приезда на землю обетованную, носил кличку: «Ерофейчик». И это совсем неспроста, как говорят, от делать нечего. Тому была причина. Всевышний одарил этого кавказца, как некогда и самого волосатого человека в России Ерофеева, густой личной шерстью, которая плотно облегла его смуглое, почти бронзовое тело. И думать не хотелось о том, что могло бы случиться, если бы вдруг в Закавказье начались перебои с мылом: прекратилось бы мыловарение, или его импорт из – за границы. Это грозило Абе личной катастрофой: несметное количество вшей – паразитов съели бы его заживо, как эксклюзивного носителя личной шерсти. Но мыла и порошка всегда было в достатке. И, как ни крутись, а проблемы с личной шерстью у него, у Абы Мукдаши, время от времени, все же, возникали. Стоило ему раздеться на бакинском пляже, как вокруг него собиралась толпа любопытных и зевак. Нередко ему приходилось слышать не очень лестные отзывы в свой адрес:

- Смотрите, в такую жару нацепил чабанскую бурку. Вот дурак.

- Нередко приходилось слышать и такое: «Для чего он в этот мохеровый плащ завернулся? Люди от жары плавятся, а он добровольно в пекло полез!»

Но Аба уже давно привык к этим глупым разговорам, и почти всегда пропускал их мимо ушей. Кому нужна пустая болтовня скучающих обывателей. И, вообще, кому какое дело, кто и во что одет? В конце – концов, он ни у кого ничего не украл: все свое собственное. Аба очень надеялся, что по приезду в Израиль, все эти пустые разговоры улягутся сами по себе. Как – никак, демократическая страна: каждый волен решить для себя, что оденет и, что поест на обед и на ужин, с кем будет дружить, а от кого будет держаться на расстоянии.

Приехав на землю предков, и закончив один за другим сразу три ульпана, а затем еще и тринадцать курсов, Аба без труда нашел себе работу в одной престижной конторе, которая проявляла особую озабоченность тем, чтоб пожилые граждане страны не умерли с голода, и, чтобы у них всегда была вода, чтоб запить таблетки. Но поскольку у него в этой сфере еще не было большого опыта, Аба, как бы проходил испытательный срок: готовил и разносил сослуживцам чай и кофе – с сахаром и без него, а потом, когда все это кончалось, опять готовил и опять

разносил. По правде говоря, у него была клевая работа, а еще и деньги платили. Так и работал бывший уроженец Красной Слободы на вольных хлебах. Все было хорошо, и все шло, как по нотам, исключая одно маленькое неудобство: Аба Ацерет Мукдаши никак не мог привыкнуть к жаре. И поэтому, когда являлся в офис, и, когда порой с целью экономии, отключали кондиционер, он снимал рубашку и оставался в одной маечке. Но у каждого человека есть свои пристрастия. У кубинца с берегов Кудиял – чая они тоже были: он любил носить майки только белого цвета. А шерсть на нем, естественно, была цвета противоположного, поэтому, сразу же бросалась в глаза.

Казалось это ни у кого не вызывало какого – то открытого протеста, или буйной реакции. Владелец этого пышного волосяного покрова Аба из Кубы никак не ожидал, что сей природный дар Всевышнего, может когда – либо обернуться против него печальным образом. Но обернулось. В конторе работала одна тяжело-весная тумба женского рода, объем которой превышал ширину самого древнего баобаба. А вдобавок ко всему, и рожа у нее была страшной кубинской кормовой тыквы: вся в прыщах и царапинах. Видите ли, ей не понравилась волосатая грудь нового сотрудника. Она это воспри-

няла не больше и не меньше, как сексуальное домогательство.

«Почему он так откровенно демонстрирует свои эрогенные зоны? Конечно же хочет совратить!»

Все думали, что она шутит. Но шутки не было: эта обхватистая дама подала в суд исковое заявление.. Очень скоро для проверки фактов, прибыла оперативная группа, которая после серьезного допроса, велела подкоротить мех на теле, дабы он не возбуждал легко воспламеняемую женщину. Но кубинец не пожелал стать грушей для битья. Он тоже подал встречный иск. Заседания суда было недолгим: судья был категоричным. Даме в три обхвата, испытывающую сексуальную озабоченность в присутствии волосатого кавказца, были заданы откровенно прямые вопросы:

Он приставал к вам по утрам? Нет.

Трогал вас за интимные места? Нет.

Все понятно: вы плохо воспринимаете длину шерсти. Предлагаю консенсус,— сказал судья. Сбричь шерсть до максимума.. Все расходы за счет владельца. На этом судебное заседание было закрыто.

Аба Ацерет Мукдаши подал встречный иск о своем несогласии. На этот раз в высший суд Справедливости, который вскоре отменил

прежнее решение, опираясь на юридические законы английского Мандата и времен турецкого правления за 1911 год, в которых ничего не было сказано о бритье волос на груди. А потому Аба Мукдаши вправе носить их не укорачивая до самой смерти.

ЧАСТНЫЙ ДЕТЕКТИВ, ИЛИ ШТИРЛИЦ НА ДВОИХ

Эли Соломонов приехать в Израиль не собирался – ни в те времена, когда туда рвались единицы самых отчаянных, ни даже в дни, когда алия приобрела массовый характер. Довод был простым, но очень убедительным. Настолько убедительным, что спор с ним был излишней тратой времени.

– Что мне там делать с моей гуманитарной профессией? – вопрошал Эли. – Кому там историк нужен? Да нафиг он там никому не сдался. Я понимаю, если это была бы хотя бы история древнего мира. Есть хоть о чем -то поговорить: Александр Македонский, Цезарь, Спартак. А кому, скажите, в Израиле нужна история коммунистической партии Советского Союза? Ну, кому она там нужна, – вопрошал всякий раз Эли Соломонов. Он – доктор наук и ученый, живущий на зарплате, на которую можно разве что один раз плотно пообедать в ресторане «Кавказ» и то по хорошему знакомству. А тут семья, трое детей и жена – домохозяйка нееврейского происхождения.

- И кем я там буду? спрашивал Соломонов, — на настоятельные звонки родственников с просьбой приехать на родину.

- Вам мало того, что вы улицы подметаете? Хотите и меня зачислить в команду мусорщиков?

Но звонки на квартире ученого — историка раздавались все настойчивее. И в один из памятных дней, Соломонов отважился, наконец, на переезд. С его стороны, да и со всех сторон, его поступок был героическим.. Он был членом партии. Предстояла неприятная процедура линча — исключения из рядов КПСС.

- — Вы Соломонов — враг СССР. Вы предаете родину, которая дала вам все, — гневно сказал секретарь пврткома. Вслед за ним выступили другие патриоты — коллеги по работе и соратники по шашлычной. Лицо у Соломонова сделалось чуть-ли не таким же красным, как тот самый пурпурный партбилет, который он аккуратно положил на стол комиссии.

- В Израиле Эли Соломонов, как почти и все репатрианты, поменял свою фамилию и стал Эли бен Саулом. Он оказался настоящим пророком: был диплом, но не было престижной работы. От безысходности доктор наук пошел в артель мусорщиков. Эли Соломонов, он же Эли бен Саул, любил не только историю. Он любил

кроме всего прочего, и природу тоже. И в один из своих отгулов, он решил капитально отдохнуть: вдоволь прогуляться по Тель-Авивским паркам, музеям и прочим интересным и познавательным местам. На всякий случай, прихватил с собой, привезенные еще оттуда фотоаппарат «Зенит» и большой военный бинокль. Парк, куда он пришел отдыхать, был похож на большой и ухоженный лес. И доктор истории, а ныне дипломированный уборщик Эли бен Саул, совмещал приятное с полезным. Он гулял, снимал на фото, а между делом, брал бинокль и всматривался в далекие пейзажи. Уже вечерело, когда любопытный историк решил вернуться домой – на съемную квартиру. Неожиданно к нему подошла элегантная дама средних лет, славянской наружности, которая до этого мирно восседала на одной из лавочек.

– Извините,– вы говорите по русски? – с явным бакинским акцентом сказала она. Бен Саул кивнул головой. Я бы хотела поговорить с вами. Если я не ошибаюсь, вы – частный детектив. Не перебивайте, пожалуйста. Я даже в разные агентства хотела обратиться. А сейчас, увидя вас,– думаю, что это пустая трата времени. Вы для меня как раз то, что нужно. Счастливый случай...

- Эли бен Саул пытался убедить ее, что это ошибка, и, что он, вовсе не тот человек, за которого она его принимает. Но очень быстро сообразил, что убедить даму в обратном ему не удастся. И, что самое лучшее в этой ситуации, войти в роль, тем более, по всему было видно, что женщина из состоятельного сословия.

— Лишняя копейка не помешает,— подумал бывший член КПСС из бригады нынешних мусорщиков.

— Чем могу быть полезен?— напрямую решил взять быка за рога Соломонов, он же бен Саул.

— Видите ли, мой муж загулял. А, когда он видит новую женщину, то у него отказывают тормоза: может спустить все до единой копейки. Он наркоман в этом деле. Место его встреч с этими дамами именно здесь, в этом парке. Вы должны снимать его на фото с каждой новой кралей. Я щедро заплачу. Вы будете довольны. А для начала — вот его фото крупным планом. А это аванс.

Женщина протянула пачку денег. Зрительно, бывший историк и член КПСС прикинул, что таких денег он не сумеет получить в течение целого года.

— А это — мои координаты — адрес и телефон. Будем на связи. Звоните в любое время.

– Вы видите меня в первый раз и доверяете такие деньги? – тихо произнес доктор наук.

– Видите ли, я очень хорошо разбираюсь в людях, – как хороший врач в болезнях, крепко пожимая руку неизвестному детективу сказала таинственная дама.

Новый «оле» и ученый – историк, незаконно отлученный из рядов КПСС, шел, испытывая разноречивые чувства – и радости, и огорчения одновременно. Радости – от полученной крупной суммы, огорчения от того, что новое дело требует много личного времени и надо будет оставить с таким трудом найденную работу, чтоб заняться детективным романом. Эли бен Саул был уже в пяти метрах от своего дома, когда к нему подошел элегантно одетый мужчина и тоже на чисто русском языке, и тоже с кавказским акцентом вежливо сказал: « Я бы хотел с вами поговорить. Я знаю, вы – частный детектив. А я муж той дамы, которая дала вам деньги. Я видел все. Вы же кавказский человек. Остаемся мужчинами: я дам вдвое больше. Только работайте красиво, как говорится, чтоб и волки были сыты, и овцы целы. А так, подумайте сами, какой кавказец не любит красивых женщин? Да поможет вам бог в вашей благородной работе. А это аванс. И кавказец протянул пачку новеньких ассигнаций.

- Что за такой денежный день?— завьюжила мысль в голове у Эли бен Саула. Эх, только время зря потратил, сидя там на чемоданах. Надо было послушаться умных людей и вовремя приехать к себе домой. Какие щедрые, все-таки, люди, эти евреи!

ПРОДАВЕЦ ВОЗДУХА

=====

Папик – сын Эзры и внук Бебейхунэ – самолета, прозванного так некогда друзьями в шутку за размашистый полет рук при ходьбе, сам уже немолодой человек, сидел у ветхих и давно не крашенных ворот своего дома, покуривая одну за другой любимые сигареты «Памир» Он вставал и ложился с одной и той же мыслью, словно с любимой женщиной, у которой знает наизусть каждую родинку на теле. Эта мысль не давала ему покоя ни поздно ночью, ни утром рано. И никуда от нее бедный Папик не мог убежать, как скажем, злостный алиментщик от судебного предписания. Эта мысль сидела внутри него, в самом центре головы, словно ее приклеили к этому месту сапожным клеем, или еще хуже намертво приварили неоновой сваркой. А речь шла о продаже дома, такого же старенького и покосившегося, как два оставшихся во рту самого деда – самолета зуба. Папик каждый день вывешивал новые объявления, но, увы, покупателей, как не было, так и не было. А в душу к нему уже закралась тревога. Уже почти все дальние и близкие родственники уехали на землю обетованную, а вот он, как печальный и гордый Прометей, прикован тяжелыми цепя-

ми. Что и говорить, и он бы мог давно уже покинуть и эту улицу, и этот дом. Но, давайте будем честны, хотя бы перед самим собой: «Какой человек, а тем более, еврей, может вот так, ни за что и ни про что, взять и выбросить свое добро? Если был бы такой, – рассуждал последний из мокиган, то есть Папик сын Эзры и внук деда – самолета, то его бы давно в Книгу Рекордов Гиннеса записали. А вот нет такого. Так почему я должен быть фраером?

Голь на выдумку хитра,
Мне же в путь давно пора...

Папик вновь и вновь повторял эти строки, вдруг нежданно-негаданно пришедшие ему в голову, словно боясь забыть их. Он никогда не был поэтом А поэтому очень удивился этому поэтическому порыву.

Голь на выдумку хитра...Как здорово,– сказал Папик. Как здорово. Как понятливый человек, он знал, что аппетит приходит во время еды, а гениальные идеи...во время раздумья. Да, именно, во время раздумья. Теперь он точно знает, что надо делать. Надо сделать громкую рекламу, вот как политики перед выборами в Эрец Исраэль, куда он и рвется. Главное, говорить. Вот обещает же господин Перец, теперь

главнокомандующий армией Обороны Израиля, по тысяче каждому пешеходу. А еще и разрешение переходить на красный свет. Ха– ха. Это же так, для красоты слова Пряник. Главное, чтоб твое дело выгорело. И получилось! Получил же он двадцать манда... Мандаринов могут сказать злые языки. Но нет: двадцать мандатов. Да бог с ним. Перец свое дело сделал. А вот теперь мне тоже надо что-то провернуть,– радостно воскликнул Папик.

На следующий день он приступил к глобальному наступлению по всем фронтам. Как тут не вспомнить легендарного генерала Скобелева, у которого тоже была такая тактика. Но это уже история прошлого. И касалась, действительно, войны. А у Папика война была другого рода. Он нашел нескольких своих знакомых, у которых был... поносный язык и которые и трех минут не могли ничего держать за зубами: слово у тебя еще в горле, а молва уже летит за три моря. Эти экземпляры могли состряпать любую молву и разносили ее быстрее, чем грызуны заразные болезни. Это были свои же люди. Папик не особо чтит их, но зная их натуру, держался с ними на нейтральной волне: «здравствуй – до свидания» А сейчас они могут ему здорово пригодиться, запустив в ход свои длинные языки. Папик знал, где их найти. Это

было простым делом: они постоянно пропадали на большом рынке.

– О, ты еще здесь,– рад, рад,– сказал Илазар, один из тех, кого искал Папик.

– Здесь... здесь.... Где же я еще могу быть? – Папик решил сразу взять болтуна за живое. – Куда я могу уехать, бросив клад, который столько времени охранял мой дед, а потом и мой отец?

- Илазар расхохотался. Это твоя развалюха клад?

- Твоя правда, Илазар. Но не эта развалюха держит меня...

- А, что же? – полюбопытствовал «поносный язык».

- Держит, что под ним и вокруг,– загадочно сказал Папик, озираясь вокруг и приглашая Илазара отойти в сторону.

- Я хочу открыть тебе свой секрет. Ты первый, кто это слышит,– голосом заговорщика сказал Папик. Я бы давно уехал. Где-то во

дворе еще мой прадед во времена Нэпа спрятал клад золотых монет. Сегодня это стоит миллионы. Вот и сижу на чемоданах. Ждать больше не могу и не хочу. Продам, но с условием, что при находке клада двадцать пять процентов мои. Найдешь такого покупателя, приходи. Не обижу. Магарыч за мной.

- Уже на третий день после этой встречи, у ворот дома – развалюхи происходило нечто похожее на столпотворение. Со стороны это напоминало картину Брюллова «Последний день Помпеи». Но все кончилось благополучно. Папик, который не был дураком, иначе давно бы значился в Книге Рекордов Гиннеса, предложил осаждающим ворота его дома, мирное решение: начать аукцион. Кто даст больше, тот и получит желаемую недвижимость.

- Миллион долларов ...Раз. Миллион долларов...Два,— фиксировал ведущий аукциона. — Три миллиона,— как гром в страшный осенний ливень, раздался голос кого – то из новых русских, а возможно, и новых евреев. А еще через три дня Папик с чемоданами, как у пьяного Лернера в Парагвае, набитыми долларами, приземлился в качестве нового оле в аэропорту имени Бен Гуриона. Эпопея с продажей дома – развалюхи завершилась. Ложь во спасение, как и доллары, помогают, все – таки, победить не

только политикам, но и всем людям, независимо от цвета кожи и расовой принадлежности и даже вероисповедания.

- Надо только гарантировать чаевые.

ЭПИДЕМИЯ

=====

Когда в Израиле примут конституцию, сказать трудно. Можно только предсказать. Но это уже удел «звездных» людей – пророков-предсказателей. Только в одном деле на Земле Обетованной и без них можно обойтись вполне. И не надо ничего предсказывать. Это время уже пришло. Речь о чудесном времени превращения. И ни в кого – нибудь, а именно в докторов. Теперь все – и пекари, и парикмахеры, и продавцы маленьких ларьков и гигантских супермаркетов, метапелеты и метаплоты, маляры и плотники, кулинары и музыканты, великаны и лилипуты, толстые и тонкие – все стали ...докторами.

А медицинский культбез начался с болезни главного больного и главного человека страны

—

премьера Арика Шарона. И вот началось. Не зря говорят, что у каждого Абрама – своя программа. Все предлагают и все говорят. Учат. Указывают на ошибки. Все, значит все. И среди них, вышедший в рост, как сорная трава, Мики бен Мики Менаше – продавец зелени на закрытом рынке Тель-Авива.

- А еще профессора называются, – возмущается он в толпе таких же новоявленных медиков, как сам, собравшихся на большом пятачке на Дизенгофф-Центре. – У Арика был маленький инсульт. Надо было салат из кинзы и хрена давать и сок морковный на вечер. Напряжение снимает. А дали что? Таблетки для разгона крови. Вот и разогнали. Вот и устремилась кровь, как домушники в чужую квартиру.

В горячий разговор на медицинские темы вошел другой «доктор» – сборщик утиля из больших мусорных баков, которого звали Беседер Ахарон.

– Пиявочки надо было сразу поставить. Вот они бы и высасывали бы грязную кровь. А еще хвойную ванну надо было срочно организовать. Тоже мне дипломированные неучи. И, кто им дипломы выдавал этим дремучим невеждам?

- Но один из главных «докторов», собравшихся на обсуждение главной темы уличной

дискуссии, Самуэль Шим – Тов, не захотел быть в роли врача. Он больше говорил, как адвокат, но с претензией на звание доктора околоюридических наук, и никак не меньше.

– Человек не может не болеть, – начал этот претендент свое вступительное слово. – Да, что там человек... У меня родственник большой знаток в области виноделия. Так он докторскую защищал на предмет болезни вин. Организм на спирту и то болеет. А тут живой человек на нервах. Как не сорваться? Как не болеть? А мы стеснительные такие: испугались известить о болезни Арика. Что в этом было бы преступного, если бы мы сообщили? Ну, заболел человек ...С кем не бывает? А мы боялись, чтоб никто не услышал. На рты замки повесили. А, может быть, надо было бить во все колокола? В большие и в маленькие. Может, надо было консилиум знатных докторов собрать? И не только израильских, а со всего света?

– Э, нет, ребята. Вся проблема в нервах, – вмешался в разговор на острую тему Менаше – охранник из бюро безналичных услуг. – Вот доконали нашего Арика бунтовщики лакированные. Извините, ликудовские хотел сказать. Это им не так. И то им не так. Видите ли, им размежевание не пришлось по нраву. А чего же они хотели? Может быть, размножжения? Ну,

давайте, будем воевать дальше. Сто лет воюем. Мало? Что ж, продолжим еще сто... Время есть. Ведь мы такие молодые: всего пятьдесят восемь. Вот это все и разозлило нашего премьера. Нервы сдали.

Желающих выступить на несанкционированном политико – медицинском диспуте было великое множество. Кто смел – тот и съел, – поговаривали на старой родине. А здесь берут

горлом, у кого более зычный голос, нечто, вроде, левитановского баса, тот и входил в эфир.

– Нам нужна голая правда, – произнес чей-то трубный голос. Все подняли головы. Это говорил стриптизер из ночного клуба Бехор бен Шломо Юсефча: «К сожалению, я здесь слышу голоса тех, кто защищает врачей – недоучек. Они говорят, что врач

всегда прав. Сказал хирург: «Ложись!» – значит ложись, значит, надо выполнять команду: лечь на операционный стол. А там, что получится. Выдюжишь, значит в рубашке родился, повезло. А я считаю, что это плохо. Надо сначала самого хирурга положить на операционный стол, чтоб еще раз убедиться – кашерный он, или нет. Если нет, то надо позвать раввина и сделать ему «брит», как и положено каждому еврею. Некашерному доктору запретить практиковать любое лечение. Вот так. А то развелось этих докторов. И птичий грипп их не берет. А вы говорите эпидемия!

ЗАВЕЩАНИЕ ХАНУХА ИЗ МАМРАЧА

Ханух из маленького Мамрача в списках «оле» значился не первый год. В последние двадцать лет перед приездом в Израиль, он безбедно жил в Дербенте, и, впрямь, экзотическом восточном городе на берегу седого Каспия. Работу Ханух выбрал хлебную. Но это не означало, что он выпекал хлеб, как и его шурин Мукдаши, который в этом деле понимал ровно столько, сколько сапожник Асаф в сонатах Бетховена. Работу Ханух выбрал что надо: его чайхана всегда была полна народу. И людей сюда манил не только красочный транспарант: «Чай не пьешь – откуда сила!», а больше шашлыки на любой вкус мастерски зажариваемый гостеприимным Ханухом по кличке «Тарзан». Сюда можно было придти в любое время суток: с пяти утра и до глубокой ночи на километр слева и на три справа от чайханы ароматный запах жареного мяса приятно щекотал ноздри начинающих и законченных гурманов. Посетителей у Хануха было великое множество и они щедро бросали ему «чаевые» за отличную услугу.

Но дня без ночи не бывает. Свет сменяется темнотой, темнота светом. Такой породил эту суетную жизнь Создатель. И жизнь Хануха тоже не выходила из рамок этих предписаний. И у

него тоже были и враги, и недругов тоже хватало.

— У меня друзья платные, а враги бесплатные, — каждый раз шутя говорил Ханух, в очередной раз провозглашая дружеский тост в кампании постоянных посетителей. — Зависть — плохая вещь, — говорил он. — Завистливый человек — гнилое болото. Внутри все черное. Я люблю друзей. Чтобы они всегда были здоровы. А врагам я здоровья не желаю. Но и смерти тоже. Сами умрут, как черви на морозе. Так говорил Ханух — мастер приготовления изумительного шашлыка и обладатель хлебной работы.

Но, как говорят раввины, вечен только Ашем. А все остальное, преходяще и суета сует. Сегодня я есть, а завтра... Все движется, все меняется и все уходит: годы и молодость, деньги и здоровье.

И вот долгие годы живет Ханух на этой библейской земле, куда приехал не ради наживы и сладкой жизни, а с одной только иллюзорной мечтой: избавиться от недругов, снять этот тяжелый камень с плеч. Мечты... Мечты... Задуманное не сбылось: сюда приехали и все те, кого бы он не хотел бы видеть вовеки веков, а еще и тысяча лет даже после этого.

— Прицепились, как пиявки, сволочи, — с досадой и обидой говорил Ханух. От того, что ал-

чу привезут в Багдад, она слаще не станет. Точно также, и гюрза не может не укусить.

В один из дней, Ханух тяжело заболел. И, когда он почувствовал, что медицина уже не в силах его спасти, он подозвал к себе жену – верную подругу жизни, которую звали Марал. Он попросил ее присесть рядом.

– Завешание через адвоката я тебе уже написал, – с неожиданной откровенностью сказал он. Здесь все в порядке. Можешь не волноваться. Но у меня к тебе есть другое, очень важное дело. Ты ведь знаешь: желание умирающего свято. И Ханух протянул жене белый лист бумаги. – Что это? – спросила взволнованная супруга.

– Это список людей, которых ты не должна пускать на мои похороны.

– Но это не совсем по-божески, – пыталась возразить преданная подруга жизни.

– Читай! – почти приказал умирающий муж. И покорная жена начала читать:

– Юно, Барзилай, Шимшон, Элиягу... А в чем они провинились, Ханух? – на минуту оторвавшись от чтения, спросила покорная жена

Ханух облокотился на локоть. В его глазах сверкнули последние отблески молнии: «Тридцать лет они пили мою кровь. Писали доносы,

пытались вымогать деньги, подсылали тайных осведомителей. Это разве по-божески?»

- А ведь все они твои близкие и далекие родственники. Зачем же тогда ты им помогал всю жизнь?

- В этом – то и беда, моя родная женушка, – с грустью сказал бывший чайханщик и спец по изумительным шашлыкам из древнего города на берегу Каспия. – Они меня не оставляли в покое и здесь, – старался договорить свою мысль умирающий Ханух. В Мас Ахнаса специального почтальона ввели: по 100 писем в день катали сволочи.

– Да прости ты их, грешных, – взмолилась жена.

– Но Ханух был непреклонен: «Смотри, не обмани меня... Желание умирающего свято»

ПРОКЛЯТИЯ

Кто может сказать, что жизнь в тюрьме — сущий рай? Никто. Точно также, никто не скажет, о жизни в «колхозном» дворе. Нет, вы, я чувствую, меня не совсем поняли. Колхозный двор вовсе не означает, что он, действительно, принадлежит какому то колхозу. На самом деле, это надо понимать по-другому, а именно, как двор, в котором имеют несчастье жить бок о бок множество семей, а значит, и множество разноликих людей. Худшего наказания и худшего проклятия не придумать и вовеки веков. В таком колхозном дворе и довелось жить двум горячим и нервным особам с благозвучными именами Бася и Сенем. А трагедия заключалась в одной простой вещице: по странному стечению обстоятельств, все женщины этого двора, или почти все, были домохозяйками. Таковыми были и обе дамы, о которых только что говорилось. И то ли от избытка лишнего времени, то ли по чистой необходимости, они ежедневно занимались стиркой. Это сегодня не представляет особого труда. А в те не очень далекие по нынешним меркам времена, стирка считалась занятием не очень приятным, чуть ли не каторжным. Положение усугубляло одно душераздирающее обстоятельство: домохозяек во дворе

было десять, а бельевых веревок, протянутых для сушки, только две. Война за «место под солнцем» начиналась прямо с раннего утра. Сегодняшний день исключением не стал.

– Да чтоб твое белье не высохло вовеки веков, – орала Бася.

– Чтоб у тебя высох язык, стерва, – кричала в ответ Сенем.

– И это белье называется? Да задница у воробья чище, чем твои полотенца, – заголосила опять Бася.

– Мое белье чище, чем твой поганый рот – подпрыгнув от нахлынувшей злости, заорала вдогонку горластая Сенем.

– Чтоб твое белье вороны обкакали, – раскалилась в очередной раз неугомонная Бася.

– Чтоб небо тридцать три дня посылало гнев на твою вшивую голову, – съязвила оскорбленная Сенем.

– Это у меня голова вшивая, змея ползучая – снова пошла в атаку Бася. – Да, чтоб у тебя за эту клевету язык прилип к твоей коровьей заднице.

– У меня, хоть коровья, но задница есть. А у тебя – ни сиси, ни писи. Одно чучело огородное, – злорадствовала Сенем. Не понимаю, как это твой муж ложится в постель с такой тощей селедкой?

— Что тебе уже мой муж приглянулся,?— расвирепела пуще прежнего Бася.. Да у него даже и не пошевелится на такое тухлое мясо, как ты...

— Закрой свою хлебoreзку,— выпалила женщина, которую только что обозвали огородным чучелом. И без этого здесь хватает вони. Задохнуться можно.

— Я зубы дважды в день чищу,— возразила Бася. Вонь от твоего пакостного языка. Наверно, много говна в детстве кушала?

— Что ты вывесила напоказ эти половые тряпки, — надрываясь от злости, как кипятик в казане, на котором собираются варить плов,— сморозила Сенем. — Эти тряпки годятся только для уборки туалета.

— Чтоб от этого обмана твой язык во рту высох, как астраханская вобла на сквозняке. И, чтобы волосы твои посыпались, как песок на морском берегу. Чтоб ты кечелем стала,— и, чтоб на твою лысую голову мухи срали!

Бася хотела еще что — то прокричать, но, видимо, запас проклятий был уже исчерпан. Несмотря на раннее утро, на бесплатный концерт собрались почти все жители двора.

— Ей богу, этих куриц надо вне конкурса зачислить в межколхозный кавказский театр,— сказал один из наблюдавших, сцену ругательств-

ва воинственно настроенных соседок. – Очень эмоционально играют, – заметил он. Очень темпераментно.

Неизвестно чем бы закончилась эта война двух соперниц за место для белья, если бы небо вдруг не обволокло свинцовыми тучами и не грянул проливной дождь. Зрители бесплатного спектакля разбежались по домам, а спорщицы продолжали выливать друг на друга еще большую грязь. И даже далеко за воротами колхозного двора, были слышны не очень приятные для слуха слова, которых сколько не ищи, не найти ни в одном толковом словаре, включая и словарь Шапиро:

– Это ты накаркала, ворона безрогая... Чтоб тебя этот дождь унес в канализационный люк...

ХОТЕЛ УВИДЕТЬ КОММУНИЗМ

Исаак с незапамятных времен жил в одном из уютных уголков Северного Кавказа. Этот уголок значился на географической карте, как город Нальчик. Исаак очень любил этот вечно зеленый оазис, с высоченными, остроголовыми елями, словно ракеты устремленные в лазурное и бездонное небо. И он всегда тянулся к своим. Поэтому и жил в благодатном местечке этого оазиса, которое все знали, как еврейскую колонку. Исаак был евреем от макушки головы и до самых пят. Но, к удивлению всех, профессию выбрал совсем не еврейскую: он был каменщиком. Но каменщиком классным. В этой области ему не было равных. Он был, как теперь принято говорить, некоронованным королем по части кладки. Но природа щедро одарила его и другим достоинством: Исаак был непревзойденным шутником и мастером по части розыгрышей. Не так давно он вышел на пенсию. Времени было много. И, чтобы как-то скоротать это самое время, он частенько прогуливался в центре города, бывал и там, где стоит памятник одной из жен Ивана Грозного – Марии. Как человек веселого нрава, Исаак любил пикники и пиво. В этом и заключался секрет его

длительных прогулок. Здесь было много пивных ларьков. А еще больше любителей разливного пива, которые, как и он, с наслаждением выпивали по три–четыре бокала жигулевского. О нет, Исаак любил не только прогулки, и не только жигулевское. Он был еще и мечтателем. Правда, не таким известным и не кремлевского масштаба, как Владимир Ульянов, но мечтателем, хотя и помельче. И порой тоже любил витать в облаках. А мечтал он только об одном: хотя бы денек пожить при коммунизме. Ведь обещал же Никита Сергеевич, что советские люди, ну и, разумеется, вместе с остальными и Исаак, вот–вот и доберутся до финишной прямой – коммунизма. Одно время поговаривали даже, что именно каменщики–строители, как передовая часть пролетариата, и должны приблизить этот заветный час, так похожий на звездный. И, чтобы приблизить этот праздник и весну человечества, Исаак, в свое время, тоже трудился не покладая своих натруженных рук. Но весна что-то запаздывала.

А время шло. И хотя Исаак не был глубоким старцем, но, все равно, боялся, что не сможет увидеть эту весну и этот коммунизм еще при жизни. В ту ночь он не сомкнул глаз. Наутро во чтобы то ни стало, решил увидеть этот таинственный коммунизм. Исаак шел радостно–воз-

бужденный, словно ему всенародно вручали золотую Звезду Героя. Он был постояльцем у пивной хозяйки Матрены Павловны. Но даже она была удивлена его столь ранним посещением.

- Что случилось, Исаак? Ты такой радостный?!

- Жена зачала, – отшутился классный каменщик и мечтатель.

- Тогда с тебя причитается, – хитро подмигнув сказала пивная командирша. – Вот-вот, я за этим и явился, – четко выговорил Исаак. Так сколько стоит целая бочка?

- Ты, что? Я просто пошутила, Исаак, – засмушалась Матрена Павловна. Ты, что перестал понимать шутки?

- А я вполне серьезно говорю, – продолжил он важную для него тему. Хочу один эксперимент провести...И он стал объяснять пивной хозяйке суть своей задумки. Поначалу женщина стала отнекиваться, но Исаак накинул за услугу. – Ну, ладно...Когда? – Прямо сейчас, – сказал нетерпеливый фантазер. И сразу же передал уважаемой Павловне деньги и объявление, которое она должна была вывесить тут же на двери ларька. Оно было следующего содержания:

- ДОРОГИЕ ТОВАРИЩИ! В ЧЕСТЬ СИМВОЛИЧЕСКОГО ДНЯ КОММУНИЗМА, С 10 И ДО 11 ЧАСОВ УТРА, ПИВО ПРОДАЕТСЯ БЕСПЛАТНО.

Исаак взял пару кружечек, и уютно расположившись за одним из столиков, стал ожидать дальнейших событий. Его расчет был точен: именно в десять начинается пивной ажиотаж. Объявление было написано так крупно, что даже и слепой мог прочесть его без особого труда. — Ребята, налетай — заорал одноногий Василий, потерявший ногу в окопах Сталинграда, очень похожий на пирата из фильма «Остров сокровищ» Пиво бесплатно дают,— продолжал орать он,— размахивая массивным костылем времен сорок первого года. На этот призывный зов сбегались все: даже не любители, а простые обыватели и пешеходы. Началось вавилонское столпотворение, почище сталинградской эпопеи. Каждый пытался взять как можно больше халявы: по два, а то и три бокала пива. А один умудрился увеличить это количество даже до четырех — по два бокала в каждую руку. — Ты, что, гад, делаешь? — рявкнул на кого-то Василий — пират. Одному все, другому ничего что ли?

- Пшол вон, псина,— заорал на защитника Сталинграда оскорбленный жмот. — Ах, ты еще

и матюкаешься, сволочь,— сильнее грома про-
ронил защитник Отечества. На получай! И
хряпнул обидчика тяжелым костылем по его
несмышленному качану. Хряпнул так сильно,
что костыль разломался надвое. Принявший на
себя столь тяжеловесный удар, распластался на
всю свою длину. А рядом уже шли другие бои:
чисто кулачные и не совсем, но все под звон
пивных бокалов. — И это коммунизм! И это
коммунизм! — неистово кричал Исаак, искренне
возмущенный поведением любителей пива, ом-
рачившие столь символический день комму-
низма.

- Побойще было в самом разгаре, когда к
месту происшествия подъехало сразу несколько
милицейских машин.

- Кто автор этого манифеста,— строго спро-
сил оперативный дежурный у перепуганной на-
смерть Матрены Павловны, показывая на объ-
явление на дверях — Вы ее не трогайте, товарищ
майор,— сказал вставший из-за стола Исаак. Это
моя вина: хотел увидеть коммунизм. Теперь я
знаю, что это такое.

РОДНОЙ МУЖ РОДНОЙ ЖЕНЫ

Симхо бен Ирмия всегда считался благополучным семьянином: он был отцом большого семейства и уже давно обзавелся внуками и слыл большим любителем всевозможных застолий. Несмотря на свои шестьдесят, выглядел молодцом без единого намека на старость. Об этом не могло быть и речи. Он жил на одиннадцатом этаже нового высотного дома, и время от времени демонстрировал своим закадычным друзьям умопомрачительную спортивную удаль, легко спускаясь по лестничной клетке вниз...на руках до самой улицы.

—А ну, Симхо, покажи ты этим молодым ахломонам, что такое настоящий мужчина... — Так говорили всякий раз и при каждом удобном случае его друзья, стараясь «поджечь» коренастого и ладно скроенного почтенного джигита, как две капли воды похожего на того самого Тараса Бульбу из Запорожской Сечи. Но Симхо бен Ирмия был охоч не только до горячих застолий, одновременно его очень влекло и к слабому полу, то есть — к женскому. Ничего не поделаешь: мужчина в собственном соку. Лювеобильный Симхо не забывал и о своей родной половине, уделяя ей, если не чрезмерное внимание, то хотя бы на уровне того, чтобы нена-

роком не забыть облик и «спесфический», – как говорил Райкин, – запах родного женского существа. Но такое внимание этого ненасытного самца, не признающего старость, тяготило и пугало бедную Сарах, которая под любым предложением, старалась избежать близости. Вот и на этот раз он пришел «на бровях» И на этот раз он начал с окрика:

– Эй, Сарах, где ты там, курица яйценосная? Иди, согреемся...

– Симхо до выпивки бывал нормальным человеком. Но стоило принять вовнутрь всего одну рюмочку, как моментально преображался и становился неузнаваемым.

– Хорошо, что дома нет детей, – сказала рассерженная Сарах в ответ совсем оборзевшему муженьку. Совсем развинтился, кобель старый. Этой ночью старый кобель вернулся с какого-то очередного сабантуя под хорошим градусом и пьянее бутылки водки. Это у него называлось: быть «под шофэ». Сарах только что легла. Ей нездоровалось целый день.

– Эй, ты, Клеопатра, подвинься, – не то шутя, не то всерьез сказал прилично захмелевший муж. – Ты что, не слышишь? Аль не признаешь своего родного супруга? Ты думаешь, что я старый, да? Хочешь я тебе сейчас такое «па... покажу на руках... Лезгинку сбацаю. Увидя

этот пируэт, сам бы Танхо – великий танцор современности, – меня бы без конкурса принял в свой ансамбль. Ты слышишь, Клевопатра? Я не пьян. У меня, знаешь, эйфория: я желаю тебя. Вот и все.

Я больна. У меня высокое давление, – с трудом выдавила из себя Сарах. Ты хочешь, чтобы я вызвала милицию? Она, конечно, пугала перебравшего супруга. Но ее рука машинально нажала на кнопку вызова в случае «ЧП». Через пять минут наряд милиции появился на квартире у супругов.

– Что здесь происходит? – спросил старший по званию.

– А ничего, – весело промычал Симхо. Я желаю свою жену... А, что это запрещено? А вы, товарищ инспектор, разве не желаете свою?..

На это нужно обоюдное согласие, – как-то очень казенно ответил милицейский чин.

– На что согласие? На что разрешение? Я должен просить разрешения у своей жены? Смешно!

– В обязательном порядке, – ответил блюститель порядка.

– А, что без разрешения нельзя? – уже почти протрезвев спросил Симхо.

— А без разрешения, товарищ муж, это называется изнасилованием, — пояснил экипированный страж. А сейчас собирайтесь. Вы арестованы...

— Я же тебе говорила, что я больна — вмешалась в разговор перепуганная Сарах. — А ты танцы на руках придумал.. Бедного Танхо потревожил...А теперь вот ерунда получилась.

Но советский суд оказался самым гуманным в мире. Симхо отделался легким испугом, а точнее, был приговорен всего на пятнадцать дней исправительных работ. Другими словами, стал «декабристом».

ЖЕНСКИЕ ХИТРОСТИ

О женских хитростях написаны сотни легких и серьезных романов и даже объемные научные трактаты. Но Симона их не читала, И не потому что не было времени: это занятие ей было не по душе.

– Чего это ради, шелестеть страницами холодной бумаги? Она горячая и темпераментная женщина и ей по душе живое и трепетное дыхание, как говорят спасатели – изо рта в рот. Ее законного супруга звали Абихуэй. Симона понимала, что имя очень сложное и для восприятия на слух, да и для произношения то же. Некоторые шутники для своего удовольствия опускали букву «э» И тогда это имя приобретало некий вульгарный оттенок. Но Симона была сильной женщиной: испорченное имя, всегда воспринимала, как некую шутку. А если всерьез, то она помнила, что еще во времена незабвенного Мао, там был один министр обороны Китая, которого звали Пиндер Хуэй, которому острословы тоже портили настроение, не выговаривая эту же самую букву «э»

– О муже Симона думала мало, а в его обществе бывала еще меньше. Своим женским чутьем она догадывалась, что у него есть кто-то на стороне. Но это ее не смущало, а, наоборот, ра-

довало. Радовало, потому что у нее было много свободного времени, которое она разделяла с давними подружками, позволяя себе временами посещать и запретные для замужней дамы места, к которому относился и ресторан «Фантомас», расположенный на одном из потаенных мест большого Гуш Дана. Он был интересен тем, что здесь не только пили и ели, но еще можно было посмотреть живой мини-спектакль. На этот раз Симона пришла сюда одна: ей захотелось провести время в полном одиночестве. Сев за один из свободных столиков, она заказала хороший коньяк и легкий ужин. Артисты играли жизнь Сальвадора Дали. Симоне сразу же понравился актер, который играл роль художника-ловеласа. С первого выхода. Вообще, у нее был особый вкус на мужчин. Ей нравились в них крупные черты и незаурядная внешность. Она тайно влюблялась в них. Сальвадор Дали, Оноре де Бальзак, Виль Токарев, Александр Бовин – все они были ее кумирами. По окончании мини-спектакля, Симона рысцой подбежала к «Сальвадору», чтобы выразить свое восхищение.

– Вы так играли... так играли.... Я – похитительница очаровательных мужчин, – нараспев сказала Симона Сегодня вы – мой пленник. Я похищаю вас, даже не спрашивая вашего согла-

сия. Ваше настоящее имя сеньор? –Абихуэй... Простите, пожалуйста, Абихуэй, – сказал несколько смутившись ненастоящий Сальвадор.

– Странно,– тихо сказала похитительница очаровательных мужчин. Бывают же такие совпадения. У моего мужа,– сказала Симона,– точно такое же имя. – Вы похищаете меня при живом муже? – с некоторым лукавством спросил артист. А он не вызовет меня потом на дуэль? – Не вызовет... он в отъезде, – успокоила ненастоящего Дали похитительница мужчин.

Абихуэй был вдребезги пьян, но оставался при своем уме, а посему, деликатно обронил одну незначительную фразу: – И я живу в этом же доме. И у меня тоже такая же спальня и даже мебель. Надо же! Едва парочка вошла в спальню, как коньячный дух, все – таки, овладел мнимым Сальвадором, и он окончательно вошел в роль.

– Раздевайтесь, мадам!

– Как? Совсем? – наивно спросила Симона.

– Да, конечно, совсем, – качаясь, как маятник старинных часов, сказал Сальвадор – Абихуэй.

– Раздеваться, так раздеваться... Это приятно слышать,– заметила Симона. Вы мне напоминаете моего семейного гинеколога, который на приеме каждый раз говорит одно и тоже: «Раз-

девайтесь, мадам!» Иногда я возражаю, говорю, что не удобно. А он в ответ: «Мадам, вы пришли к сапожнику по ремонту обуви, или к врачу для осмотра личного прибора?»

Господин, Сальвадор, приказываю вам тоже раздеться, – командирским тоном отчеканила похитительница очаровательных мужчин. Вас что-то смущает?

– Только одно, – ответил Сальвадор Абихуэй, который стоял голый, в чем мать родила, словно Адам Первый у ложа Евы. Все хорошо, но надо снять парик. А то как-то неудобно себя чувствую. Симона тоже была навеселе, как, впрочем, и ее спутник, который сейчас бы ни за что не отличил бы Амана от Мордехая. Когда, наконец, он снял свой театральный реквизит, Симону чуть было не хватил удар: она узнала в мнимом Сальвадоре своего постылого мужа с трудно произносимым именем, которого звали Абихуэй.

ПРОПАВШИЕ ЧЕЛЮСТИ

Едва Эмиль бен Аврех бен Рафаэль проснулся, как его охватило какое-то тяжелое чувство неуютности и потери чего-то важного. Он лежал с открытыми глазами, уставившись в потолок, и никак не мог сообразить, чего же именно от потерял. На душе было скверно, как в подводной лодке, у которой вырубилась двигатели, и не было ни тепла и ни света, А еще больше мучило чувство неопределенности.

Но память все же к нему вернулась, и он, Эмиль бен Аврех бен Рафаэль, вспомнил, наконец-то, что ему надо искать и что именно безнадежно потеряно.

— Где мои протезы, — взволнованно заголосолил он. Вчера вечером они еще были на мне. А вот куда я их потом дел, ума не приложу и никак не вспомню. Как же я сегодня обойдусь без них, — спрашивал он не то себя, не то кого-то из домашних. Сегодня я должен выступать на встрече ветеранов войны. Сегодня особый день. День Победы. Сабантуй ожидается... шашлычок.... А, как же я без зубов говорить буду, а, тем более, закусывать? А ну-ка, давай Эмиль, спросим у своей подруги жизни.

— Чего это ты у меня спросить хочешь, старый тарантас? — с какой-то иронией спросила

спутница жизни, не по годам острая на язычок женщина по имени Марго.

— А, что это ты с утра раскудахкалась, как нетоптанная курица, — не без злости передразнил бывший фронтовик свою половину.

— А что уже и спросить нельзя? Челюсти свои куда-то дел. Поздно вечером они еще на мне были. Ели, пили. Я это хорошо помню. Пить, конечно, я мог и без протезов. А вот мясо отварное, которое ты вчера подала на стол, даже электрическая мясорубка не прожует. Так что, я был при зубах.

— А может, старый патефон, ты их вместе с мясом и проглотил? — подразнила Марго мужа в очередной раз. А по пьянке не заметил Тебя уже болезнь Альцмайгера—Паркинсона захомутала Ничего не помнишь. Потеря памяти. С чего бы это, милый? — не унималась острая на язык Марго. — Касиуса Клея, то бишь, Мухамада Али такая болезнь, говорят, тоже придавила. А почему, понятно любому дураку: он колотил всех, но и ему по качану тоже доставалось. Вот и отбили хорошему человеку мозги.

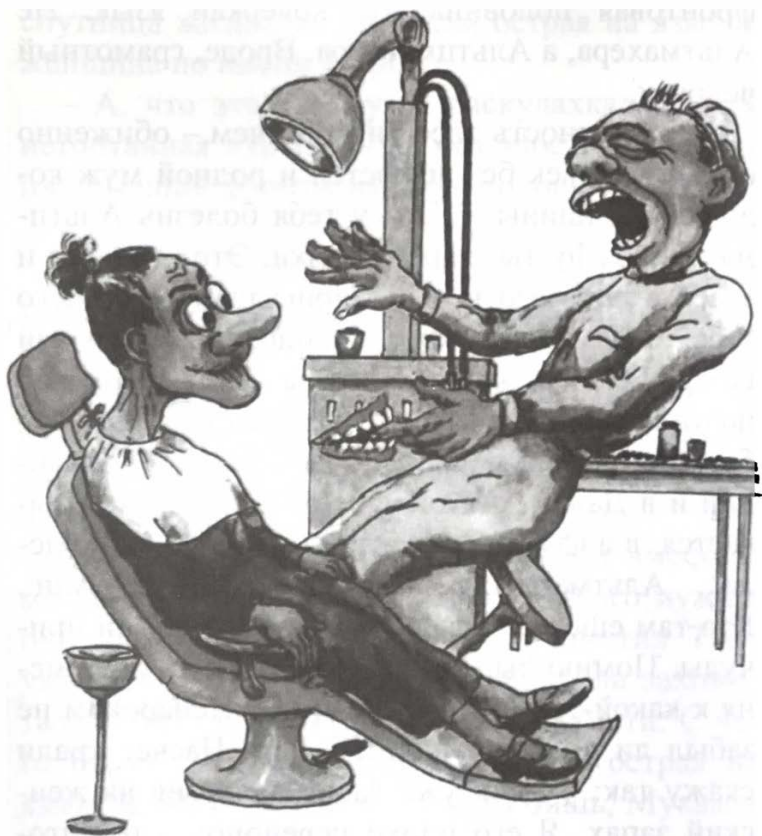
— Откуда ты взяла этого Альтмахера? — Он, что тебе родней приходится?

— Вот старый сапог... Ты чего это с утра пораньше выражаешься? — снова пошла в атаку

фронтальная половина. Не коверкай язык. Не Альтмахера, а Альтцмайгера. Вроде, грамотный человек..

– Грамотность здесь ни при чем, – обиженно сказал человек без челюстей и родной муж колючей женщины. – Это у тебя болезнь Альтцмахера. Тьфу ты, ядрена палки. Этот хер так и лезет в рот безо всякого приглашения. А чего тебе, баба обижаться, – продолжил беззубый ветеран свою лекцию. – Вот на днях я интервью поэта Игоря Губермана читал. Так вот, он – Губерман – в Тель-Авиве и в Москве. А в Голландии и в Дании, он – Хуйберман. У них, оказывается, в алфавите нет буквы «г». Вот такие дела... Альтмахер... Паркинсон, Мухамад Али.. Кто там еще остался. Это, старая, все твои причуды. Помню был еще случай, ты отсылала меня к какой-то толстозадой крале. Ненароком не забыл ли я свои челюсти у нее? Насчет крали скажу так: у меня уже давно аллергия на женский запах. Я его плохо переношу, – подытожил свои мысли вслух раздасодованный и беззубый ветеран.

– У тебя на женский запах аллергия? – с криком набросилась на обидевшего ее мужа Марго. Теперь я понимаю, почему ты спишь отдельно... Поменьше принимай угольные порошки, тогда и запаха не будет. Пузыри меньше будешь

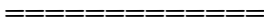

пускать... — Она говорила еще долго, не жалея ни сил, ни голоса.

Седовласый, как зимний Эльбрус, старый разведчик 815-го стрелкового гвардейского полка Эмиль бен Аврех бен Рафаэль, интуитивно уловил момент, что надо срочно успокоить-

ся. Он достал старый солдатский кисет с нюхательным табаком, но не успев его еще преподнести к носу, сильно чихнул, да так сильно, что протезы, которые он искал бог знает где, со страшной силой вылетели у него со рта. И тут бывший разведчик сразу вспомнил, что вчера ночью он совсем и не снимал их. Нет, что ни говори, а память у него отличная, не то что у Мухамада Али, который уже не помнит, кого поколотил он, а кто поколотил его самого.

ЛОВУШКА

Гот бен Мизрахи бен Барух не сразу приехал на Землю Обетованную. Ему жилось неплохо и в городе на берегу Каспия, там, где было два базара и три площади, на одной из которых обосновался Ильич с протянутой рукой. Когда - то здесь проходили красочные и торжественные парады, в которых и Гот бен Мизрахи бен Барух тоже принимал участие. Природа наделила его чисто еврейским лицом: у него был пузатый, как мясные пельмени бабушки Хибо нос, толстые, да к тому же еще и красные в любое время года губы, курчавая шевелюра и пухлые, как у покойного мясника Менделя, пальцы. И работа у него тоже была немного еврейская: он работал ревизором облпотребсоюза. Часто ездил в командировки, откуда возвращался всегда ухоженным, как после отдыха в санатории для космонавтов и всегда туго упакованным. Он никогда не знал счета своим деньгам, потому что не было нужды их считать: деньги текли в его карман рекой. Но наступил трагический 1991-й год. На глазах развалилась великая держава. Умер бывший Союз Советских Социалистических республик. Пришла пора новых нэпманов. Теперь все стало дозволенным: воруи,

кради и даже убивай. Но бывших ревизоров эта чехарда не коснулась. Они сами перекрасились в нуворишей. Перекрасился и Гот бен Мизрахи. Все было хорошо. И у него не было настальгии по прошлой жизни, скажем, как у некоторых, которые только и жили воспоминаниями. Гот оказался востребованным и при новом царе Борисе, а в простонародье, Борисе Николаевиче. Да, да... При том самом Ельцине, которому Руслан Хасбулатов чуть было не показал «кузькину мать». Но «чуть» – не считается.

Так и жил Гот, по-прежнему зарабатывая на хлеб в системе торговли, которая имела теперь мордovorотное лицо не кавказской национальности. Гот припеваючи жил и при новом царе, хотя валютных сбережений в швейцарских банках у него не было. Все бы ничего, но только его замучили, как августовские комары, бесконечные письма далеких и близких родичей, прилетаемые из «наших Палестин». Они просили его бросить все и приехать, наконец, к родне. Те посылали ему посылочки через Красный Крест, в которых значился всегда один и тот же ассортимент: дамские ажурные трусы и альпинистские ботинки 65 размера. Гот, как мог отбивался от этой неизвестности, но однажды плюнул на все и сдался. И в один из сентябрьских дней, а точнее, в канун нового еврейского

года, вылетел с семьей на постоянное жительство в такой далекий и в такой экзотический Эрец Исраэль.

Родня обрадовалась и устроила ему пышную встречу. Пили и произносили тосты в честь нового гражданина еврейской родины. Родни у Гота оказалось много. Встречи проходили каждый день. И родня тоже приходила, но очень по-разному: некоторые навещали мелкими группами, а некоторые устраивали коллективные посещения, чем – то похожими на приход ходоков к Ленину. Первым пришел брат жены Леничка. Его просьба была более, чем скромной. Он хотел купить сыну новое «Шеврале», но не хватает каких-то мелочей, что-то около десяти тысяч долларов. Вот, если бы Гот, породственному, одолжил бы ему эту мелочь, он был бы несказанно рад и счастлив.

– Я тебе, дорогой зять, верну денежки ровно через месяц.. Вот только куплю сыну машину и сыграю ему свадьбу... Деньги будут. Я просто буду по гроб тебе обязан.

Родня знала: Гот при деньгах. Он еще в хорошие времена успел набрать столько, сколько нужно на всю оставшуюся жизнь. И теперь человек живет в свое удовольствие.

– Ладно, Ленчик, приходи завтра. Десять не получится, но пять – гарантирую.

– Спасибо...спасибо, – обрадовался Ленчик – родной братец любимой жены.

- На следующий день к Готу бен Мизрахи примчался его троюродный брат Даниил. И уже прямо с порога начал с обиды:

– Кто он тебе, этот Ленчик? Зачем ты даешь ему такие деньги? Мне, например, ты не дашь, хотя и попрошу. А ведь у меня скоро квартиру отнимут: уже много месяцев не выплачиваю машканту.

– А сколько тебе может помочь? – спросил родича новый гражданин еврейской страны.

– Десять тысяч зеленых не были бы лишними, – не моргнув глазом выстрелил незваный гость.

- Многовато, – тяжело вздохнув сказал Гот. Многовато... Но, что поделаешь? Приходи завтра: утро вечера мудренее.

- Новоявленный «оле» Гот бен Мизрахи приехал на родину предков не с пустыми руками: он привез с собой ровно сто тысяч зеленых, на которых красовался незабвенный сэр Линкольн. Родня на то и родня, чтобы объегорить ближнего. Она знала, что у Гота есть солидный запас долларовой прочности. И совсем не о его благе они радели, когда присылали ему очередные послания. Им нужны были его деньги. Гот не был дураком и его нельзя было провести, как

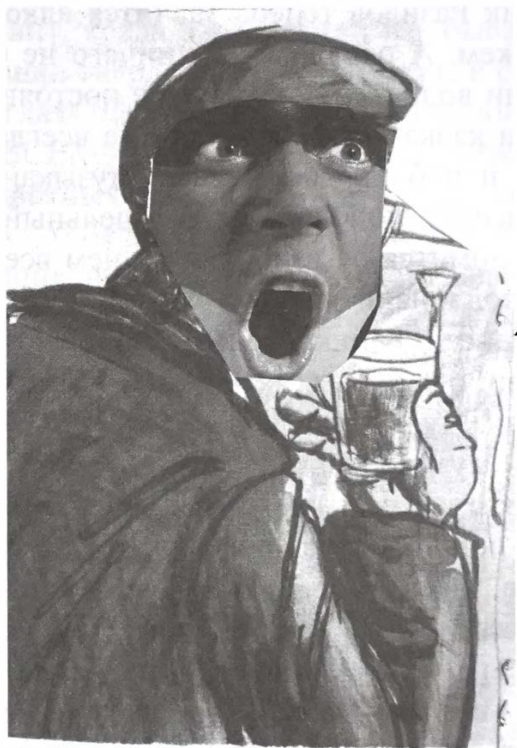
последнего фраера. Дурак не мог бы значится на такой хлебной работе столько долгих лет, но его губила старая кавказская ментальность: он был детищем уже отжившей экзотической эпохи – верил всем и каждому.

–О, дорогой Гот! Как дела? Привикаем к новой жизни? – С такими лучезарными словами приветствовал нового «оле» третий по счету троюродный брат милой жены Рафи Шалом – Самандар, в прошлом житель солнечного, но очень ветреного Баку. – Успеха есть? Есть! Я вижу, дорогой...На лице шакаладний загар... В улыпан ходишь? Нада...Нада...Обязательна нада! Ти изнаишь, зачим моя пиришел к тибе? Жинка затеиль римонт кивартира... Эта очин дорого... Тайний разиведка донисля мине, ишто ти можишь дават помош. Нужни диньги, понимаишь?»

- Сколько ? – говори сразу – прервал его новый гражданин на полуслове.

- – Ни нада, дорогуй, неврничат. Ивсе будит хорошо. И даже лютше. А мине десят тыша ты, конишна, ни откажишь!»

- Хорошо, приходи завтра, – без особого энтузиазма произнес Гот. – А про себя подумал: «Ничего себе родня, Прицепились, как глисты на говне». Но нашествие родни еще продолжалось.

АЛКОГОЛИКАМ ВХОД РАЗРЕШЕН

Беник Разилов теперь значится алкоголиком со стажем. А раньше в рот ничего не брал: ни вина, ни водки. Все началось с постоянных попок на кавказских свадьбах, где всегда многолюдно и публика не жадная: музыкантам «на чай» всегда подбросит. А отдельный столик всегда ломится от изобилия на нем всевозможных блюд и напитков.

Кларнет у Беника, то поет, то плачет, выдает мелодии, от которых сердце вот-вот выпрыгнет из груди. Ну, как после всего этого, не отблагодарить музыкантов? И благодарили: сегодня рюмочка, завтра – две, а еще через день – и все три! И пошло, и даже поехало. Тут свадьба, там свадьба, здесь юбилей, там – бар –мицва...

Двадцать лет прошло с того дня, как Беник бен Мардахай не знает, что такое трезвая жизнь: всегда пьян и всегда навеселе. Неудобств много, а личной жизни никакой. Чего скрывать? И пьяному человеку хочется женской ласки. Ну и тепла заодно. Хочется Бенику бен Мардахаю прижаться в постели к родному существу, к жинке родной. А она бросается в крик: «Куда ты со своей пьяной рожей лезешь?»

И без твоих спиртных паров голова кругом ходит».

И решил Беник, как настоящий кавказский мужчина, завязать с этим. С пьянкой, значит. Все -таки, женской ласки хочется. Он уже и не припомнит, когда в последний раз бывал с женой. Решил твердо лечиться...А тут, к счастью, ему на глаза объявление со столба одного попалось: «ВСЕМ! ВСЕМ! ВСЕМ! Общество спасения животных доводит до сведения всех желающих о бесплатном лечении алкоголиков, владеющих ивритом. А внизу объявления номер телефона и все остальные реквизиты, как и полагается.

Беник от радости даже подпрыгнул, как мальчик – озорник, которому надрали уши. И от того же возвышенного чувства, сорвал в приливе особой эйфории, все объявление целиком. Беник не считал себя всезнающим академиком языка Моисея. Его словарный запас не был столь богатым, и, ограничивался тремя емкими словами: «Шалом», «Бай», «Беседер» и еще пару таких же слов. Знал он, например, еще одно слово: «Литроот». Только в его интерпретации оно почему-то всегда слышалось, как литр в рот. Что делать: каждому свое.

Комиссия по отбору кандидатов – алкоголиков оказалась привередливой. Задавали слиш-

ком трудные и крючковатые вопросы: зубы поломаешь, не соберешь— «Ми ата?» «Эх мишпах-а шелха?» «Эх шем прати»? «Ата лиштод водка»? Эти слова для Беника были не совсем понятны, но на всякий случай, он решил отвечать вопросом на вопрос:

«Хаколь беседер»? «Ма кара»? «Ма хадаш»? И члены комиссии, несмотря на свою вредность, сочли Беника большим знатоком иврита, и сразу же единогласно зачислили на курс лечения.

- Может, даст бог, повезет, вылечат,— размышлял Беник. И тогда он вновь почувствует женскую ласку, а жена не будет, как бывало раньше, брыкать его ногами, в самый нежный и неподходящий момент. Ведь он, в конце-концов, оказался тем единственным алкоголиком, который так в совершенстве освоил этот дремучий, извините, древний язык. А пока же, он будет ходатайствовать о внесении своего имени в Книгу рекордов Гиннеса. Алкоголик на иврите. Такого еще в истории не было. И, конечно, он, Беник, будет первым.

ПОШЕЛ БЫ ТЫ...

Залман бен Йонатан – бывший защитник Сталинграда, кавалер ордена Славы и отец шестерых детей, а еще, впридачу, и новый репатриант, по привычке заглянул в настольный календарь.

– Да, многозначительно сказал кавалер-фронтовик, – сегодня мне ровно восемьдесят три. Юбилей. А еще и день Победы. Получается двойной праздник: гуляй – не хочу. Но настроение у Залмана было далеко не праздничное. Уже полдень, но, как ни обидно, ни одного звонка и даже звоночка. Даже дети не позвонили, хотя живут совсем рядом. На душе у фронтовика было тяжело. Светило горячее израильское солнце, но старого солдата знобило: то ли от нервов, то ли от обиды. А может быть, и от того, и от другого. Залман был не только смелым солдатом, а еще и хорошим врачом собственной души. Он был психологом по натуре. И поэтому отлично знал о противоядиях от стрессов.

Самый лучший выход – это исповедь, откровение. Хорошо, когда есть кто-то рядом. А, когда никого, и ты один со своими мыслями, тревогами и печалью, лучшее лекарство – это

письмо. Но посылать их глухой стене, которой твоя судьба до фонаря, глупая затея и потеря времени. Поэтому Залман, как всегда, посылал их на один и тот же адрес: самому себе. Это письмо тоже не стало исключением. Вот оно.

- «Ну, здравствуй, Залман! Вот, кажется, мы и приехали на последнюю станцию по имени «Одиночество». Длинная вышла жизнь: как-никак, восемьдесят три. Это не шуточки. Года есть, а радости – кот наплакал. Судьба – индейка, а жизнь – копейка. Так, кажется, говорил один штабс-капитан еще во времена Лермонтова – Печорина. Спорить не буду. Так вышло. 22 июня 1941 гуляли до рассвета на памятном школьном балу. А уже в девять утра радио разнесло во все уголки Союза сообщение о вероломном нападении немцев. На пару минут зашел домой, чтоб попрощаться...И сразу на призывной пункт военкомата. Много моих сверстников и школьных друзей полегло в ту войну. Мне повезло: я выжил. Пришел победный сорок пятый. Но легко никогда не было. Работал с каким -то солдатским остервенением, желая не только заработать, но и помочь залечить раны войны. Пусть немного, но помочь! А вскоре нашел и свою любовь – краснощекую, как ароматный персик, девушку по имени Рахель из Темирхан-Шуры. Она выучилась на учитель-

ницу, а я на технолога хлебопечения. Выстроили свой собственный дом, родили шестерых ребят. Все как-будто образовалось. Как говорят, выполнил все три заповеди, которые должен исполнить каждый порядочный человек: построил дом, взрастил сад и вырастил сыновей. Никогда не думал, что доживу до такой горестной жизни. А вот дожил. На войне мне было легче. Даже когда следующая минута могла стать последней и, когда смерть дышала прямо в лицо. А все началось с отъезда. Люди стали уезжать «пачками». Буду честен: мне не хотелось. Да, я – патриот. Да, я хочу, чтобы Израиль процветал. Но я родился на той, другой земле, где родились мои родители и родители их родителей. И воевал я с фюрером за ту землю. Это правда: я не хотел приехать. Слишком многое меня связывает и по сей день с той, старой родиной. Но дети настояли. С каждым из них у меня был свой откровенный разговор по душам. Младшего всегда любишь чуточку больше, чем остальных. А он, Марик, мне старому и говорит: «Отец, ты нас породил, а теперь хочешь убить?»

– Это почему же? – спрашиваю сына.

– Папа все едут. Здесь больше нечего делать. Там тоже медом кормить не будут: надо выучить язык, найти работу, платить за съем квар-

тиры. А ты с мамой – наше спасение: есть гарантированное пособие, квартирные... Да и за детишками присмотрите. Ну, что вы здесь одни куковать будете?»

– И я – старый солдат – не выдержал, сломался. Как же я мог родных деток от себя оторвать? Не по мне это. И вот я здесь. Сняли большую квартиру. Жили все вместе. Дети учились. Ходили в ульпан, временами подрабатывали. Подрастали внуки. Забот хватало.

– Дед, пошел бы ты завтра на рынок и взял бы хорошего мяса: пельменей кавказских что-то захотелось.

– Ну, конечно, курзе.

А через пару дней новая просьба:

– Дед, пошел бы ты часик-другой погулял бы с детьми... А еще через пару деньков снова: «Пошел бы ты в хозмаг и взял бы белила. Надо немножко подмарафетить кухню».

Вскоре я стал даже забывать свое собственное имя: так крепко приклеилось словно прозвище – «Пошел бы ты...».

Но в один из дней, все разлетелись, как перелетные птицы. Стали жить порознь, каждый себе. А я со своей Рахель остался в опустевшей квартире. Правда, в первое время кто-то из детей позванивал:

- Дед привет! Как бабуля? Хорошо? Ну держитесь... Не скучайте...

Прошло еще немножечко. Постоянное нервное напряжение не прошло для моей Рахель бесследно. Она тяжело заболела. Я стал звонить и умолять своих ребят, чтоб хотя бы иногда навещали больную мать. Но они всегда находили причины для того, чтобы не прийти и не проведать.

- Да, что ты паникуешь, дед? – кричал мне в трубку старший Михаил. Кто не болеет? Вот я молодой, а радикулит скручивает, хоть на стену лезь! С кем не бывает...»

- Но вскоре звонки прекратились совсем. Мне стало обидно до слез. Я тоже никому не стал больше звонить. Зачем? Если родная мать стала не нужной, то о чем еще говорить? Бедная мучилась. Слезы частенько текли по ее впалым щекам, но больше от обиды, нежели от боли при очередном приступе. Она уже не могла говорить. Только брала мою руку и прикладывала к своим онемевшим губам. Она поняла, что дети предали нас. На похороны приехали все – и дети, и родственники.

– Понимаешь, папа, – сказал Марик, – здесь у всех свои проблемы. Грех обижаться..

После похорон и коротких поминок, все снова торопливо разъехались по своим неотлож-

ным делам, как совершенно чужие люди. А совершенно чужие, действительно, сочувствовали и выражали свои соболезнования.

- Но через месяц после этого печального события, пришел младший и чуть не плача стал объяснять, что его облапошили какие – то мошенники. – Сняли с банковского счета приличную сумму.– пояснил он. Остались копейки. Теперь у нас нет денег даже на хлеб.

– Папа,– нежно произнес самый младший, как в былые времена,– я знаю, ты – человек бережливый. Небось, в заглазнике что-то есть..Подкинь, пожалуйста.

- И я подкинул. Отдал все, что припас на «черный день». Марик обещал позвонить. Но прошел день, два, месяц, а звонков не было. И тогда я позвонил сам.

– Марик, добрый день! Это я, отец. Ты обещал позвонить. Ведь я переживаю..

- Да, это я, Марик, слушаю тебя. А, что такое? Что-нибудь случилось? Вечно ты, дед, лезешь со своими переживаниями. Ну, что может случиться? Разве я тебе говорил о какой-то проблеме? Раз мы тебе не звоним, значит все в порядке. Пей свой чай и успокойся. Чао!

- У меня внутри все оборвалось: каких холодных извергов я воспитал! Это же не люди, а какие -то динозавры дремучие. Я тоже был сы-

ном своего отца и своей матери. Я их любил до беспамятства. Дорожил ими. Когда умерла мама, я, уже взрослый человек, солдат, сотни раз смотревший смерти в лицо, рыдал, как ребенок. Что же случилось? Может, перевернулся шар земной и я просто не заметил этого? Что ни говори, деньги портят человека. А здесь другая страна и молодым все достается легко: они не ходили в заплатанных брюках и не знают, что такое хлеб по карточкам... У них другие интересы. А моя жизнь – это старое немое кино. Это романтика. А кому она нужна в этот меркантильный век, когда идет бешенная погоня за деньгами? Сыновняя любовь и сыновний долг – все это архаизм, рухлядь, ветхий завет... Это ошибочка вышла, дорогой Залман. Надо было, наверно, жить для себя и в свое удовольствие. Вот тогда бы и ценили бы милые детки. А ведь есть же на свете умные люди, которые живут для себя. Зачем нужны эти дети, если они живого отца не признают?

- Залман едва успел положить очередное послание к самому себе в специальную папку, как в дверь позвонили. Он встал и опираясь на трость, подошел к двери. А открыв ее, увидел трех фронтовых друзей и боевую подружку тех грозowych лет Шушану. Все они были в костю-

мах, на которых ярко высвечивали боевые награды.

- Почему без парадного костюма?,- хором сказали бывшие защитники Отечества. Объявляем строгий выговор с нагрузкой: сто грамм фронтовых без закуски.

В одно мгновение солдатская гвардия украсила стол различными походными закусками и бутылками разных калибров. А еще были тосты и за Победу, и за встречу. И бывалый солдат и смелый защитник Сталинграда, Залман бен Йона, еще и еще раз убедился в том, что на свете нет ничего крепче и дороже фронтовой дружбы, которая несмотря ни на что, даже на старость, всегда свята и не знает черного предательства.

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО

=====

Министру финансов экс-правительства Республики Израиль товарищу Натану Бибиягу (На правах не юридического документа)

Мы, ниже подписавшиеся, старые и совсем новые граждане нашей необъятной Республики, гордимся успехами нашей исторической родины во всех мыслимых и даже немыслимых нашему взору областях. Мы хотим, чтобы это процветание продолжалось, несмотря на постоянные обстрелы многострадальных Сдерота и Ашкелона. И хотя мы живем в других частях нашей необъятной Республики, все равно, мы тоже испытываем нервный шок. Но это никак не отражается на нашем кошельке, застрахованном нашим вечным заступником «Битуах Леуми». Ведь по мнению многих светил медицины, переживание очень плохо отражается на здоровье человека. А нам за вредность никто платить не собирается. Исходя из этого, мы, глубоко взвесив и продумав все варианты улучшения качества жизни, хотим предложить вам некоторые из них, которые могли бы существенно восполнить общественно- личный, а заодно, и государственный кошелек, в надежде

на то, что от этого пирога кусочек перепадет и нашему спасителю – «Битуах Леуми», а значит, и нам тоже.

Вот эти самые предложения.

В наших «Палестинах», только не надо путать с «Фалистыном», тысячи и тысячи борода-тых людей. Бороду не носят только грудные дети и то только по одной важной причине: у них еще эта борода не выросла. А борода – это не сорная трава, а нечто вроде дачного участка, или, говоря по-другому, просто роскошь. Так почему эту роскошь, должно оплачивать общество? Напоминаем, что когда у нас идут проливные дожди, то небесная вода бесплатно орошает волосы бороδοносцев, а кроме того, еще и бесплатно смывает с них многомесячную пыль, нанесенную хамсинами. Именно по этой причине, мы предлагаем ввести налог на ношение бороды, оплата за которую будет взиматься прямо пропорционально их объему. Ведь русский император Петр Первый не был дураком, когда установил такой налог на бородачей России.

Но, дорогой товарищ Бибиягу, это еще не все. Налог на бороду –хорошо, а на посещение туалетов, еще лучше. Кто не ходит в туалет?

Наверно, только умершие. А все другие ... Нет, мы не хотим сказать, что некоторые оттуда почти не выходят. Это, естественно. Вы бы знали, дорогой наш благодетель, сколько они пожирают за день. В наших «палестинах» можно смело организовать международные соревнования по метанию жратвы: настоящая зона усиленного питания. Но это так, как бы мимоходом. Да, на чем мы остановились? Вспомнил, на туалетах... Так вот царь Петр был умным, а римский император Веспасиан еще умней. Он и придумал налог на туалеты. И он же тогда сказал мудрое: «Деньги не пахнут»

Но и это, дорогой Бибиягу, еще не все. Надо в срочном порядке вести в нашем королевстве налог... на тень. Это правда: тень – это не секс. Но ведь у нас секса и нет. Разве что небольшое баловство в массажных борделях. Тень, как и секс в своих разновидностях, это наслаждение. А за наслаждение, извольте, платить. Платят же ночным бабочкам. Платят. Правда, не все достается им: скупые сутенеры львиную долю отваливают себе... Надо платить и за тень. Смотрите, сколько у нас магазинов, ларьков, салонов и всяческих прочих сооружений. И все они под навесами, как некоторые наши олимпы под «шафэ». Обратите внимание, что эта тень падает не куда-нибудь на Марс, или Венеру, или даже на

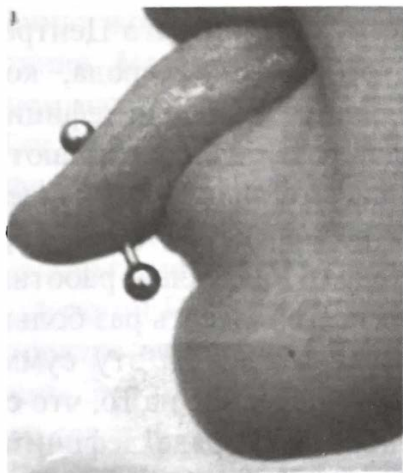
крышу очень забавного места – Кнессета: она падает на государственную землю. А раз падает, значит кем-то используется в корыстных целях, ради наживы, например. И последнее. В нашей стране очень толстых людей не меньше, чем тех же бородатых. Толстые, по данным международного медицинского Центра, в два раза больше потребляют кислорода, который, как известно, является большим дефицитом. А кроме того, в два раза больше вбирают в себя солнечных лучей, что является, в общем-то источником электроэнергии. А куда, спрашивается, смотрит «Хеврат Хашмаль», работники которого получают всего в десять раз больше репатриантов?. А ведь могли бы эту сумму удвоить! Надо обратить внимание на то, что солнце у нас тоже находится в разряде дефицитных наименований. Это где-то там, на Чукотке, где в начальниках ходит Рома Абрамович, его в большом избытке, а у нас...

Так что, пусть и толстые, как и их братья – бородатые, исправно платят налоги. И тогда, повторяем и тогда только, всем нам будет хорошо, если не будет плохо. А плохо не будет, потому что в наших «палестинах» еще никто не умер от избытка денег или от голода. Да хранит Вас и нас Он, наш Ваш Всевышний. Деньги пересчитывайте не отходя от кассы.

Шабат Шалом и с праздником Налогов и Победы

Любящие Вас клиенты «Битуах Леуми»

Все фамилии подписавшихся в целях безопасности вымышлены...

БРИЛЛИАНТОВЫЕ

Кипур и Маргарита сидели в московском аэропорту Щереметьево, как на иголках. Вообще, они сидели на чемоданах, но впервые за тридцать лет совместной жизни, волновались так откровенно, как может быть, они не волновались даже в свою первую брачную ночь. Через пару часов им надо будет пройти не очень приятную процедуру: таможенный осмотр. И он, и она, считай, уже новые репатрианты. Месяц назад продали свой дом в одном из дорогих районов Махачкалы...Обзавелись деньгами Накупили разных драгоценностей. Были там и несколько бриллиантов.

- Купить не хитрое дело,— уже с утра завелась в гостиничном номере экспрессивная Маргарита. А как мы их вывезем? Вот в чем вопрос.

- В этом как раз и вся хитрость,— сказал потенциальный репатриант и законный муж, которого звали Кипур. У нас сегодня будет особый завтрак, милая Мага, — таинственно сказал он.

- А почему особый? — переспросила раздраженно Маргарита.

- Ты когда-нибудь пила таблетки,— как бы между прочим, спросил у своей половины муж с праздничным именем.

– Пила, – без особой радости в голосе ответила та.

– Ну, вот и хорошо. Значит, есть опыт. А сейчас будешь пить бриллианты... Видя несколько растерянный вид жены, решил ее подбодрить:

– Первым эту операцию буду выполнять я. – Неумолимый муж вытащил небольшую пластмассовую коробочку, взял из нее несколько бриллиантов, а затем, ставя их один за другим на язык, стал запивать водой.

Маргарита изумленно смотрела супругу в рот.

– А ты, что думала, радость моя, мир на резиночке, как твои бикини держится? – весело сказал муж после того, как благополучно ото-слал последний бриллиант из коробки к себе вовнутрь. – Теперь твоя очередь. У тебя животик побольше...

– Бриллиантовый завтрак супругов длился не долго. Через четверть часа заказное такси, как в старые добрые времена, точно минута в минуту, подъехало к подъезду гостиничного комплекса. Супруги присели на дорожку, а затем уже в следующую минуту быстренько спустились к машине. — Если будет тошнить, – скажешь, что беременна, – предусмотрительно бро-

сил Кипур банальную фразу. И не дрожи от страха, поняла?

- У таможенной проходной экспрессивная Маргарита вострепелась, даже взбодрилась. Она прошла торжественно и гордо, как Егоров и Кантария, водрузившие знамя Победы над Рейхстагом в день грандиозного парада в Москве 22 июня 1945 года. Телевизионная камера таможни в виду каких – то помех, ничего не обнаружила и ничего не показала. Только уже у самого выхода, Маргариту вдруг начало тошнить.

– Она в положении, – радостно улыбаясь, – сказал проверяющим н, но почему -то продолжал по- прежнему улыбаться и говорить нараспев: Нервы...Тяжелое расставание с родинной...Наверно, давление. А потом вдруг вспомнил слова барда Высоцкого «Хочу, чтобы помнили...» И с этими словами, он сорвал со своего пальца массивный фальшивый перстень и с реактивной скоростью скрытно всунул его в руку оторопевшему таможеннику, в тот самый момент, когда его напарник надумал организовать повторную проверку, указывая пальцем в сторону монитора, который вдруг заработал и четко обозначил наличие металла во внутренних супругов. Но тут уже Маргарита закатила трагическую сцену родовых схваток, и

Кипур, своевременно вырвавшись навстречу жене, тоже всплакнул, как Отелло над умирающей Дездемоной.

- Все завершилось, как в детективном боевике. Не успел самолет, как следует набрать высоту, как у супругов стало разрывать животы, будто бы они выпили по килограмму слабительного. – Беги в туалет, Маргарита, – сказал встревоженный супруг, манипуляциям которого мог бы позавидовать сам Остап Бендер. Только не спускай воду. Я найду сразу следом. Как только Маргарита облегчилась, в туалет ворвался разгоряченный Кипур, которого разрывало ничуть не меньше. Облегчившись с удовольствием, он начал было операцию по вылову контрабандных бриллиантов, не думая о какой-то там антисанитарии, как в это самое время, сработало автоматическое водосливное устройство, и, вода в одно мгновение смыла все содержимое унитаза вместе с бриллиантами и всеми надеждами предприимчивого кавказца. Кипур стоял с по колено опущенными штанами, еще не веря собственным глазам тому, что его настигла жестокая кара. В горячке он хотел даже спрыгнуть с самолета, чтоб там, внизу догнать свои драгоценные камушки, но сделать этого не смог: на борту самолета парашютов не было.

МИЛЛИОННЫЙ РЕПАТРИАНТ

Исповедь нового «оле»

А потом скажи кому-нибудь, что на свете нет чудес. Может быть, где-то их и нет. А вот на Земле обетованной, на земле, текущей молоком и медом ...они есть. Это я говорю вам, бывший житель солнечного Баку. Да, совсем забыл, меня зовут Сехлюм. Правда, ашкеназы почему – то называют меня Самуилом. В этом нет ничего плохого. Я и не возражаю: Самуил, так Самуил. Но дело не в имени. И не об этом я так спешу рассказать вам, мои призрачные слушатели. Я спешу поделиться радостью, чудом, которое произошло со мной десять лет назад в аэропорту Бен- Гурион. Схожу, значит, я по трапу самолета и вижу море людей и море цветов. Подумал, что Клинтон, наверно, собираются встречать, или еще лучше, железную леди – мадам Маргарет Тетчер...Так вот я, Сехлюм Самуилович – совсем свежий репатриант, медленно спускаюсь...А вокруг море людей, а еще больше цветов, объективы телекамер щелкают...Гагарина с такой помпой Москва не встречала после космического полета. А тут меня, мало кому нужного репатрианта, бомжа, можно сказать, схватывают десятки сильных

рук и в радостном экстазе (нет-нет, не «экстази») поднимают высоко над головами. Громко играет музыка. И мелодия такая родная и знакомая. Я удивлен и немножечко встревожен, мучаюсь в догадках: «Что же я сделал такого, что всполошил столько народа. За что такие почести?»

Мои сомнения скоро разрешились. Десятки рук пронесли меня над головами собравшихся и нежно, как богемский хрусталь, опустили на импровизированную и украшенную всеми цветами радуги трибуну. На ней, как на Кремлевской стене, стояли весьма почтенные дяди и тети. Вместе со мной, Сехлюмом, в Израиль летели и другие олимпы, но выбор пал именно на меня: я оказался миллионным по счету «оле». По этому случаю здесь собрались министры и депутаты, представители Сохнута, раввины всех мастей и разных конфессий, в том числе, из центра прогрессивного иудаизма.

— Вот это влип, — подумалось мне — миллионный репатриант из солнечного Баку, увешанный гирляндами цветов и широкими красочными лентами. Все говорили речи так пылко и так зажигательно, как никогда, например, не говорил наш дорогой Никита Сергеевич, он же Хрущев, на Ассамблее ООН. Что правда, то правда: никто здесь своей обуви с ноги не сни-

мал и не стучал ею по трибуне. Наконец, наступила некая менопауза. Под звуки браурного марша Мендельсона ко мне, Сехлюму Самуиловичу, стала приближаться группа празднично одетых людей. Перед свитой, держа в руках большой мельхиоровый поднос, шел высокий человек с шоколадным лицом и пышными, как у Амира Переца усами. Как оказалось потом, это был вовсе не Амир Перец, а представитель фирмы «Амидар» Габи Попандопуло. В нем, действительно, было что -то греческое. Когда свита вплотную подошла к миллионному «оле», то есть ко мне, на которого неожиданно для меня самого обрушилась такая слава, обладатель декоративных усов и он же представитель фирмы «Амидар» взял с подноса небольшой серебряный ключик и высоко поднял его над головой, при этом поворачивался то вправо, то влево, то на север, то на юг. А потом, когда убедился, что все увидели заветный ключик, стал горячо пожимать мою руку. Когда, наконец, церемония рукопожатия закончилась, он торжественно произнес: «Это ключ от трех комнатной квартиры – подарок государства Израиль вам, господин Сехлюм, который стал нашим миллионным «оле». Также тепло и с таким же подарком, мы встретим и человека, который ста-

нет у нас трехмиллионным, четырех- и даже пяти-.

Вместо эпилога

С того памятного дня в Эрец Исраэль прилетело немало новых «оле». Но больше никто из них не получал символического ключа от бесплатной квартиры. Не досталась она и мне, Сехлюму Самуиловичу. Те выборы давно закончились. А на новых даже стакан воды не предлагают. Другие времена. Одно только осталось неизменным: обман. Дурят нашего брата, как говорил Аркадий Исакович, почем зря. А Райкин слов на ветер не бросал. А если кто-то и вздумает мне и дать снова эти символические ключи, я, конечно, откажусь. Ведь все равно ими дверь в рай не откроешь. А я и без всяких подарков рад. Рад, потому что живу у себя в родном доме, где, как известно, и стены помогают. Тем более, когда есть титул миллионного репатрианта.

ХОЖДЕНИЕ ПО МУКАМ

Шауль Давидович бен Хаскиль был очень эрудированным и на редкость сметливым человеком. Не закончив ни одного сколь-нибудь приличного вуза, а всего лишь обычную «лапшеедку», то есть, ремесленное училище, он, тем не менее, хорошо устроился в этой бурной, как горная река, жизни: сколько себя помнит, всегда работал на руководящих должностях. Был управляющим хлебопродуктов, генеральным директором мясо-молочной промышленности, а в какое -то время, дошел даже до министерского кресла. И не только дошел, а даже сел в него. И это в то время, когда люди садились за решетку. Это было печально известное андроповское время. Втайне, он страшно осуждал эти крамольные деяния земляка по крови, у которого не кто-нибудь, а родная мамаша, носила фамилию Филькенштейн. Но ругая, он понимал, что бывают безвыходные ситуации, когда у многих и многих нездоровая аллергия на шипящие фамилии. И в силу этого, Шуль Давидович – уроженец Кавказа – благодарил, разумеется тайно, главного чекиста, а заодно и Все-

вышнего, за то, что он, Шауль, все еще на свободе и все еще в министерском кресле.

Деньги сыпались отовсюду, откуда только можно было сыпаться. Сыпались и липли к рукам, как если бы он, Шауль Давидович, держал бы их целый день в меде. Он уже не знал, куда их совать, в какую дырку, хотя его супруга Мина, предусмотрительно навещала государственного муженька по три раза на день. Появлялась при этом, в самых разных зарубежных костюмах. Деньги были. Только почему -то супруг очаровательной Манички Шим – Тов, Шауль бен Хаскиль, при всем своем гроссмейстерском уме, оказался человеком недалновидным: деньги вдруг обесценились. Выпускник «лапшеедки» впервые в жизни почувствовал себя беспомощным птенцом. Он боялся сойти с ума.

– Надо было мне собирать эту макулатуру, – глядя в сторону чемоданов, набитыми деньгами, негодуя произнес супруг модницы Манички, которая, как оказалось, так часто навещала мужа – министра не столько из прагматических соображений и полноты ума, сколько с целью демонстрировать перед культурной публикой свои дорогие наряды.

- Что будем делать, моя радость, – многозначительно произнес министр на чемоданах,

бросив такой же кроссвордно–ребусный взгляд в сторону дражайшей супруги.

– Ты спрашиваешь у меня? – словно капризная девочка переспросила модная министерша. А ведь ты сам можешь дать совет кому хочешь...Даже любому министру...А потом быстро спохватилась, и голосом, полной эротики, тихо сказала: – Извини, ты ведь сам министр.

– Ничего не могу придумать, мое солнышко,– признался своей половине, как на исповеди, Шауль Давидович. – Что ты скажешь, то и будет.

Маничка решительно привстала с кожаного глубокого дивана, на котором уютно восседала, и не менее решительно выпалила растерянному супругу:

- Едем в Израиль, дорогой. А на эти деньги – она еще раз бросила проникновенный взгляд в сторону чемоданов – так вот, на эти деньги даже сейчас кое-что можно купить...

- Ну не мучай меня, – договаривай,– взмолился муж– министр. Что можно купить на эти деньги сейчас?

- Три – четыре диплома,– сказала модная жена, прогоревшего министра. Голова у тебя, слава богу, как Дом Советов во времена Нэпа и светлее даже, чем у Горби...

- Это кто еще?— удивленно спросил министр.

- А это твой любимый человек со шрамом. — Понял... Понял... Ты говоришь о Михаиле Сергеевиче.

- О нем самом,— повторила Маничка. О ком же еще... Но после минутной паузы, снова продолжила неоконченный разговор:

- Купим дипломы профессора медицины, общественного питания и международных отношений. Там как раз с «Хамасом» у них ничего не клеится. С Арафатом было, конечно, куда легче. Не важно... Тебя Биби с радостью может взять в свою команду. А там, говорят, еще есть Либерман. Все хвалят. Крепкий мужик. Говорят, что сильно любит кавказских. Ну, естественно, кавказские блюда тоже. Может и возьмет тебя в советники по кавказской кухне... Деньги— это волшебство. Как говорил Карл и он же, Маркс, деньги — это двигатель жизни.

- Через несколько дней после этого конфиденциального разговора со своей супругой, Шауль Давидович стал обладателем сразу трех профессорских дипломов, а еще через месяц подал заявление об уходе со своего министерского поста. И буквально через несколько дней после этого, супружеская пара благополучно приземлилась в аэропорту Бен Гурион. С этого

часа Шауль Давидович обрел новый статус: он стал новым репатриантом и гражданином великого Израиля. Но поскольку просторы великого Эрец Исраэль были не столь велики географически, особенно после размежевания, бывшему министру хватило всего трех дней для капитального ознакомления со страной, куда он приехал на ПМЖ.

Шауль Давидович, хотя и значился в бывших министрах, но по плоти и крови, тоже был простым смертным. А раз так, то тоже совершал досадные ошибки. Дипломы-то профессорские он купил, а вот выучить иврит, не догадался. И это была его стратегическая ошибка. С утра и до вечера он ходил по разным конторам, но найти работу не получалось. Было еще одно невезение. Работодатели, глядя на его дипломы, и, видя перед собой живого профессора, почему-то начинали волноваться, а порой даже заикаться. У них была только одна профессорская номенклатура: мытье посуды и уборка лестничных площадок.

- Да я лучше умру с голоду,— но убирать мусор не буду,— заявил своей любимой женушке бывший министр и обладатель трех фальшивых дипломов. Но однажды его угораздило вспомнить Биби Нетаниягу и даже Ивета Либермана. Одному на иврите, другому на чисто

русском языке, он отправил свою автобиографию и копии дипломов, которые успел заверить в министерстве образования в самом Иерусалиме. Для большей надежности, отправил заказными. И вот теперь ждет. Он понимает, что люди были заняты выборами, после которых надо чуточку отдохнуть.

«А, как отдохнут, то непременно позвонят»,— рассуждал бывший министр, а ныне репатриант. А пока, чтоб зря не терять время, Шауль Давидович, спрятав все свои дипломы, пришел в одну из контор по трудоустройству, где его по личному знакомству земляки устроили ночным сторожем.

ДЕЛИКАТНОЕ ДЕЛО

Абеле Эфраиму исполнилось шестьдесят. Всего шестьдесят, как бы сказали любители изящного слова. И он всегда гордился своим мужским достоинством. А почему бы и нет? Каждый гордится тем, чем в избытке наградил его Всевышний. Вот, например, барона Ротшильда он наградил богатством и деньгами, умом и необыкновенным милосердием. И Леви Леваева не забыл: наградил и тем, и другим. А вот породную Сару бат Саул Он, Всевышний, наградил другим: от любого «Мерседеса» только мокрое место останется, если, не дай Бог, при мокром асфальте с ее буферной частью столкнется. Каждого Всевышний чем – нибудь да награждает. Иногда, нет – нет и заминка выходит: награда получается, как взятка – не по заслугам. В случае с Абеле Эфраимом никакой такой взятки не было. Все было по- честному и по- справедливости. Всевышний редко ошибается. Не ошибся он и подарив Абеле солидное мужское достоинство, о котором в округе давно ходили легенды. Достоинство он имел солидное, а рекламировать себя особо не хотел. Некоторые дружки – и то по пьянке – предлагали

ему известить об этом «Гиннес» и войти, таким образом, в историю. Но Абеле категорически отказался и строго-настрого запретил им даже напоминать об этом.

Шло время. Поднималась новая поросль, а значит, появлялись и соперники. И прослышал он однажды, что у молодого сопляка Янкиля, это самое достоинство более солидное и внушительнее, чем у него, Абеля. Это уже было похоже на удар ниже пояса.

– Я всегда был первым и останусь таковым еще надолго, – решительно сказал он некоторым злопыхателям. А через пару дней, Абеле наткнулся на одну экзотическую рекламу. В ней говорилось о том, что некая клиника «СОС» имеет уникальную возможность удлинения мужского достоинства не менее, чем на пять сантиметров. И еще говорилось о том, что сотрудники клиники гарантируют стопроцентный успех.

Абеле Эфраим всегда был легок на подъем. А тут эта легкость утроилась. И уже на следующее утро он, отложив все, даже самые срочные дела, отправился по указанному адресу в тель-авивский офис клиники. Доктор – светило израильской сексопатологии, внимательно осмотрев пациента, первоначально выразил удивление:

- Молодой человек, вам не надо ничего удлинять. Вы – рекордсмен. С такими габаритами только в племенном хозяйстве работать. У вас

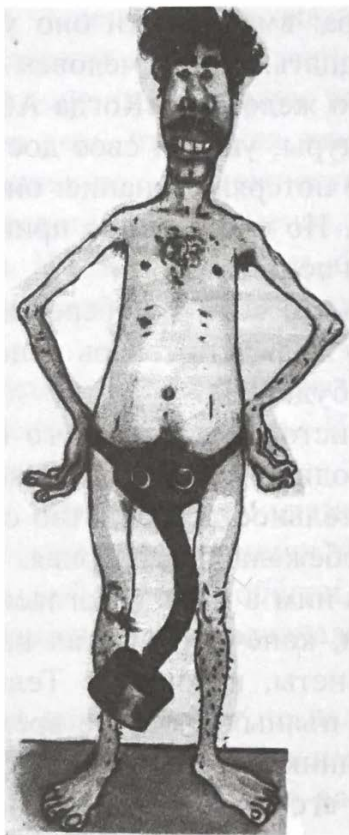
станок суперкласса...Но возражать не будем: желание клиента – для нас – закон.

– Ай, не зря совсем говорят, что жадность фраера губит. Она может погубить и кого угодно. Сеанс удлинения пениса прошел удачно, что лучшего и желать не было надобности. Но вышла маленькая ошибочка. Устройство подвело профессора: вместо пяти оно увеличило на целых пятнадцать. Живой человек ошибается, а тут какая – то железяка...Когда Абеле впервые после процедуры, увидел свое достоинство, он чуть было не потерял сознание: оно свисало до самых колен. Но очень скоро пришел в себя и даже изволил пошутить:

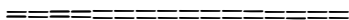
- Что есть, то есть. Бог берет и Бог возвращает. Только жаль, что теперь в шортах ходить не прилично будет.

- У этой истории счастливого конца не получилось. Ходили слухи, что, якобы, увидя столь внушительное достоинство своего супруга, от него сбежала благоверная, не один год прожившая с ним в мире и согласии. Не от хорошей жизни, конечно, он стал навещать массажные кабинеты, которых в Тель-Авиве не меньше, чем пьяных в былые времена на футбольных поединках в Махачкале. Но не тут – то было: увидя его достоинство, даже выдавшие виды проститутки шарахались от него, как рав-

вин от сала в шабатный вечер. И теперь у бедного Абеле только одна надежда на старого рава Ишая, который обещал ему бесплатный брит и то только потому что он повторный. Во истину, пути Господни неисповедимы: не знаешь, где найдешь, а где потеряешь.

НАШЕСТВИЕ

(Из прошлой не романтической жизни)

Начальник механизированной колонны треста «Ломай – Строй» Рафаил Самуилович Ашеро́в, уткнувшись головой в газету, весь ушел в себя, словно бывалый еж перед приближавшейся опасностью. Хотя реальной опасности пока не было. Но... вот эта злополучная статья...

Начальник сидел все в той же позе, как изваяние. Справа его окружала добрая дюжина телефонов, слева - неисчислимое множество магических кнопок.

Рафаил Самуилович машинально, можно сказать уже по привычке, нажал одну из них. В дверях показалось луновидное лицо секретарши.

– Рабиновича ко мне! - прогудел начальник.

- Бригадира ? - робко переспросило луновидное лицо.

- ?! ?! ?!

- Сию минуту, сию минуту, Рафаил Самуилович.

- Через минуту Рабинович уже стоял в кабинете начальника, вытянувшись, как

сдобное тесто перед отправкой в печь. Сердце ему подсказывало что-то недоброе.

- Читал? - неожиданно закричал руководитель механизированной колонны. От неожиданного окрика, бригадир даже слегка покачнулся, как штанга футбольных ворот после сильного попадания мячом, но выстоял и снова выпрямился.

- Передовой метод... Высокая производительность... Тоже мне – «герои труда». Подумаешь, Злобин нашелся! – не унимался разъяренный руководитель. – А ты знаешь, чем это пахнет? – продолжал наступать он на бригадира, поднося ему под нос большой медно-рыжий кулак с длинными толстыми пальцами, напоминавшими клавиша пианино, на котором когда-то играл Ван Клиберн. – Не знаешь? А я знаю, – пропел он почти настоящим баритоном.

Рабинович попал в трудный цейтнот цуцванг. Покорную голову меч не сечет, – сказал бы мудрый царь Соломон, окажись он в живых. Но мудрого царя Соломона рядом не было, а голова Рабиновича – бригадира была не только непокорной, но и чуть горячее. И поэтому, она вскоре, естественно, взорвалась.

- Я тебе не жена, чтоб ты повышал голос, - еще громче, чем сам начальник заорал,

вызванный на «ковер» подчиненный. Сейчас же подам на расчет!

Теперь в цейтнот попал сам Рафаил Самуилович. Как-никак передовой бригадир. Статьи о нем положительные печатали. Его уход сейчас может вызвать различные суды - пересуды. Обязательно найдутся щелкоперы, или всякие гораздые почесать языки. Придумают – текучесть кадров, отсутствие заботы о человеке и так далее, и тому подобное. Рафаил Самуилович не был лишен чувства юмора. После минутной паузы молчания, он многозначительно похлопал по плечу Рабиновича, а потом произнес недвусмысленную фразу:

- Как я понял из статьи, Рабинович, вы - на хозрасчете и встречаете аж январь будущего года, идя с максимальным опережением календарного графика. За все это честь вам и хвала. Но не сегодня - завтра, к нам могут нагрянуть гости для того чтобы перенять ваш передовой метод. Поэтому все расходы я отнесу за ваш счет. Вы - свободны. Его предсказание сбылось. Не успели в трест «Ломай – Строй» поступить письма от правителей, как сами их авторы из разных географических широт и меридианов, были тут-как-тут. Состав приехавших был настоль-

ко велик, что из него можно было бы комплектовать штат еще трех новых колон. Командированные опытники, словно по команде выстроились в одну ровную линейку на огромной территории передвижной и механизированной колонны. Рафаил Самуилович готовил себя к подобной исторической встрече. Но, тем не менее, когда он, оттянув штору, взглянул в окно, его волосы на голове нервно зашевелились. Потом зашевелились мысли. Они двигались настолько быстро, что первая старалась обогнать вторую, а вторая третью. Они, естественно, цеплялись друг за друга, создавая, таким образом, искусственную пробку. Именно по этой причине, ему стало трудно держать ориентир, и он хотел вначале даже выйти через окно, перепутав его с дверью, но потом, все-таки, сообразил, и, взяв себя в руки, вышел, как и положено, в дверь.

- Добрый день, дорогие товарищи! С приездом вас на Кавказ! - почти настоящим баритоном приветствовал Рафаил Самуилович дорогих гостей.

Гости, и в самом деле, не были дешевыми. Во что они должны были вылиться бухгалтерии строгий руководитель ПМК пример-

но уже прикинул. И от этих прикидок был далеко не в восторге.

– Дорогие товарищи, – еще раз произнес начальник строительного подразделения, обращаясь к приезжим. Поскольку вы приехали за ценным опытом нашего уважаемого Рабиновича, то позволю себе ознакомить вас с примерным планом того, что нам предстоит выполнить. Первое – это ознакомление с передовой технологией Рабиновича. На это отведен один час. Второе – поездка по достопримечательным местам – На это отведено чуть больше времени: три дня. Поездка на базу отдыха идет у нас третьим пунктом. И, наконец, четвертое запланированное мероприятие – это прощальный шашлык.

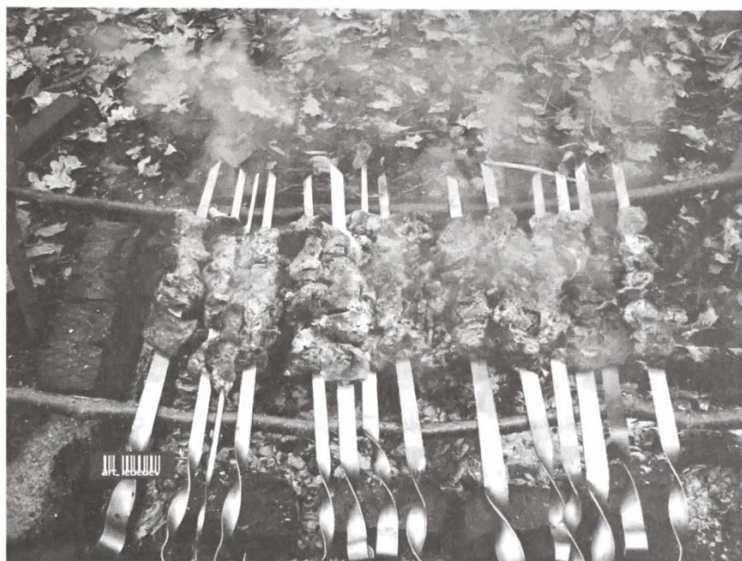
Кто за? – Десятки рук разом взметнулись вверх, словно остроконечные пики.

Кто против? – Никого. Воздержавшиеся? – Нет. Прекрасно. Итак, начнем осуществлять свою программу.

Гостям было подано несколько вместительных автобусов. Так как скорость у них была приличной, а объект Рабиновича находился всего в каких –нибудь двух-трех километрах от конторы, то через каких-нибудь два-три часа все благополучно высадились на строительную площадку. Свою памятную

речь Рафаил Самуилович начал так: «Главное в нашей работе – это план. А он требует чего? Бесперебойной работы, конечно. Помните метод Райкина: раствор «бар», кирпич – «ёк». Помните? У нас другая система. У нас «ёк» не бывает. У нас все «бар – бар». Нет кирпича, сидим на растворе. Растворяемся, так сказать. Нет раствора, нажимаем на кирпич. Правда, он ломается, сыпится. Но, ничего, зато не бывает простоев. Не скрою, ее породило отсутствие прямой связи между бригадой и нами. Держим марафонца. В штатном расписании такой единицы, сами понимаете, нет. В случае надобности, наш марафонец бежит из бригады в трест, а из треста уже к нам. Бывает и наоборот.

– Главное в работе, - продолжал Рафаил Самуилович, - это себестоимость. На многих производствах утвердилась порочная практика сжимать эту самую себестоимость. Мы же, напротив, ее повышаем. За счет премиальных, тринадцатой зарплаты и много еще чего. Да, я не оговорился. В конце года каждый наш работник получает по тринадцать зарплат Чувствительно? Да! Весомо? Да! И чувствительно, и весомо! Действительно, в руках держишь деньги, а не фуфловые карточки спортлото.

Опытом работы командированные остались довольны. Но в особый восторг, говорят, их привел прощальный шашлык. Рафаил Самуилович приказал нарезать для этого сразу десять черных барашков. Довод был убедительным: они впитали в себя больше солнечных лучей. Так пусть же каждый из гостей впитает в себя, как целебный бальзам, вместе с ароматным мясом, как можно больше солнечных лучей. Шашлык удался на славу.

- Совсем недавно я зашел в ПМК треста «Ломай – Строй» в надежде встретиться с

многоопытным начальником Рафаилом Самуиловичем. Но не застал его. Секретарша с луновидным лицом сообщила, что он живет нынче в столице, в Москве. Работает в Главке главным специалистом по приготовлению прощального шашлыка.

НОВОГОДНИЕ ТОСТЫ

Товаровед
Гершель Аб-
рам бен Иегу-
да сидел, как
на иголках. До
конца года ос-
тавались счи-
танные дни. В
последнее
время он стал
замечать, что
всякого рода

сюпризы, преследуют его, Гершеля, как раз в такие предпраздничные и особенно в предновогодние дни. Он жил почти в страхе: не поручат ли опять ему, как это уже бывало раньше, что-нибудь ответственное? Гершель Абрамович не мог бы точно предсказать, когда и где его может схватить приступ аппендицита, или до каких лет он доживет. Но на сей раз волхвы всех времен и народов могли бы ему позавидовать: его предчувствие начиналось сбываться. Это Гершель Абрамович понял, когда увидел перед собой расплывшееся в улыбке лицо своего профсоюзного деятеля. Предсе-

датель месткома, не переставая улыбаться, сначала небрежно, по-дружески положил ему руку на плечо, а потом шепотом, едва слышно, проговорил:

- Через пять минут зайдете ко мне. У меня для вас есть очень интересное дельце.

Гершель Абрамович обмер, изменился даже в лице. Он окончательно утвердился в мысли, что его, действительно, преследует злой рок. С нескрываемым волнением вошел он в кабинет предместкома.

- Входите, входите - любезно пригласил его тот, также любезно усаживая своего коллегу в глубокое и очень мягкое кресло.

От нервной дрожи у Гершеля Абрамовича зуб не попадал на зуб. Предместкома заметил это, и принялся успокаивать.

- Ну, зачем вы так ? Вам выпала приятная миссия. Наш небольшой коллектив решил доверить вам одно очень тонкое и деликатное дело: вам поручено подготовить тосты к нашему новогоднему вечеру. Сами понимаете, в запасе всего три дня. Тридцать первого числа ровно в 22 часа явитесь с готовой продукцией. У меня все. Желаю успехов.

Гершель Абрамович пытался что-то сказать, возразить, объяснить, наконец, но пред-

седатель месткома был неумолим и повелительным голосом почти прокричал:

- Я все сказал. Вы - свободны.

Для Гершеля Абрамовича начались настоящие муки ада. Ему стукнуло пятьдесят пять, но никто и никогда не слышал, чтобы он когда-нибудь сочинял или произносил тосты. Но Гершель Абрамович был человеком добросовестным, и к порученному делу относился со всей серьезностью. Уже с утра следующего дня все домашние были строго-настрого предупреждены: глава семьи готовит тосты. Было запрещено включать радиоприемник и телевизор, говорить и читать вслух, громко смеяться, пользоваться телефоном и другими установками, которые могли бы отвлечь его от работы. Выпив стакан крепкого чая, Гершель Абрамович заперся в одной из комнат. Он положил перед собой белый чистый лист бумаги и погрузился в раздумье. Ничего путного в голову не приходило. Так просидел он час, второй, третий. Гершель Абрамович испытывал творческие муки. Есть не хотелось. Вторую половину дня Гершель Абрамович посвятил активному поиску. Он перевернул все книжные полки в надежде воспользоваться помощью знаменитых или, хотя бы, малоизвестных писателей. И хотя «стенка» чуть не

гнулась под тяжестью книг, автор будущих тостов, так и не сумел воспользоваться ни одной из них.

Наспех поужинав, Гершель Абрамович лег спать, чтобы рано утром с новыми силами приняться за дело. Но и второй день оказался бесплодным: из-под его пера не вышло ничего путного.

Наступил третий, решающий день. С утра соискатель на уникальные тосты, составил план, по которому он должен работать. Первое - количество тостов. Второе – тематика. К полудню решающего стратегического дня, в его голове появились первые признаки рождения нужных слов и словосочетаний. Гершель Абрамович то и дело водил рукой по разным участкам головы, словно отыскивал то место, где застряла нужная мысль. И отыскал!

- Эврика! - воскликнул он, как некогда великий Архимед. Его словно осенило: тосты один красивее другого так и сыпались на бумагу, как из рога изобилия. Гершель Абрамович едва успевал их записывать.

В шесть вечера все было завершено. Он аккуратно переписал все написанное в небольшую записную книжечку, побрился, надел свой любимый черный итальянский кос-

твом, и в самом хорошем расположении духа, вышел на улицу.

- Но не успел он сделать и двух шагов, как к нему подбежала молодая и совсем незнакомая женщина в одежде Снегурочки. По ее печальному лицу было видно, что она чем-то взволнована. Незнакомка взяла Гершеля Абрамовича за руку и подвела к старенькой лавочке, на которой как-то странно сидел его давний школьный друг Мойше – Юдим из бюро добрых услуг, облаченный в одежду деда Мороза. Оказалось, что он совершенно случайно подвернул ногу, и теперь Снегурочка вынуждена одна разносить новогодние подарки детям. - Очень прошу тебя - взмолился школьный друг, - помоги!

- Прямо на улице Гершель Абрамович облачился в одежду Деда Мороза и вместе со Снегурочкой приступил к исполнению своей новой миссии. Всего оставалось пройти каких-нибудь двадцать квартир. Когда предвестники Нового года вошли в первую, праздничный стол уже был накрыт и хозяйева гуляли вовсю.

- Деда Мороза без новогодней чарочки мы не выпустим,- решительно произнес досрочно захмелевший хозяин дома. Отпираться было бесполезно. Та же картина повторялась в каждой последующей квартире. А когда

вошли в последнюю, двадцатую квартиру, Гершель Абрамович едва держался на своих двоих.- «Тост Деду Морозу!»- воскликнул кто-то из сидящих за столом. Гершель Абрамович сильно покачиваясь из стороны в сторону, но энергично поддерживаемый Снегурочкой, достал из кармана костюма заветную записную книжечку с готовыми тостами, и с грехом пополам невнятно пролепетал: «Дорогой, Цез-зарь Салатович! Тост Деда Мороза приняли за шутку.

Было уже без пяти минут двенадцать, когда Гершель Абрамович в сопровождении очаровательной Снегурочки, появился в дверях банкетного зала. Он хотел что-то сказать, но язык не повиновался ему, словно примерз к самому небу, как сосулька к кровле дома в зимнюю стужу. Тогда он, хоть и был вдребезги пьян, но чертовски быстро сообразил: сорвал с себя парик и бороду. Все ахнули. Увидя его предместкома сорвался с места, и подлетев к создателю заветных тостов, стал трясти его, как молодое деревцо со спелыми грушами, выговаривая при этом: «Тосты! Где тосты?!»

Гершель Абрамович полез было в карман, чтобы достать эту самую записную книжицу, и сразу протрезвел. Он вдруг вспомнил, что оставил ее на обеденном столе в последней,

двадцатой квартире. В это самое время куранты пробили двенадцать. Наступил Новый год.

НЕРАЗБЕРИХА

Иегошуа бен Юсеф, а в простонародии всегонавсего, Шурик, был добрым малым, настолько добрым, что верил всем и доверял каждому. В той жизни он был устроенным и даже преуспевающим человеком. А на землю предков

приехал не так давно, а приехав, начал тяжело работать. И хотя по израильским меркам, он значился «академаимом», Иегошуа не стал придавать этому большого значения, поскольку он был умным человеком и сразу понял, что для Израиля это не козырная карта. А поэтому стал осваивать очень престижную в стране профессию: стал подметать улицы. Но денег все равно не хватало. И поэтому он все время искал подработку. А вскоре ему посчастливилось: он встретил одного своего давнего знакомого, который на-

мекнул Игошуа, что можно заработать приличные деньги на одном простом деле: пойти в гаранты. Шурик был человеком старого образа жизни: за сорок лет своего появления на свет, он никого и ни разу не обманул, и не произнес вслух ни одного бранного слова, и даже ни разу не поскандалил с женой. Он был человеком доверчивым, верил всем и его мог обмануть даже годовалый младенец. Эта чрезмерная наивность ему обходилась дорого: не раз и не два его крепко подводили именно те люди, которым он делал добро.

Но у Игошуа было и много достоинств, за которые некоторые злопыхатели из змеиной породы, завидовали ему черной завистью: Шурик легко сходилась с людьми. У него было немало друзей в той жизни, и, ничуть не меньше в этой, уже израильской. Честно сказать, ему в этом деле везло: почти все соседи были приличными людьми. И новый сосед по имени Абихай - уроженец краев легендарного Тимур Ленга, тоже показался Шурику весьма добропорядочным человеком, не любящим, не дай бог, запустить руку в чужой карман, или, что еще хуже, обмануть или подвести кого бы то ни было. Он был мужчиной средних лет, много знал и часто рассказывал любопытные истории

приключенческого жанра. Как и большинство бывших самаркандцев, носил кипу и ходил по субботам в синагогу. Соседи дружили семьями и были даже ближе, чем река Сыр-Дарья с Каспийским морем, на золотом берегу которого когда-то и жил Иегошуа.

Так шли день за днем и месяц за месяцем. Но жизнь всегда непредсказуема. И всегда радостный Абихай, пришел однажды очень грустным и подавленным.

- Что-нибудь случилось ? по- дружески заботливо спросил Шурик. Может, я чем-нибудь подсоблю ?

- -Да ты смог бы помочь,- тихо сказал Абихай Понимаешь, совсем простое дело...Я не хотел даже беспокоить тебя...

- Говори, выкладывай. Какое там беспокойство,- возразил сосед-доброхот . Я, все – таки, кавказец. И для меня грех оставлять человека в беде...

- Мне еще один гарант нужен. Понимаешь, квартиру для сына хочу купить. Женить пора.

- И это все. Нет проблем, Абихай. Заходи завтра, сделаем все, что надо. Как говорится, утро вечера мудренее.

- Если хочешь, - сказал Иегошуа,- можем встретиться в условленном месте.

Кавказец был человеком слова. Сказано-сделано. Как и договорились, Игошуа пришел минута в минуту к условленному месту и в условленное время. Абихай вытащил какие-то бумаги и Шурик, даже не вникнув в их суть, поставил свою подпись под гарантийными обязательствами. А кто еще может сделать такой подарок, если не порядочный сосед? Даже не всякая родня отважится на такое. Абихай не даст соврать: сколько раз он просил некоторых из родни помочь в этом деле. Все отказывались. Все находили весомые причины. А вот совсем чужой человек, просто сосед, отозвался...

- Все это было пару лет назад. Абихай тогда же переехал на новую квартиру, но новоселья почему-то не справил И с тех самых пор Шурик ни разу не видел больше своего соседа, а про те гарантийные обязательства, которые подписал, успел забыть. Некоторые всезнайки говорят, что в одно прекрасное утро человек может проснуться знаменитым. Возможно, что это и случается, но только с творческими людьми. Игошуа в этом списке не значился. И потому подобное явление ему не грозило. И тем не менее, в одно не очень прекрасное для него утро, он обнаружил в своем почтовом ящике странное письмо. На душе у Шурика и без

того было муторно: он жил предчувствием чего-то плохого. Торопливо раскрыв конверт, он увидел банковскую распечатку, а еще и коротенькое письмо с требованием немедленно погасить долг по ссуде. В случае неуплаты, - сообщалось в письме, - вы будете привлечены к уголовной ответственности, а ваша квартира будет продана с аукциона. Иегошуа сразу же сообразил о какой неуплате идет речь. Он достал свою записную книжку, нашел в ней номер телефона бывшего соседа, и позвонил ему.

- - Старик, не бери в голову всякую дрянь,- прокричал в трубку бывший сосед, которому Шурик по наивности, оказал столь весомую услугу. Все будет нормально. Обещаю.

- Какое-то время после этого разговора, Иегошуа, действительно, никто не беспокоил. Но через десять дней пришло новое угрожающее письмо. А еще через три к нему домой пришли сразу несколько человек из разных структур: полицейские, судебный исполнитель и банковские сотрудники.

- Вы Иегошуа бен Ирмия? - очень строго спросил один из полицейских.

Шурик утвердительно кивнул головой.

- Вы подписывали гарантийные обязательства? Вас предупреждали о необходимости

сти уплаты долга по машканте. А сейчас на вашу квартиру наложен арест.

- Это не я должен выплачивать,- пытался убедить блюстителя порядка хороший человек и «академаим»: Иегошуа бен Ирмия. Но все возражения академаима- никаенщика, оказались тщетными. Полицейские и иже с ними, были неумолимы в своем решении.

- Судебный пристав начал уже опись имущества. На следующей неделе Иегошуа должен в обязательном порядке освободить квартиру. Он пытался снова возразить, но полицейские видя его агрессивность, вытащили наручники, предупреждая тем самым, что сопротивление бесполезно. Шурику ничего другого не оставалось, кроме того, как еще раз призвать бывшего соседа к благоразумию.

- А ты не волнуйся, Шурик, меня тоже жена вытурила из дома. Ты меня застал случайно: я пришел, чтоб кое-какое свое барахлишко забрать из дома. Не буду же я без трусов бомжевать. Я теперь - бомж. И ты как - будто тоже кандидат на это «вакантное место. Вот и будем снова соседями, Шурик. Только надо с умом район выбирать. Может быть, на Дизенгоф- центр подадимся? Хороший район, между прочим. Во

всяком случае, лучше, чем эта вонючая Шхунат - Тиква...

- Нет, не зря, все-таки, знающие люди говорят, что надежда умирает последней. Только что ретивые блюстители писаных законов, вошли в квартиру Иегошуа, чтобы унести то, что еще не успели забрать по описи, как с экрана не подлежащего конфискации телевизора, прозвучали очередные сигналы теленовостей. Бравый диктор с металлом в голосе стал зачитывать текст официальной хроники с выборов в Кнессет последнего созыва. Это привлекло внимание и блюстителей закона, которые на пару минут тоже присели на старый кожаный диван, стараясь не пропустить ни одного слова диктора продолжавшего зачитывать текст: «Избирательная комиссия в Кнессет сообщает, что самое большое количество мандатов получила маленькая и никому до сих пор не известная партия «Справедливость» во главе с Иегошуа бен Ирмия. Это настоящий прорыв в истории израильского общества». Блюстители порядка, словно обалдели от услышанного. Тут уже Иегошуа - новоиспеченный депутат еврейского парламента, и, быть может, еще и глава будущий коалиции, в приказном порядке сказал своим бывшим мучителям:

- Немедленно занесите все вещи обратно. А за произвол еще будете отвечать перед судом Справедливости. Вот так-то, господа!

ЗАБВЕНИЮ НЕ ПОДЛЕЖИТ, ИЛИ ХУДОЙ МИР ЛУЧШЕ ДОБРОЙ ССОРЫ

Яше бен Сосуну завтра исполнится ровно семьдесят. Радоваться бы ему по такому «круглому» делу, юбилею, значит. А Яша не радуется. Сердце у него даже плачет. Какой в чертях праздник?! Какое застолье?! Он никого не хочет видеть. Даже свою половину, жену, значит, Софу, у которой тоже юбилей. Но ей до семидесяти еще доехать надо: женушке всего-то шестьдесят пять. В доме -

цунами, скверная погода. Стрелка барометра опустилась ниже красной отметки.

Вот уже несколько дней, как телефон разрывается от настойчивых звонков. Яша знает: это звонят близкие, друзья, просто знакомые. Любопытствуют, когда и, где будет отмечаться круглая дата. Но Яше не хочется говорить ни с кем. Он сейчас выясняет дела двадцатипяти летней давности с дамой сердца – с женой Шуламит. И все двадцать пять лет Яша с немецкой педантичностью задает супруге одни и те же вопросы: «Вот, скажи, зачем ты поехала в санаторий одинешенька? Горящую путевку пожалела? Ну и сгорела бы она к чертовой матери! Бросить мужа, а еще и двоих детей, и спокойно уехать за тридевять земель...»

- Ты же знаешь - взволнованно говорила Шуламит, - мне после того злочастного падения, нужно было срочное курортное лечение. Ты же сам говорил с нейрохирургом...Небось уже забыл?

- А письма после курорта, тоже были лечебными - снова и снова укорял жену придирчивый муж, от которого не возможно было отбиться ни аргументами, ни фактами.

- Ты же читал их - в сто первый раз повторяла Шуламит. – И что же ты нашел в

них любовного ? Не строй из себя ревнивого Отелло. Ты просто выглядишь смешным...

Но Яшу трудно было успокоить. Он методично нанизывал одно колкое слово на другое, желая побольнее ужалить свою половину.

- Ты, наверно, думаешь, что я глупее паровоза, или телефонного столба - не унимался словоохотливый супруг-ревнивец, который в пылу не очень приятной дискуссии, забыл даже о своем юбилее.

- Да, это правда: письма приходили от мнимой женщины. Но женщина женщине послания «до востребования» не посылает, понятно ? Еще скажи, что ты и аборт после санатория не делала, - не унимался муж-ревнивец. От кого же это, тоже от женщины?

- Нет, почему же с некоторой иронией возразила Шуламит. Ты хочешь знать правду ? Так я скажу ее тебе: от Пушкина! Ты хорошо знаешь, что никакого аборта не было в помине, а был курс физиотерапии, который я и проходила. Понял? Может к столетию и поймешь точно. Тебе курс по гинекологии что ли прочесть? Постеснялся бы хотя своих седых волос. А я и совсем забыла: у тебя-то старого ревнивца и волос на

голове не осталось... Мне стыдно за тебя перед детьми: они из - за твоих глупостей перестали к нам приходить. Им не хочется видеть твою кислую физиономию, понял?

- Ну, что ж, спасибо за откровенность - сказал со злостью в голосе муж - юбиляр. - Я начинаю понимать: э

- то заговор! И еще скажу тебе, любезная супруга: настоящая жена на родного мужа в полицию не заявляет. И это после сорока лет совместной жизни! Просто курам на смех, хотя им, как и мне, не до смеха: птичий грипп свирепствует.

После долгих споров и после долгих трений, выездное заседание Дома правосудия в порядке исключения решено было провести в Зале торжеств с обязательным приглашением виновников важного события в лице «конфликтующих» сторон - супругов Сосуновых. Столы, как и подобается, чуть ли не ломились под тяжестью всевозможных блюд и напитков, за которыми сидели в хорошем расположении духа родственники, друзья и знакомые семейной четы. Первое слово было предоставлено известному судье и человеку - миротворцу Моше бен Моше Рахману, который зачитал юбилейное приветствие в адрес супругов и призвал к долгосрочному пере-

мирию, в силу того, что «горячих» мест на нашей маленькой планете и без того очень много.

- Ревнивый Яша поцеловал жену страстно и горячо, как в первые дни давно забытого медового месяца, а затем приветствовал всех собравшихся, особенно депутатов - одноподков из партии пенсионеров, за которых он не раздумывая проголосовал на недавно прошедших выборах и добросовестно исполнил свой гражданский долг в честь и во имя процветания великого Израиля и любви к ближним, населяющим эту страну молока и меда. С этого момента Яша больше не испытывал мелкого и недостойного чувства ревности.

НЕБО В АЛМАЗАХ

Роза была тринадцатым ребенком в многодетной семье музыканта - самоучки Адама бен Адама, и относилась к разряду дам примерно бальзаковского возраста.

Особых стремлений к учебе она не проявляла, и в ее натуре не угадывались блистательные контуры Мерлин Монро, или неиссякаемый талант «Женщины, которая поет» - талант мадам Пугачевой, или даже божий дар другой телезвезды - госпожи Милявской, которая от богатых «бой-френдов» удастается дорогих подарков - роскошной квартиры, бриллиантовых ожерелий, или еще каких-то мелочей. Всего этого в мадам Басе не угадывалось. А посему ее благовоспитанная мамаша решила дать дочери прежде всего «хлебную карточку», то есть профессию, с помощью которой она смогла бы безбедно прожить. Она устроила ее через своих хороших знакомых в кулинарное училище, в котором, возможно, учился когда-то, на заре своей молодости, и всенародно известный Гена Хазанов.

Училась Бася в том же городе, где и жила: в маленькой, но вечнозеленой Ферга-

не, где было много кулинарных заведений, а еще больше

горбоносых парней. А вдобавок, эти носы были крупного размера, как бананы торгаша Малькиэля, который

орудовал на маленьком базаре у фонтана трех сестер.

— Э, какая же ты дура, — укоряла ученицу кулинарного соседка по двору и давняя подруга ее мамы, тетушка Земфира. — Тебе не нравятся такие парни? Большой нос у мужчины — это подарок судьбы женщине. Значит у него и что-то другое тоже в пределах нормы. Это не какая —нибудь сосиска в школьном буфете, поняла?

Но Роза так и не вышла там ни за кого из длинноносых. Родительская семья переехала вскоре в Израиль. И Роза стала репатрианткой. С тех пор прошло много - много лет. Она сегодня замужняя женщина. Знающие люди, а бухарские женщины все про всех знают, особенно в делах житейских, так вот, они говорят, что Розе крупно повезло: ее муж Шевалье - сегодня восходящий поли-

тик и везучий деловой человек. Розу можно было бы считать здоровой и цветущей женщиной, если бы только не один незначительный недуг не мучил бы ее весь день, исключая, конечно, ночь, когда она спит. Хотя сама Роза - женщина бальзаковского возраста, больной себя не считает и о том недуге даже не подозревает. Но, если бы даже она и подозревала бы, то врачи здесь были бы бессильны чем-либо помочь. Болезнь имела странное название - зависть, слово, которое до сих пор не значит ни в одном медицинском словаре ни одной из цивилизованных стран. Но, разумеется, в каком-то словаре это слово обязательно значится. Вот на досуге, например, заглядывая в словарь Даля, вы обязательно найдете его толкование. Но это могут позволить себе только бездельники. А у серьезных людей на подобное баловство времени просто нет. Нет его и у супруга Розалии - Шевалье, который с головой ушел в политические и торговые дела. Он теперь вхож в такие закрытые места, которые доступны только элите. Совсем нет этого времени и у его супруги - Розочки - выпускницы кулинарного. Она всегда рядом со своим суженным на различных раутах и деловых встречах, вертится, как сыр в

масле, даже в дипломатических кругах. Вот и сейчас эта супружеская пара на своем роскошном «Субару» только что вернулась с очередного банкета.

Шевалье - преуспевающий муж знает, что через минуту его благоверная в очередной раз, как и после каждого мероприятия, разразится новым скандалом. Это для него уже не новость.

- Ты видел, мой дорогой и мой бесценный, какое вечернее платье было на жене американского посла? А ты заметил бриллиантовые серьги в ушах жены нашего Президента?

Немного помолчав, ровно столько, чтоб хватило времени освежить горло бокалом «Боржоми», вторая половина преуспевающего Шевалье, снова завелась, как испорченная пластинка на древнем патефоне:

- Завтра, дорогой, оставь все дела, пойдем к знакомым ювелирам. Хочу подыскать что-то необычное, чтоб утереть нос этой гражданке из Штатов. Скажи, для тебя важнее дела, или вид жены?

- Пойдем, но только не завтра,- решительно сказал преуспевающий супруг с французским именем Шевалье. Завтра у меня деловая встреча с китайскими бизнесме-

нами. Я не могу отложить такую встречу. Они завтра как раз и прилетают, – заключил деловой супруг

- Как ты можешь отказать мне в такой мелочи? - возмутилась Роза пуще прежнего, как старуха, которая хотела стать владычицей морскою в сказке А.Пушкина. «О рыбаке и рыбке» – может быть, я тебе уже и не жена? А может быть ты меня взял, чтоб я тебе только плов варила и согревала твою постель? Нет, дорогой, эти узкоглазые подождут. Их много. Говорят, что уже перевалило за миллиард. А я у тебя только одна...Ты уразумел, милый? Ничего с твоими китайцами не случится, могут прилететь еще один разок. Тем более, есть на что посмотреть.

Деловой супруг вздохнул облегченно, наивно полагая, что нравоучительная лекция горячо любимой женушки, наконец-то, закончилась. Но не тут-то было. Она, оказывается, взяла всего-навсего новый тайм-аут. Выпив еще раз очередной бокал боржоми, супруга преуспевающего делового человека по имени Шевалье, с новой силой обрушилась на него с новой порцией горячего красноречия:

- Я забыла, дорогой, тебе сказать о другом, не менее важном деле. На днях жена министра торговли у себя дома девичник устроила. Так я была там и чуть от зависти не лопнула. Ты знаешь, какая у них мебель в доме? Это четыре глаза надо иметь, чтобы насладиться увиденным. На этой неделе нам тоже надо обновить мебель. Еще красивее надо взять, понимаешь? Да, чуть не забыла: на той неделе я была в салоне модной одежды знаменитого кутюрье Фрелускони. Нет, он к бывшему итальянскому премьеру никакого отношения не имеет. Кстати, фамилия того Берлускони. Так вот, я заказала там пару коллекций модных костюмов, которых даже нет в гардеробе у жены посла Израиля в Италии. Она такая модница...Такая модница...У меня, милый мой, очень много срочных дел в этом месяце. Поэтому, не планируй ничего и отложи все мероприятия. Кроме банкетов, разумеется. Я должна знать, что новенького носят элитные жены элитных мужей. И еще: люблю посмотреть на других и себя показать в дорогих ожерельях, как одержимые романтики мечтают видеть небо в алмазах.

ДЕЛО О БРИЛЛИАНТАХ

- Яблоко от яблони далеко не падает. Это к тому, что сын банкира становится банковским клерком, сын знаменитого футболиста – очередным Пеле, а сын ювелира - золотых дел мастером.

Коби бен Хананиэль родился в семье ювелиров – и не в простой, а очень богатой. Ювелиром был прадед, потом дед, отец. Все шло по намеченной колее. Коби тоже не ударил лицом в грязь, и, как и положено, продолжил семейную профессию. И несмотря на молодость, стал великолепным ювелиром. Ему была открыта дверь любой компании: специалисты такого уровня на улице не валяются, как бомжи на тротуарах большого города Тель – Авива. Компаний много, а вот Коби, как знаток, выбрал более престижную - «Карена Карми». Денег на жизнь хватало, на роскошь нет. А вокруг столько соблазна: и голубоглазые блондинки из северных мест, и бронзовые амазонки восточной помеси, и «Вольво», и «Мерседесы». Краем уха любопытный жизнелюб слышал о глобальном потеплении Земли, а значит, неминуемой земной катастрофе.

- А ему уже тридцать пять. Надо жить. И совершать подвиги. И даже радоваться, пока не наступит этот самый конец цивилизации. И с этими мрачными мыслями о конце света, в один из дней, выбрав подходящий момент, Коби подошел к большому сейфу компании, открыл его по секретному коду, а провернув эту нехитрую операцию, вытащил из него все содержимое: один миллион долларов и бриллиантов миллиона на все три. А взяв их, исчез в неизвестном направлении. Но у полиции осведомителей много, как у крутых бизнесменов, любовниц. Кто-то за приличное вознаграждение «продал» грабителя, указав его точное местонахождение. Полицию, а заодно и компанию, интересовал один и тот же вопрос: где деньги и драгоценности?

Но Коби был крепок, как ржавый замок на дверях заброшенного туалета: сорвать с петель его не удалось. Его ответы на все допросы полицейских, были однозначно короткими, как память у народных слуг в Кнессете, начиная еще с середины прошлого века: «Не знаю. Не помню».

— Надо разговорить малого- решили в полиции. А решив, подбросили в камеру подсадную утку. Тот оказался ушлым: взял и разговорил бриллиантового «джентельмена».

По всему получалось, что весь товар сотрудник- грабитель спрятал где-то в древнем Акко, откуда в свое время едва успел унести свои ноги Наполеон. А где именно спрятал, оставалось загадкой. Через несколько дней после первого допроса, начался второй, потом третий. На последнем Коби был категоричным, как, впрочем, и на самом первом: «Ничего не знаю»

– Но не зря говорят, что земля слухом дышит. Тихая и монотонная жизнь в тюрьме Абу – Кабир закончилась. Весть о молодом Монте Кристо, умыкнувшем миллионы, пошла, как распутная девка, гулять по всем камерам. А еще через пару дней эта весть лишила сна криминальные авторитеты. Они стали присылать делегацию за делегацией с прошением к полицейским чинам освободить Коби под крупный денежный залог.

– Освобождение гарантируем, - ответили тюремные чины. Наше условие: положите на «бочку» три миллиона зеленых. С этого момента нашествие «парламентеров» временно прекратилось. Крутые ребята, набравшись терпения, притаились. Они ждут выхода на свободу нового Монте Кристо израильского производства. Через своих агентов они извещают Коби о своем намерении взять его под свою опеку и дать ему «крышу».

- Но бриллианты, как и рукописи – не горят. И не ржавеют, как дверные крючки дербентской общественной бани, где когда – то работал один из предков Коби, пока не научился ювелирному ремеслу. Притаились не только полицейские. Притаился и сам новый Монте Кристо – Коби Кардаш. Считать он может не хуже любого профессора математики. Не уродись он ювелиром,, мог

бы спокойно работать даже на кафедре дагестанского университета. Все хотят его руками жар загребать. Не выйдет. Бриллианты в надежном месте. А миллион долларов он, Коби, отчислит в фонд некурящих детей и не гуляющих женщин - одиночек.. И баста. И все это, он сделал во имя спасения нации. Он не какой –нибудь Лернер – Ави бен Цви, чтобы так смешно попасть с миллионами в чемодане, да еще в этой задрипаной Панаме, где всего, что и есть один незамерзающий канал. На еврейской земле,- рассуждал израильский Монте Кристо кавказского образца, - не должно быть ничего напоминающего Абу – Кабир. Вот, когда он выйдет отсюда, то превратит Абу – Кабир в настоящий музей древностей. А на дверях камеры, где он сейчас сидит, золотом будет высечено: «Здесь томился узник Сиона - Коби Кардаш» Он пустит эти миллионы и на другое богоугодное дело, а именно, на поиски штурмана Рона Арада и спасение Джонатана Полларда, а еще и на запрет контрабандной спермы Игаля Амира, предназначенной для ее доставки госпоже Тетельбойм. Зачем нам новые джины из бутылки? А еще он потратит эти миллионы на поимку вооруженного и очень опасного преступника Усамы бен Ладена, по заданию которого

Хамас хочет присоединить к палестинской автономии Северную Гвинею и Остров Папуасов имени Миклухо - Маклая. Оставшиеся после всех расходов мелочи, Коби пустит на строительство мавзолея Ясеру Арафату - Штирлицу израильских спецслужб, и яростному противнику депортации бесхозных ворон Израиля на территорию сопредельных государств.

РАСПЛАТА

Ведь бывает же в жизни везение! Конечно, бывает. Конечно, везение есть. Это может подтвердить не кто -нибудь, а он, Бецалель, внук самого прославленного в мире дедушки, которого он никогда не видел в лицо, а только слышал о нем от бабушки, мамы и других людей, знавших, или сами слышавших о нем. Бецалель всегда завидовал, иногда, правда, белой завистью, ровесникам, у которых были дедушки – такие степенные и седобородые старцы, с удовольствием гуляющие со своими внуками и рассказывали им сказки... Про Али-Бабу и сорок разбойников, например.

Своего деда Бецалель никогда не видел, разве что в семейном альбоме, который до своей кончины бабуля Ирен хранила, как зеницу ока. На Бецалеля смотрел совсем молодой человек с тонкими в ниточку усиками, пышной шевелюрой и нахальным лицом гусара. По многочисленным рассказам, Бецалель знает, что его дед, которого он никогда не видел, был большим сердцеедом, и, однажды какая – то богатая зарубежная дама – дальняя родственница семьи, приехавшая на

пару недель, чтобы развеять свою настальгию, втюрилась в фамильного сердцеда и... увезла его в Штаты, якобы, для легкого путешествия. А там, богатая леди женила деда, которого звали Юнатан, на себе. Так дед Бецалея стал богатым принцем. А дальше этот романтический детектив получил свое новое продолжение Привлекательная внешность молодого человека, его галантность и кавказская предприимчивость, выдвинули Юнатана на первые роли. По рассказам очевидцев, дед Бецалея заимел свое дело, и даже стал миллионером. Рассказывали и другое: дед – ловелас и дон Жуан первой гильдии, вскоре стал добычей другой мультимиллионерши.

Проходили годы. Подрастал внук деда-миллионера, о котором он и понятия не имел, ибо с той поры, как его «похитила» заокеанская богатая дама, никакой связи с первой семьей у новоиспеченного американца не было. Его сыну - отцу Бецалея – было тогда всего десять лет от роду. И хотя прямой связи и не было, бывший отец и муж иногда через каких-то людей, посылал бывшей семье небольшие подарки. Новый американец жил тогда в Балтиморе, где Юно Юнатов стал Юнатаром Юнотансом.

Прошло еще много лет. Бецалель стал взрослым мужчиной, сам имел уже собственную семью. Внешне внук был очень сильно похож на сбежавшего деда. А вот деловым, как дед, не стал. Бецалель стал драматическим артистом.

- Ты репетируешь ? - как бы невзначай спросила его крупногабаритная супруга.

- Какая там репетиция ? Дед в Америке умер. Вот, только что прочел в свежем номере «Ту Дэй». Я ее получаю регулярно. Вот это новость! Вот это новость! - начал восклицать он неожиданно, размахивая газетой. Бецалель играл на сцене местного театра шутов и даже королей. Романтики было много, а денег на жизнь не хватало.

- Искусство требует жертв, - дорогуша говорил Бецалель пышнотелой супруге всякий раз, когда она в очередной раз напоминала о том, что холодильник пуст. Но Бецалель уже не слышал этих жалоб. Он еще и еще раз просматривал свежий номер американской газеты, извещающей о смерти его деда: «Вчера в Балтиморе на 75 году жизни от сердечной недостаточности умер б. миллионер- американец кавказского происхождения Юнатан Юнатанс. Похороны через три дня на еврейском участке кладбища»

- Надо срочно лететь, - ведь я его внук, - бесконечно повторял вслух Бецалель, - расхаживая по комнате взад и вперед. Конечно, он оставил завешание, и конечно, он не мог забыть и своего внука. Теперь мы тоже богачи, - радостно, как шаловливый ребенок восклицал внук – актер.

- Беги в посольство, - посоветовала ему благочестивая супруга.

- Ты права... Ты права... Уже бегу. Уже бегу...

- Газету не забудь, - напомнила опять вторая половина.

- Да..Да..Это очень важно. Да и билет на самолет надо заказать. Только вот беда: где взять деньги ?

- Ты, знаешь, Беци,- снова вмешалась вторая половина,- одолжи в посольстве. Скажи, что ты сразу вернешь по возвращении. Полагаю, что твой дед миллиончик нам оставил...

- В посольстве, вряд ли, дадут эти деньги. Да и просить займы не совсем удобно. Попросим у друзей

- Но сотрудники посольства оказались порядочными людьми, даже джентельменами. Бецалель по-английски знал всего три слова:

- «Йес», «О`кей!», «Гуд бай». Но Бецалелю всегда везло. Повезло и на этот раз: американцы знали русский. Они оказались словоохотливыми людьми: говорили разные комплименты и сердечно выражали свое сочувствие. Бецалель думал только о своем. Ему хотелось поскорее попасть на похороны, чтобы заполнить это самое заветное завещание деда – миллионера.

- На этот раз везение изменило внуку и актеру драматического. Самолеты на Балтимор летели не каждый день. И поэтому Бецалель прилетел с опозданием. Он сразу же взял такси и приехал на местное кладбище, где находилось и бюро ритуальных услуг. Он ожидал увидеть на похоронах большое скопление народа. Все - таки, умер миллионер, не говоря о том, что это его дед. Но на кладбище он увидел всего пару человек из числа волонтеров еврейской синагоги, которые пришли сюда ради своей миссии. Бецалель хотел было открыть рот, чтобы спросить у кого-то, кто может знать о завещании Юнатана Юнатанса, когда на его плечо опустилась чья-то тяжелая рука.

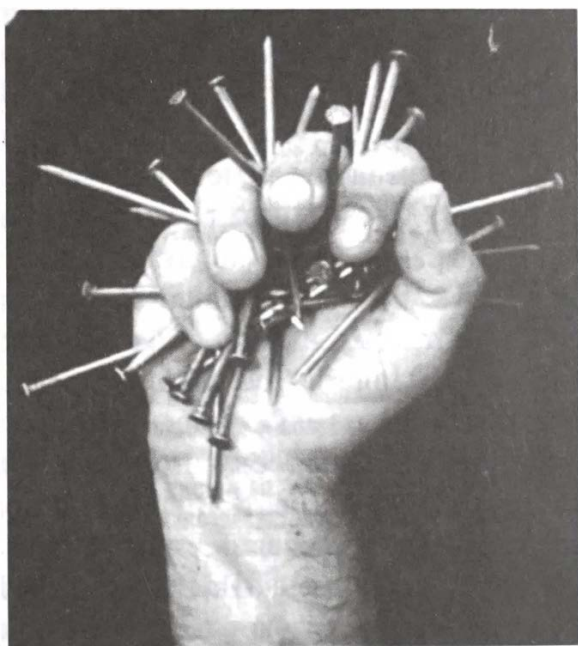
- Я – заведующий бюро ритуальных услуг,- представился хозяин тяжелой руки. – Меня зовут сэр Абрахамс. Спасибо, что

прилетели на похороны своего родственника, — многозначительно сказал он. Я как раз искал кого-нибудь...- Я его внук,- торжественно воскликнул Бецалель, так торжественно, как если бы его дедом был бы сам Наполеон.

- Вот и хорошо, — не менее радостно сказал сэр Абрахамс. Я как раз искал человека, который оплатит наши ритуальные услуги. Спасибо, что прилетели...

- И тут Бецалель не выдержал. Он вытащил газету и показал этому непонятливому сэру из бюро ритуальных услуг записку - извещение, где было черным по белому написано, что умер б. миллионер Юнатанс. Но тут на голову внука и драматического актера свалился еще один неприятный сюрприз. Сэр Абрахамс оказался человеком из горских, который давно приехал в Штаты, и где до приезда его просто звали Абрамом. Он заговорил на чисто русском: - Вы ошиблись, мой дорогой земляк. Вы неправильно расшифровали текст извещения. Б. миллионер - это не большой миллионер, а бывший. Мы решили сэкономить умершему деньги. Ведь газете надо платить за каждое слово. У покойного уже давно ничего не было. Все свое состояние он продул, играя в казино. И

уже давно жил в приюте для бездомных. Бе-
цалель молчал. Ему хотелось повеситься, но
у него еще не было внука, который мог бы
заплатить за ритуальные услуги. Поэтому он
уже ничего не хотел кроме одного: от души
напиться, а заодно и помянуть своего деда.

ТРАГИЧЕСКАЯ ОШИБКА

Сколько помнит себя, (а Гедалья бен Барух помнит себя издавна, с тех самых времен, когда еще под столом ползал), так сколько помнит себя, он только и слышал в родительском доме одно памятное изречение: «В следующем году в Иерусалиме».

С тех пор прошло, ой, как много лет. Он давно уже не ползает под столом. Гедалья давно уже взрослый мужчина, у которого есть семья: жена и маленькие детки. Он - «оле хадаш». Месяц назад комфортабельный самолет израильской авиакомпания «Эль-Аль», благополучно доставил его в Бен - Гурион. И вот уже месяц, как он живет у Средиземного моря, в большом городе, который называется Тель-Авив. Не сегодня - завтра, Гедалья снова станет учеником: пойдет в ульпан штурмовать иврит. А пока его словарный запас невелик. Он знает всего два коротких слова: «Шалом!» и «Литрот!». Но это не вызывает в Гедалье бен Барухе особого беспокойства.

- Всему свое время,- рассуждает зеленый репатриант с Кавказа, когда его вдруг посетило жгучее желание увидеть священный го-

род трех религий и столицу новой еврейской родины- Иерусалим. В его ушах снова зазвучали такие знакомые и родные слова: «В следующем году в Иерусалиме!» Гедалья как - будто бы подменили, как иногда подменяет по ошибке новорожденных безалаберный медперсонал некоторых родильных домов на всех континентах земли. Но подменили по- хорошему: он не узнавал себя и чувствовал особый прилив сил и внутренней энергии. Его пульс и биоритмы работали, как донецкие шахтеры времен Стаханова. Гедалья, как всегда, легко позавтракал, поцеловал детей, а потом, как бы между прочим, сказал жене: - «Пойду немного проветрюсь. Авось, кого-нибудь из наших махачкалинцев встречу». Но выйдя на улицу, он решительно направился в сторону новой Таханы Мерказит, откуда на скоростном и комфортабельном автобусе поехал в священный город Иерусалим. Ему захотелось побыть одному у Стены Плача. И не просто побыть, а положить здесь письмо - просьбу ко Всевышнему, в котором он будет просить Его о благополучии и помощи.

Гедалья никогда не бывал раньше в этом белокаменном царстве красоты и свежести. И поскольку у него сейчас времени было

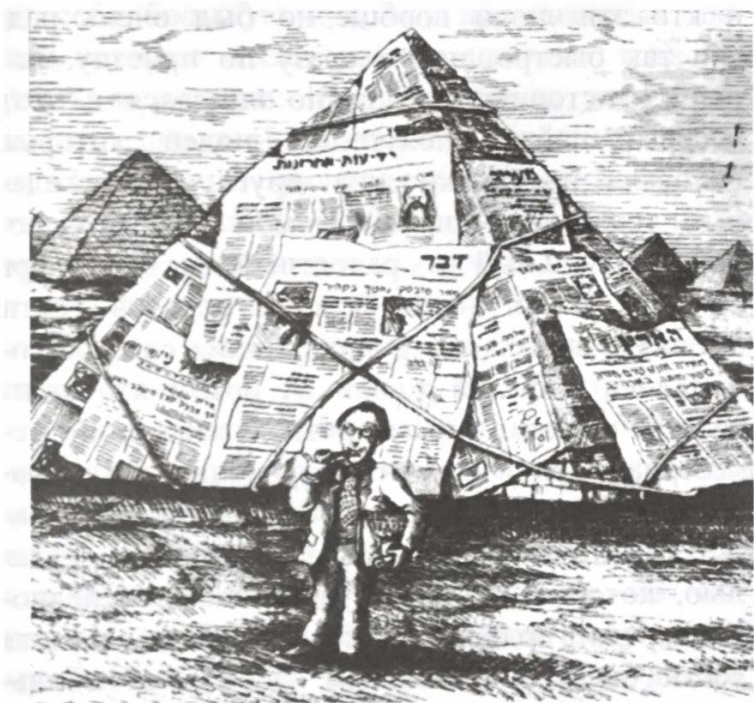
гораздо больше, чем когда - то у Иехуда Ольмерта на создание нового кабинета, и даже намного больше, чем денег в его собственном кошельке, новый репатриант, выйдя из автобуса, решил вначале немного прогуляться по узким и старинным улочкам этого древнего города.

Ему повезло. Вдруг он увидел недалеко от себя большую колонну полураздетых людей, которые несли разные цветные транспаранты и лозунги. Шествие сильно напоминало бразильский карнавал: многие особи мужского пола были одеты в женские платья и губы почти у всех были выкрашены яркой помадой, и не случайно, поэтому, напоминали козлиные задницы. Увидя эту живописную картину, Гедалья обрадовался и даже повеселел. А повеселев, быстрым шагом направился к разноликой массе. На плакатах, которые несли эти полуголые существа, были изображены различные эротические картинки. Но Гедалья - горец и хранитель строгих кавказских законов, никак не мог понять, почему на них мужчины целуются с мужчинами, а не с какой - нибудь дамой, например. Но не стал себя долго мучить вопросом, а сразу же присоединился к процессии. Слева и справа щелкали своими ки-

но- фотоаппаратами операторы из различных рекламных кампаний.

«Теперь эта сволочь Эзра лопнет от зависти, увидя меня по телевизору» – невольно подумал Гедалья, когда один из репортеров направил на него мощный объектив своей кинокамеры, похожего на диковинную пасть акулы. Гедалья не понимал, что происходит, и кто эти люди вообще, но был очень рад, что так быстро, почти сразу по приезду, попал...в историю. Он удачно вписался в этот пестрый пейзаж полуголых людей, которые целовали не только друг друга, но и Гедалью тоже. Он приехал домой поздно вечером – довольный и радостный. А в четверг вечером накануне шабата, к нему в гости приехала кой-какая родня. Пили, ели, разговаривались о былой жизни. А потом кто-то из гостей пожелал посмотреть бразильский телесериал. Но в момент включения показывали новости. И вдруг гости увидели на экране крупным планом своего родича - Гедалью, который оказался участником очередного парада гордости, то биш гомиков. И хотя гости были под сильным «шофэ» от обильной дозы принятого на грудь спиртного, увидя своего родного человека в объятьях экземпляров нетрадиционного секса, они мо-

ментально отрезвели. И Гедаля понял, что он действительно, влип... в историю. А виной всему - незнание иврита, - грустно произнес участник парада голубых. И он, Гедаля, новый репатриант с Кавказа, решил во чтобы то ни стало освоить этот древний язык.

ЖИВОЙ ТРУП

Адам бен Адам - уроженец провинциального Аксая, что в четверть часа хорошей езды от дагестанского Бомбея - города Хасавюрта, где, между тем, не в столь отдаленные времена, подписал один очень важный документ, определяемый по нынешним временам, как исторический, ни кто иной, как сам генерал Лебедь. Так вот, выше упомянутый законно послушный гражданин Адам бен Адам, никогда не значился в списке кровожадных. Да и работа у него была, что ни есть самая мирная: экспедитор мясокомбината того самого дагестанского Бомбея. Работа не пыльная, немного хлопотливая, немного веселая, но всегда денежная. У Адама бен Адама было все, о чем мог мечтать преуспевающий обыватель и гражданин средней руки. Его можно было бы внести и в список зажиточных людей, но ни союзная, ни республиканская конституции, не позволяли делать этого ввиду отсутствия в стране после Октября 1917 года подобного класса и подобной категории людей. Его доходы не были адекватны доходам отца Перестройки, но Адам и не претендовал на подобное соперничество: у него было все, и он никому не завидовал - ни живым и ни мертвым. Ему исполнилось ровно пятьдесят. И он был не только опытным экспедитором, умеющим делать приличные деньги, но и наделенным от природы

фантастом, который без труда мог бы соперничать с самим Жюль Верном. Ему было пятьдесят. И у него было отменное здоровье, как у глухонемого Герасима из «Муму», а поэтому, до всевозможных инсультов и миокардов еще было очень далеко. Если быть точным, так далеко, как сияющие вершины коммунизма, о ближайшем наступлении которого говорил главный кукурузник всех времен и народов, Никита, он же, Хрущев.

Помимо всего прочего, Адам был еще и любопытным человеком, а точнее сказать, потенциальным экспериментатором. Открытых врагов у него не было, но скрытых недругов, хоть пруд пруди, или на хасавюртовский «шайтан – базар» выставляй. Но Хасавюрт давно уже значился только в его необъятной и вселенской памяти, глубокой, как снег на Хермоне в пик зимы, ибо жил он в последние двадцать лет в Бейт – Элезере - в одном из пригородов белокаменной Хедеры, отныне ставшей побратимом древнего, как мир, Дербента.

Открытых врагов у Адама бен Адама не было: он никому не мешал воровать, что плохо лежало, не закрывал дорогу идущему в парламент, или в министры, и даже ни у

кого не отнимал директорского кресла. А скрытые недоброжелатели, тем не менее, были. Его доходное место мозолило глаза многим завистникам. Они были не только среди чужих, но, что обидно, они были среди своих кровных родственников. В один из вечеров, сидя на кухне за чашкой ароматного чая, Адам решился на конфиденциальный диалог с миловидной супругой на исключительно важную тему.

— Я очень хочу знать, - сказал он жене, тщательно подбирая каждое слово, - что, например, думают обо мне некоторые близкие люди. Пока я живой, они промолчат: в рот воды наберут. А ведь любопытно, что они скажут про меня мертвого.

- Да не приведи господь,- чтоб это случилось, - испуганно произнесла его жена Ева. Ты что, хочешь досрочно умереть?

- Ты не совсем поняла, - постарался успокоить Адам взволнованную этим сообщением супругу. Понимаешь, я хочу разыграть небольшой спектакль: вроде бы неожиданно умер... Ведь такое же случается. Я люблю эксперименты. Все это будет, вроде, розыгрыша, не более того, поняла? А я, между тем, в гриме буду ходить и слушать, кто, что говорит... Ну всего- на всего розыгрыш.

- Весть о скоропостижной смерти Адама бен Адама, бывшего экспедитора мясокомбината дагестанского Бомбея, разошлась с быстротой цунами на индонезийском побережье. Народу пришло много. Адама загримировали так классно, что он не узнавал самого себя: на лысую голову пришпандорили парик, как две капли воды похожий на шевелюру Кобзона. А еще приклеили усы и бороду. Ну, настоящий новый русский! Люди стояли группами, а все близкие собрались в один общий круг. Адам, как один из соболезнующих, тоже примкнул к ним.

- О мертвых, конечно, не говорят плохо, но он был сволочью,- темпераментно изливал свои мысли родной брат жены Папик. Сестра намучилась от его любовниц. Жалко Еву. А его совсем и даже ни на капельку не жалко. Дон Жуан и все.

- Он земли не чувствовал под ногами. Летал... Людей в грош не ставил, жировал. Деньги испортили Адама вконец,- не менее темпераментно говорил о «покойнике» его двоюродный брат Юшва, которого «умерший» трижды вытаскивал из мест не столь отдаленных. Превзошел себя и муж младшей сестры Игаль, которому на день рождения Адам купил приличную машину.

– Да, конечно, он наш близкий родственник... Что делать, бывает. Люди плохо отзывались о нем. Хотя я лично, на него не в обиде: на день рождения купил мне «Жигули», хотя мог бы и «Ладу». При таких деньгах мог бы нам и отдельный дом где – нибудь в Москве купить... Деньги никто с собой не забрал.

Адам, как терпеливый следователь, прислушивался к каждому разговору, ни проронив ни слова, даже когда горло сжималось от обиды и от всего, что поневоле приходилось ему выслушивать.

Похороны были назначены на двенадцать часов дня. Все было продумано до мелочей. К назначенному времени, к дому были поданы два больших автобуса. Сомнений в том, что бывший экспедитор и гражданин дагестанского Бомбея Адам бен Адам умер, ни у кого не было. Вот – вот похоронная процессия должна была отправиться в путь... Надо было срочно заканчивать спектакль. Быстренько найдя укромное место, «покойник» сорвал с себя все театральные реквизиты – парик, усы и бороду. Для надежности взглянул в ручное зеркальце: во всем великолепии перед ним предстал тот

самый прежний Адам, который и не умирал вовсе.

- Прошу извинить, господа, за маленькую бестактность и беспокойство,- сказал воскресший из мертвых. Так вышло. Медицина в Эрец Исраэль великолепная: безотказно воскрешает по желанию даже мертвых. Это, конечно, шутка. Шуткой был и весь этот «спектакль». Будем жить! Не все же время нам надо плакаться о нашей тяжелой репатриантской жизни. Немного надо и расслабиться.

- На святой земле живем, ребята. А сейчас прошу всех к столу. Всех до единого! Отметим мое «воскрешение». Как говорили в «Джентельменах удачи» «жрать и пить подано!», А, что, скажите, надо еще живущему человеку?

Содержание

Роман Бадалов (биографическая справка)	4
От автора	7
Папа выходит замуж	8
Валютный роман.....	14
Ай лазат!.....	20
Залимхан.....	29
Халявщик.....	35
Аденома	41
Еврейтор Мелик.....	47
Не имей сто рублей.....	53
Спасибо, доктор.....	60
Мамин сынок.....	65
Жертвоприношение.....	70
Юбилейные воспоминания.....	76
Кавказский пленник.....	82
Прохиндей	91
Древняя профессия.....	97
Непотопляемый.....	102
Узник Барбанеля.....	108
Как раби Дибия космонавтом хотел стать.....	114

С поличным.....	121
Молчащий кошелек.....	126
Вой бе вой.....	130
Мститель из Кирьят Бирьята.....	135
Личная шерсть.....	140
Частный детектив или Штирлиц на двоих	146
Продавец воздуха.....	152
Эпидемия.....	158
Завешание Ханука из Мамрача.....	163
Проклятия.....	168
Хотел увидеть коммунизм.....	173
Родной муж родной жены.....	179
Женские хитрости.....	184
Пропавшие челюсти.....	189
Ловушка.....	194
Алкоголикам вход разрешен.....	200
Пошел бы ты.....	204
Открытое письмо.....	212
Бриллиантовые.....	217
Миллионный репатриант.....	222
Хождение по мукам.....	227
Деликатное дело.....	234
Нашествие.....	239
Новогодние тосты.....	247

Неразбериха.....	254
Забвению не подлежит.....	262
Небо в алмазах.....	268
Дело о бриллиантах	275
Расплата.....	281
Трагическая ошибка.....	288
Живой труп.....	293

